

Александр
Лундгрех

незнайка
в гости к
улитке

М Machaon

Annotation

Разве может маленькая девочка пронести на руках лошадь?! Представьте, что может!

И эту девочку зовут Пеппи Длинныйчулок. Её придумала замечательная шведская писательница Астрид Линдгрен.

Никого на свете нет сильнее Пеппи, она способна уложить на лопатки даже самого прославленного силача. Но не только этим знаменита Пеппи. Ещё она самая весёлая, самая непредсказуемая, самая озорная и самая добрая девочка в мире, с которой непременно хочется подружиться!

Для среднего школьного возраста.

- [Астрид Линдгрен](#)
 -
 -
 - [Как Пеппи поселилась в вилле «Курица»](#)
 -
 - [Как Пеппи поселилась в вилле «Курица»](#)
 - [Как Пеппи ввязывается в драку](#)
 - [Как Пеппи играет с полицейскими в салочки](#)
 - [Как Пеппи идёт в школу](#)
 - [Как Пеппи лезет в дупло](#)
 - [Как Пеппи устраивает экскурсию](#)
 - [Как Пеппи идёт в цирк](#)
 - [Как к Пеппи забираются воры](#)
 - [Как Пеппи приглашают на чашку кофе](#)
 - [Как Пеппи спасает двух малышей](#)
 - [Как Пеппи празднует свой день рождения](#)
 - [Пеппи собирается в путь](#)
 -
 - [Как Пеппи отправляется за покупками](#)
 - [Как Пеппи пишет письмо и идёт в школу](#)
 - [Как Пеппи участвует в школьной экскурсии](#)
 - [Как Пеппи идёт на ярмарку](#)
 - [Как Пеппи терпит кораблекрушение](#)
 - [Как Пеппи принимает дорогого гостя](#)
 - [Как Пеппи устраивает прощальный пир](#)

- [Как Пеппи отправляется в плавание](#)
 - [Пеппи в стране Веселии](#)
 -
 - [Как у Пеппи покупают виллу «Курица»](#)
 - [Как Пеппи подбадривает тётю Лауру](#)
 - [Как Пеппи ищет кукарямбу](#)
 - [Как Пеппи изобретает новый вид спорта](#)
 - [Как Пеппи получает письмо](#)
 - [Как Пеппи отправляется в плавание](#)
 - [Как Пеппи сходит на берег](#)
 - [Как Пеппи разговаривает с акулой](#)
 - [Как Пеппи объясняется с Джимом и Буком](#)
 - [Как Пеппи проучила бандитов](#)
 - [Как Пеппи покидает страну Веселию](#)
 - [Пеппи не хочет быть взрослой](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Астрид Линдгрен

Пеппи Длинныйчулок (сборник)

ASTRID LINDGREN

Pippi Långstrump

Pippi Långstrump går ombord

Pippi Långstrump i Söderhavet

Pippi Långstrump © Text: Astrid Lindgren 1945 / Saltkrakan AB

Pippi Långstrump går ombord © Text: Astrid Lindgren 1946 / Saltkrakan

AB

Pippi Langstrump i Söderhavet © Text: Astrid Lindgren 1948 / Saltkrakan

AB

© Лунгина Л.З., наследники, перевод на русский язык, 2013

© Джаникян А. О., иллюстрации, 2013

© Оформление, издание на русском языке

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Александр Линдгрен

Пенел

Длинный чулок

Новая сказка

Как Пеппи поселилась в вилле «Курица»

Как Пеппи поселилась в вилле «Курица»

На окраине одного маленького шведского городка вы увидите очень запущенный сад. А в саду стоит почерневший от времени ветхий дом. Вот в этом-то доме и живёт Пеппи Длинныйчулок. Ей исполнилось девять лет, но, представьте себе, живёт она там совсем одна. У неё нет ни папы, ни мамы, и, честно говоря, это имеет даже свои преимущества – никто не гонит её спать как раз в самый разгар игры и никто не заставляет пить рыбий жир, когда хочется есть конфеты.

Прежде у Пеппи был отец, и она его очень любила. Мама, конечно, у неё тоже когда-то была, но Пеппи её уже совсем не помнит. Мама умерла давно, когда Пеппи была ещё крошечной девочкой, лежала в коляске и так ужасно кричала, что никто не решался к ней подойти. Пеппи уверена, что её мама живёт теперь на небе и смотрит оттуда сквозь маленькую дырочку на свою дочку. Поэтому Пеппи часто машет ей рукой и всякий раз приговаривает:

– Не бойся, мама, я не пропаду!

Зато отца своего Пеппи помнит очень хорошо. Он был капитаном дальнего плавания, его корабль бороздил моря и океаны, и Пеппи никогда не разлучалась с отцом. Но вот однажды, во время сильного шторма, огромная волна смыла его в море, и он исчез. Но Пеппи была уверена, что в один прекрасный день её папа вернётся, она никак не могла себе представить, что он утонул. Она решила, что отец попал на остров, где живёт много-много негров, стал там королём и день-деньской расхаживает с золотой короной на голове.

– Мой папа – негритянский король! Не всякая девочка может похвастаться таким удивительным папой, – частенько повторяла Пеппи с видимым удовольствием. – Когда папа построит лодку, он приедет за мной, и я стану негритянской принцессой. Гей-гоп! Вот будет здорово!

Этот старый дом, окружённый запущенным садом, отец купил много лет назад. Он собирался поселиться здесь с Пеппи, когда состарится и уже не сможет водить корабли. Но после того как папа исчез в море, Пеппи отправилась прямёхонько в свою виллу «Курица», чтобы там дожидаться его возвращения. Вилла «Курица» – так назывался этот старый дом. В комнатах стояла мебель, в кухне висела утварь – казалось, всё специально приготовили, чтобы Пеппи могла здесь поселиться. Однажды тихим летним вечером Пеппи простилась с матросами на папином корабле. Все они так любили Пеппи, и Пеппи так любила их всех, что расставаться было очень грустно.

– Прощайте, ребята! – сказала Пеппи и поцеловала поочерёдно каждого в лоб. – Не бойтесь, я не пропаду!

Только две вещи взяла она с собой: маленькую обезьянку, которую звали Господин Нильсон – она получила её в подарок от папы, – да большой чемодан, набитый золотыми монетами. Все матросы выстроились на палубе и печально глядели вслед девочке, пока она не скрылась из виду. Но Пеппи шла твёрдым шагом и ни разу не оглянулась. На плече у неё восседал Господин Нильсон, а в руке она несла чемодан.

– Ушла одна... Странная девочка... Да разве её удержишь! – сказал матрос Фри́дольф, когда Пеппи исчезла за поворотом, и смахнул слезу.

Он был прав, Пеппи и в самом деле странная девочка. Больше всего поражает её необычайная физическая сила, и нет на земле полицейского, который бы с ней справился. Она могла бы шутя поднять лошадь, если б захотела, – и знаете, она это часто проделывает. Ведь у Пеппи есть лошадь, которую она купила в тот самый день, когда поселилась в своей вилле. Пеппи всегда мечтала о лошади. Лошадь живёт у неё на террасе. А когда Пеппи хочется после обеда выпить там чашечку кофе, она недолго думая выносит лошадь в сад.

По соседству с виллой «Курица» стоит другой дом, тоже окружённый садом. В этом доме живут папа, мама и двое милых ребятшек – мальчик и девочка. Мальчика зовут Томми, а девочку – Анника. Это славные, хорошо воспитанные и послушные дети. Томми никогда ни у кого ничего не выпрашивает и без пререканий выполняет все мамины поручения. Анника не капризничает, когда не получает того, что хочет, и всегда выглядит такой нарядной в своих чистеньких накрахмаленных ситцевых

платьяцах. Томми и Анника дружно играли в своём саду, но всё-таки им не хватало детского общества, и они мечтали найти себе товарища для игр. В то время, когда Пеппи ещё плавала со своим отцом по морям и океанам, Томми и Анника иногда залезали на забор, отделяющий сад виллы «Курица» от их сада, и всякий раз говорили:

– Как жаль, что никто не живёт в этом доме. Вот было бы здорово, если б здесь поселился кто-нибудь с детьми.

В тот ясный летний вечер, когда Пеппи впервые переступила порог своей виллы, Томми и Анники не было дома. Мама отправила их погостить недельку у бабушки. Поэтому они и понятия не имели о том, что кто-то поселился в соседнем доме. Они вернулись от бабушки вечером, а наутро стояли у своей калитки, глядели на улицу, ещё ничего не зная, и обсуждали, чем бы им заняться. И вот как раз в тот момент, когда им показалось, что они ничего забавного придумать не сумеют и день пройдёт нудно, как раз в тот момент открылась калитка соседнего дома и на улицу выбежала девочка. Это была самая удивительная девочка из всех, каких когда-либо видели Томми и Анника.

Пеппи Длинныйчулок отправлялась на утреннюю прогулку. Вот как она выглядела: волосы её цвета морковки были заплетены в две тугие косички, торчавшие в разные стороны; нос походил на крошечную картофелину, да к тому же ещё в крапинку – от веснушек; в большом широком рту сверкали белые зубы. На ней было синее платье, но так как синей материи у неё, видно, не хватило, она вшила в него кое-где красные лоскутки. На очень тонкие и худые ноги она натянула длинные чулки разных цветов: один – коричневый, а другой – чёрный. А огромные чёрные туфли, казалось, вот-вот свалятся. Папа купил их ей в Южной Африке на вырост, и Пеппи ни за что не хотела носить другие.

А когда Томми и Анника увидели, что на плече у незнакомой девочки сидит обезьяна, они просто застыли от изумления. Маленькая мартышка была одета в синие брючки, жёлтую курточку и белую соломенную шляпу.

Пеппи пошла вдоль по улице, одной ногой ступая по тротуару, другой – по мостовой. Томми и Анника не спускали с неё глаз, но она исчезла за поворотом. Однако скоро девочка вернулась, но теперь она уже шла задом наперёд. Причём шла она так только потому, что поленилась повернуться, когда надумала возвратиться домой. Поравнявшись с калиткой Томми и Анники, она остановилась. С минуту дети молча глядели друг на друга. Наконец Томми сказал:

– Почему ты пятишься как рак?

– Почему я пячусь как рак? – переспросила Пеппи. – Мы как будто

живём в свободной стране, верно? Разве каждый человек не может ходить так, как ему вздумается? И вообще, если хочешь знать, в Египте все так ходят, и никого это ни капельки не удивляет.

– Откуда ты знаешь? – спросил Томми. – Ведь ты не была в Египте.

– Как?! Я не была в Египте?! – возмутилась Пеппи. – Так вот, заруби себе на носу: я была в Египте и вообще я объездила весь свет и вдоволь насмотрелась всяких чудес. Я видела вещи и позабавней, чем люди, которые пятятся как раки. Интересно, что бы ты сказал, если б я прошла по улице на руках, как ходят в Индии?

– Будет врать-то! – сказал Томми.

Пеппи на минуту задумалась.

– Верно, я вру, – сказала она печально.

– Сплошное враньё! – подтвердила Анника, решившись наконец тоже вставить словечко.

– Ага, сплошное враньё, – согласилась Пеппи, становясь всё более грустной. – Но иногда я начинаю забывать, что было и чего не было. Да и как ты можешь требовать, чтобы маленькая девочка, у которой мама – ангел на небе, а папа – негритянский король на острове в океане, всегда говорила только правду. И к тому же, – добавила она, и вся её веснушчатая мордочка засияла, – во всём Бельгийском Конго не найдётся человека, который сказал бы хоть одно правдивое слово. Целые дни напролёт там все врут. Врут с семи утра и до захода солнца. Так что если я вам когда-нибудь случайно совру, вы не должны на меня сердиться. Я ведь очень долго жила в этом самом Бельгийском Конго. А подружиться мы всё-таки можем! Верно?

– Ещё бы! – воскликнул Томми и вдруг понял, что нынешний день уж никак нельзя будет назвать нудным.

– Почему бы вам, например, не пойти сейчас ко мне позавтракать? – спросила Пеппи.

– В самом деле, – подхватил Томми, – почему бы нам этого не сделать? Пошли!

– Вот здорово! – завопила Анника. – Идёмте скорее! Идёмте!

– Но прежде я должна познакомить вас с Господином Нильсоном, – спохватилась Пеппи.

При этих словах маленькая обезьянка сняла с головы шляпу и вежливо поклонилась.

Пеппи толкнула обветшалую калитку, и дети двинулись по усыпанной гравием дорожке прямо к дому. В саду росли огромные старые замшелые деревья, прямо созданные для того, чтобы на них лазить. Все трое

поднялись на террасу. Там стояла лошадь. Опустив голову в суповую миску, она жевала овёс.

– Слушай, а почему у тебя лошадь стоит на террасе? – изумился Томми. Все лошади, которых он когда-либо видел, жили в конюшнях.

– Видишь ли, – задумчиво начала Пеппи, – на кухне она бы только путалась под ногами, а в гостиной ей было бы неудобно – там слишком много мебели.

Томми и Анника посмотрели на лошадь и вошли в дом. Кроме кухни, в доме были ещё две комнаты – спальня и гостиная. Но, судя по всему, Пеппи целую неделю и не вспомнила об уборке. Томми и Анника с опаской огляделись вокруг – не сидит ли в каком-нибудь углу негритянский король. Ведь они ни разу в жизни не видели негритянского короля. Но дети не обнаружили никаких признаков ни папы, ни мамы.

– Ты здесь живёшь совсем одна? – с испугом спросила Анника.

– Конечно нет! Мы живём втроем: Господин Нильсон, лошадь и я.

– И у тебя нет ни папы, ни мамы?

– Ну да! – радостно воскликнула Пеппи.

– А кто же тебе говорит по вечерам: «Пора ложиться спать»?

– Сама себе говорю. Сперва я говорю себе очень ласковым голосом: «Пеппи, ложись спать». А если я не слушаюсь, то повторяю уже строго. Когда и это не помогает, мне от себя здорово влетает. Понятно?

Томми и Анника никак не могли этого понять, но потом подумали, что, может быть, это не так-то уж плохо.

Дети вошли в кухню, и Пеппи запела:

Скорей сковороду на печь!

Блины мы будем печь.

Мука, и соль, и масло есть,

Мы скоро будем есть!

Пеппи взяла из корзинки три яйца и, подбросив их над головой, разбила одно за другим. Первое яйцо вытекло ей прямо на голову и залепило глаза. Но зато два других ей удалось ловко поймать в кастрюльку.

– Мне всегда говорили, что яйца очень полезны для волос, – сказала она, протирая глаза. – Вы сейчас увидите, как у меня быстро начнут расти волосы. Слышите, уже скрипят. Вот в Бразилии никто не выйдет на улицу, не намазав густо голову яйцом. Помню, там был один старик, такой

глупый, он съедал все яйца вместо того, чтобы выливать их себе на голову. И он так полысел, что, когда выходил из дому, в городе поднимался настоящий переполох, и приходилось вызывать полицейские машины с громкоговорителями, чтобы навести порядок...

Пеппи говорила и одновременно выбирала из кастрюльки попавшую туда яичную скорлупу. Затем она сняла висевшую на гвозде щётку на длинной ручке и принялась взбивать ею тесто так усердно, что забрызгала все стены. То, что осталось в кастрюльке, она вылила на сковороду, которая давно стояла на огне. Блин тут же подрумянился с одной стороны, и она подбросила его на сковороде, да так ловко, что он, перевернувшись в воздухе, шлёпнулся обратно вниз неподжаренной стороной. Когда блин спёкся, Пеппи метнула его через всю кухню прямо на тарелку, стоявшую на столе.

– Ешьте! – крикнула она. – Ешьте скорей, пока он не остыл.

Томми и Анника не заставили себя упрашивать и нашли, что блин очень вкусный. Когда с едой было покончено, Пеппи пригласила своих новых друзей в гостиную. Кроме комода с огромным количеством маленьких ящичков, никакой другой мебели в гостиной не было. Пеппи принялась по очереди выдвигать ящики и показывать Томми и Аннике все сокровища, которые она хранила.

Тут были редкостные птичьи яйца, диковинные ракушки и разноцветные морские камешки. Были и резные коробочки, изящные

зеркальца в серебряной оправе, бусы и многие другие вещицы, которые Пеппи с отцом покупали во время своих кругосветных путешествий. Пеппи тут же захотела подарить своим новым друзьям что-нибудь на память. Томми достался кинжал с перламутровой ручкой, а Анника получила шкатулку, на крышке которой было вырезано много-много улиток. В шкатулке лежало колечко с зелёным камнем.

– А теперь забирайте свои подарки и ступайте домой, – сказала вдруг Пеппи. – Ведь если вы отсюда не уйдёте, то завтра не сможете снова прийти ко мне. А это было бы очень жалко.

Томми и Анника были того же мнения и отправились домой. Они прошли мимо лошади, которая уже съела весь овёс, и выбежали через калитку из сада. На прощание Господин Нильсон помахал им шляпой.

Как Пеппи ввязывается в драку

На другое утро Анника проснулась очень рано. Она быстро вскочила с постели и подкралась к брату.

– Просыпайся, Томми, – прошептала она и потрясла его за руку. – Просыпайся, пойдём скорей к той странной девочке в больших туфлях.

Томми тут же проснулся.

– Знаешь, я даже во сне чувствовал, что нас ждёт сегодня что-то очень интересное, хотя не помнил, что именно, – сказал он, снимая пижамную куртку.

Они оба побежали в ванную, помылись и почистили зубы гораздо быстрее, чем обычно, мгновенно оделись и, к удивлению мамы, на целый час раньше, чем всегда, спустились вниз и уселись в кухне за стол, заявив, что хотят немедленно выпить шоколада.

– Что вы собираетесь делать в такую рань? – спросила мама. – Чего это вы так спешите?

– Мы идём к девочке, которая поселилась в соседнем доме, – ответил Томми.

– И быть может, проведём там целый день! – добавила Анника.

Как раз в это утро Пеппи собралась печь лепёшки. Она замесила очень много теста и стала его раскатывать прямо на полу.

– Я считаю, Господин Нильсон, – обратилась Пеппи к обезьянке, – что за тесто и браться не стоит, если собираешься печь меньше полтысячи лепёшек.

И, растянувшись на полу, снова принялась с жаром работать скалкой.

– А ну-ка, Господин Нильсон, перестань возиться с тестом, – с раздражением сказала она, и в этот момент раздался звонок.

Пеппи, вся в муке, словно мельник, вскочила с пола и помчалась открывать. Когда она сердечно пожала руки Томми и Аннике, их всех окутало облако муки.

– Как мило с вашей стороны, что вы заглянули ко мне, – сказала она и одёрнула передник, отчего поднялось новое мучное облако.

Томми и Анника даже закашлялись – так они наглотались муки.

– Что ты делаешь? – спросил Томми.

– Если я тебе скажу, что чищу трубу, ты мне всё равно не поверишь, ведь ты такой хитрюга, – ответила Пеппи. – Ясное дело, пеку лепёшки. Скоро это станет ещё яснее. А пока садитесь-ка на этот сундук.

И она снова взялась за скалку.

Томми и Анника уселись на сундуке и глядели, словно в кино, как Пеппи раскатывает на полу тесто, как швыряет лепёшки на противни и как ставит противни в печь.

– Всё! – воскликнула наконец Пеппи и с грохотом захлопнула дверцу духовки, задвинув в неё последний противень.

– Что мы теперь будем делать? – поинтересовался Томми.

– Что вы собираетесь делать, я не знаю. Я, во всяком случае, не буду бездельничать. Я ведь дилектор... А у дилектора нет ни одной свободной минутки.

– Кто ты? – переспросила Анника.

– Дилектор!

– А что значит «дилектор»? – спросил Томми.

– Дилектор – это тот, кто всегда и во всём наводит порядок. Это все знают, – сказала Пеппи, сметая в кучу оставшуюся на полу муку. – Ведь на земле разбросана пропасть всяких разных вещей. Должен же кто-то следить за порядком. Вот это и делает дилектор!

– Пропать каких вещей? – спросила Анника.

– Да самых разных, – объяснила Пеппи. – И золотых слитков,

и страусовых перьев, идохлых крыс, и разноцветных леденцов, и маленьких гаечек, ну и всяких там других.

Томми и Анника решили, что наводить порядок очень приятное занятие, и тоже захотели стать дилекторами. Причём Томми сказал, что он надеется найти золотой слиток, а не маленькую гаечку.

– Посмотрим, как нам повезёт, – сказала Пеппи. – Что-нибудь уж всегда находишь. Но нам надо поторопиться. А то, того и гляди, набегут всякие другие дилектора и растащат все золотые слитки, которые валяются в этих местах.

И три дилектора тут же отправились в путь. Они решили прежде всего навести порядок возле домов, так как Пеппи сказала, что лучшие вещи всегда валяются вблизи человеческого жилья, хотя иногда случается найти гаечку и в лесной чаще.

– Как правило, это так, – объяснила Пеппи, – но бывает и иначе. Помню, как-то во время одного путешествия я решила навести порядок в джунглях на острове Борнео, и знаете, что я нашла в самой чаще, там, где ни разу не ступала нога человеческая? Знаете, что я там нашла?.. Настоящую искусственную ногу, притом совсем новую. Я подарила её потом одноному старику, и он сказал, что такой прекрасной деревяшки ему бы ни за какие деньги не купить.

Томми и Анника во все глаза смотрели на Пеппи, чтобы научиться вести себя, как настоящие дилектора. А Пеппи металась по улице с тротуара на тротуар, то и дело прикладывая к глазам ладонь козырьком, чтобы лучше видеть, и неумоимо искала. Вдруг она стала на колени и просунула руку между рейками забора.

– Странно, – сказала она разочарованно, – мне показалось, что здесь сверкнул золотой слиток.

– А что, правда, можно брать себе всё, что находишь? – спросила Анника.

– Ну да, всё, что лежит на земле, – подтвердила Пеппи.

На лужайке перед домом, прямо на траве, лежал и спал пожилой господин.

– Вот глядите! – воскликнула Пеппи. – Он лежит на земле, и мы его нашли. Возьмём его!

Томми и Анника не на шутку испугались.

– Нет, нет, Пеппи, что ты... Его уносить нельзя... Это невозможно, – сказал Томми. – Да и что бы мы стали с ним делать?

– Что бы стали с ним делать? – переспросила Пеппи. – Да он может на многое пригодиться. Его можно посадить, например, в кроличью клетку

и кормить листьями одуванчиков... Ну уж если вы не хотите его брать, ладно, пусть себе лежит. Обидно только, что придут другие дилектора и подберут этого дядьку.

Они пошли дальше. Вдруг Пеппи издала дикий вопль:

– А вот теперь я в самом деле кое-что нашла! – и указала на валяющуюся в траве ржавую консервную банку. – Вот это находка! Вот это да! Такая банка всегда пригодится.

Томми с недоумением взглянул на банку.

– А на что она пригодится? – спросил он.

– Да на что хочешь! – ответила Пеппи. – Во-первых, в неё можно положить пряники, и тогда она превратится в прекрасную Банку-с-пряниками. Во-вторых, в неё можно не класть пряников. И тогда она будет Банкой-без-пряников и, конечно, не будет такой прекрасной, но всё же не всем попадают такие банки, это точно.

Пеппи внимательно осмотрела найденную ржавую банку, которая к тому же оказалась дырявой, и, подумав, сказала:

– Но эта банка скорее напоминает Банку-без-пряников. А ещё её можно надеть на голову. Вот так! Глядите, она закрыла мне всё лицо. Как темно стало! Теперь я буду играть в ночь. Как интересно!

С банкой на голове Пеппи стала бегать взад-вперёд по улице, пока не растянулась на земле, споткнувшись о кусок проволоки. Банка с грохотом покатила в канаву.

– Вот видите, – сказала Пеппи, поднимая банку, – не будь на мне этой штуковины, я расквасила бы себе нос.

– А я думаю, – заметила Анника, – что если бы ты не надела себе на голову банку, то никогда не споткнулась бы об эту проволоку...

Но Пеппи перебила её ликующим криком: она увидела на дороге пустую катушку.

– До чего же мне сегодня везёт! Какой счастливый день! – воскликнула она. – Какая маленькая, маленькая катушечка! Знаете, как здорово пускать из неё мыльные пузыри! А если продеть в дырку верёвочку, то эту катушку можно носить на шее как ожерелье. В общем, я пошла домой за верёвочкой.

Как раз в этот момент отворилась калитка в заборе, окружавшем один из домов, и на улицу выбежала девочка. Вид у неё был чрезвычайно напуганный, и это неудивительно – за ней гнались пятеро мальчишек. Мальчишки окружили её и прижали к забору. У них была весьма выгодная позиция для нападения. Все пятеро тут же стали в боксёрскую стойку и принялись лупить девочку. Она заплакала и подняла руки, чтобы защитить лицо.

– Бей её, ребята! – закричал самый большой и сильный из мальчишек. – Чтобы на нашу улицу больше носа не казала.

– Ой! – воскликнула Анника. – Да ведь это они Вилле колотят! Гадкие мальчишки!

– Вон того здорового зовут Бенгт, – сказал Томми. – Он всегда дерётся. Противный парень. Да ещё накинудись пятеро на одну девочку!

Пеппи подошла к мальчишкам и ткнула Бенгта в спину указательным пальцем.

– Эй, послушай, есть мнение, что уж если драться с маленькой Вилле, то всё же лучше это делать один на один, а не налетать впятером.

Бенгт обернулся и увидел девочку, которую он здесь раньше никогда

не встречал. Да, да, совершенно незнакомую девчонку, да ещё осмелившуюся коснуться его пальцем! На мгновение он застыл от изумления, а затем лицо его расплылось в издевательской улыбке.

– Эй, ребята, бросьте-ка Вилле и поглядите на это чучело! – Он указал на Пеппи. – Вот так кикимора!

Его прямо скрючило от смеха, он хохотал, упёршись ладонями в коленки. Все мальчишки мигом обступили Пеппи, а Вилле, утирая слёзы, тихонько отошла в сторону и стала возле Томми.

– Нет, вы только взгляните на её волосы! – не унимался Бенгт. – Красные, как огонь. А туфли-то, туфли! Эй ты, одолжи-ка мне одну – я как раз собирался покататься на лодке, да не знал, где её раздобыть!

Он схватил Пеппи за косу, но тут же с притворной гримасой отдёрнул руку:

– Ой, ой, обжёгся!

И все пятеро мальчишек стали прыгать вокруг Пеппи и орать на разные голоса:

– Рыжая! Рыжая!

А Пеппи стояла в кольце беснующихся ребят и весело смеялась.

Бенгт рассчитывал, что девочка разозлится, а ещё лучше заплачет; и уж никак не ожидал, что она будет спокойно и даже дружески глядеть на них. Убедившись, что словами её не проймёшь, Бенгт толкнул Пеппи.

– Не могу сказать, чтобы ты вежливо обходилась с дамами, – заметила Пеппи и, схватив Бенгта своими сильными руками, подбросила его в воздух так высоко, что он повис на ветке растущей неподалёку берёзы. Затем она схватила другого мальчишку и закинула его на другую ветку. Третьего она швырнула на ворота виллы. Четвёртого перебросила через забор прямо на клумбу. А последнего, пятого, она втиснула в игрушечную коляску, стоявшую на дороге. Пеппи, Томми, Анника и Вилле молча глядели на мальчишек, которые от изумления потеряли, видно, дар речи.

– Эй вы, трусы! – воскликнула наконец Пеппи. – Впятером нападаете на одну девчонку – это подлость! А затем дёргаете за косу и толкаете другую маленькую, беззащитную девочку... Фу, какие вы противные... Стыдно! Ну пошли домой, – сказала она, обращаясь к Томми и Аннике. – А если они посмеют тебя, Вилле, хоть пальцем тронуть, ты мне скажи.

Пеппи подняла глаза на Бенгта, который, боясь пошевелинуться, всё ещё висел на ветке, и сказала:

– Может, тебе хочется ещё что-нибудь сказать о цвете моих волос или о размере туфель, валяй говори, пока я здесь.

Но у Бенгта пропала всякая охота высказываться на любую тему. Пеппи подождала немного, затем взяла в одну руку жестяную банку, в другую – катушку и ушла в сопровождении Томми и Анники.

Когда дети вернулись в сад Пеппи, она сказала:

– Дорогие мои, мне так досадно: я нашла две такие чудесные вещи, а вы – ничего. Вы должны ещё немного поискать. Томми, почему бы тебе не взглянуть в дупло вон того старого дерева? Дилектора не должны проходить мимо таких деревьев.

Томми сказал, что всё равно ни он, ни Анника ничего хорошего не найдут, но раз Пеппи просит его поискать, он готов. И он засунул руку в дупло.

– Ой! – воскликнул он с изумлением и вытащил из дупла маленькую записную книжечку в кожаном переплёте, с серебряным карандашиком. – Странно! – проговорил Томми, рассматривая свою находку.

– Вот видишь! Я же тебе говорила, что на свете нет лучшего занятия, чем быть дилектором, и я просто ума не приложу, почему так мало людей выбирают себе эту профессию. Столяров и трубочистов сколько хочешь, а дилекторов пойдёшь поищи.

Затем Пеппи обернулась к Аннике:

– А почему бы тебе не пошарить под этим пенёком! Под старыми пнями частенько находишь самые замечательные вещи.

Анника послушалась совета Пеппи, и тотчас у неё в руках оказалось красное коралловое ожерелье. Брат с сестрой даже рты раскрыли от удивления и решили, что отныне они всегда будут дилекторами.

Вдруг Пеппи вспомнила, что легла сегодня только под утро, потому что заигралась в мяч, и ей сразу захотелось спать.

– Пожалуйста, пойдите со мной и укройте меня хорошенько, да подоткните мне одеяло.

Когда Пеппи, усевшись на краю кровати, принялась снимать туфли, она задумчиво проговорила:

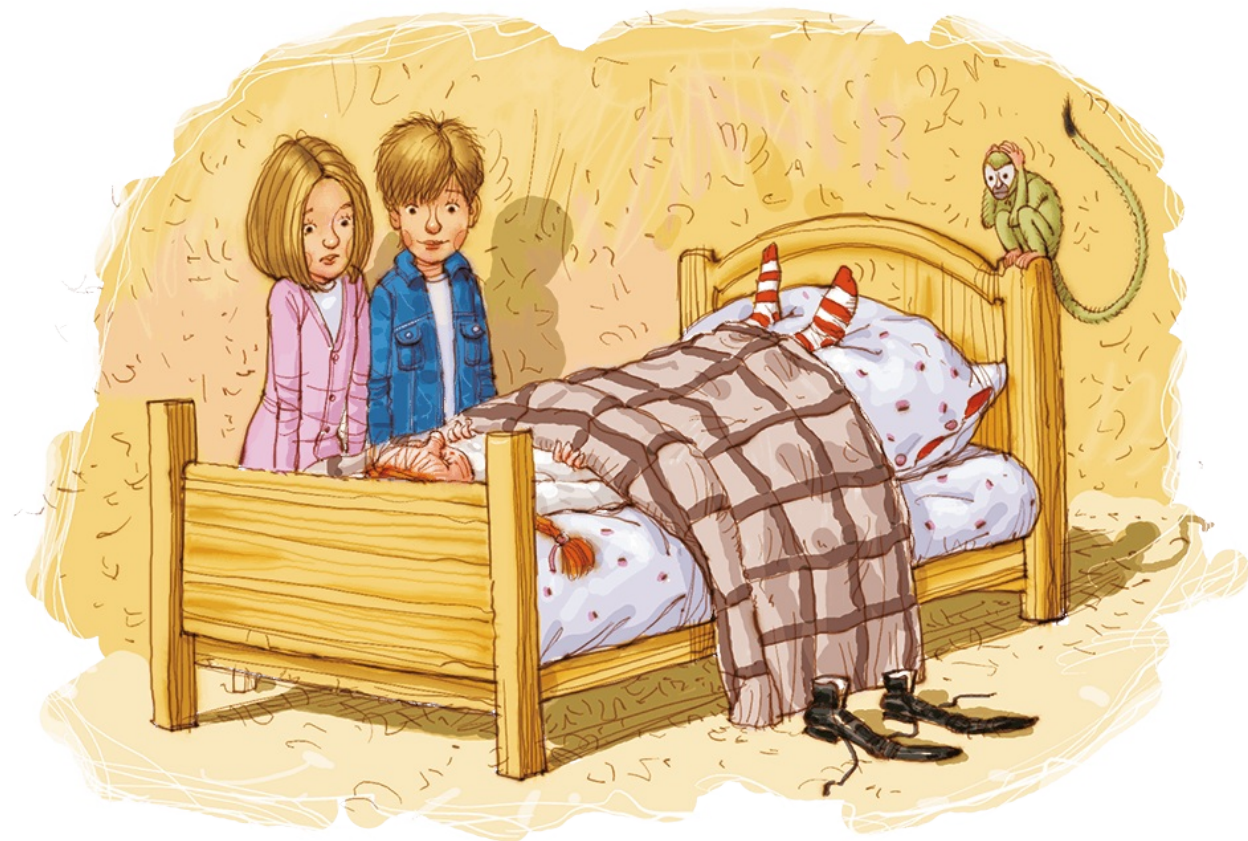
– Этому Бенгту захотелось покататься на лодке. Тоже катальщик нашёлся! – фыркнула она с презрением. – Я проучу его в другой раз.

– Послушай, Пеппи, – вежливо спросил Томми, – а всё-таки почему у тебя такие здоровенные туфли?

– Ясное дело – для удобства. А для чего же ещё? – проговорила Пеппи и легла. Она всегда спала, положив ноги на подушку, а голову под одеяло.

– В Гватемале так спят решительно все, и я считаю, что это

единственно правильный и разумный способ сна. Так куда удобней. Неужели вы засыпаете без колыбельной песенки? Я, например, обязательно должна себе спеть колыбельную, иначе у меня глаза не закрываются.

И секунду спустя до Томми и Анники донеслись из-под одеяла какие-то странные звуки. Это Пеппи пела себе колыбельную. Тогда они, чтобы её не потревожить, на цыпочках направились к выходу. В дверях они обернулись и ещё раз взглянули на постель, но увидели только Пеппины ноги, которые покоились на подушке. Дети пошли домой. Анника, крепко сжимая в руке свои коралловые бусы, спросила:

– Томми, ты не думаешь, что Пеппи нарочно положила эти вещи в дупло и под пенёк, чтобы мы их нашли?

– Чего гадать! – ответил Томми. – С Пеппи никогда не знаешь, что к чему, это мне уже ясно.

Как Пеппи играет с полицейскими в салочки

Вскоре в маленьком городке разнёсся слух, что девятилетняя девочка живёт совершенно одна в заброшенной вилле. И взрослые этого городка считали, что дальше так продолжаться не может. У всех детей должен быть кто-то, кто их воспитывает. Все дети должны ходить в школу и учить таблицу умножения. Поэтому взрослые решили, что эту маленькую девочку надо отправить в детский дом. Однажды после обеда Пеппи пригласила Томми и Аннику пить кофе с булочками. Она расставила чашки прямо на ступеньках террасы. Приятно припекало солнышко, и с клумб доносился аромат цветов. Господин Нильсон карабкался вверх и вниз по

балюстраде, а лошадь время от времени тянула морду, чтобы получить булочку.

– Как всё-таки прекрасна жизнь! – промолвила Пеппи и вытянула ноги.

Как раз в этот момент распахнулась калитка, и в сад вошли двое полицейских в форме.

– Ах! – воскликнула Пеппи. – Что за счастливый день! Больше всего на свете – ну конечно, после крема из ревения – я люблю полицейских.

Сияя счастливой улыбкой, она двинулась навстречу полицейским.

– Ты и есть та самая девочка, которая поселилась в этой вилле? – спросил один из полицейских.

– А вот и нет, – ответила Пеппи. – Я сухонькая старушка и живу на третьем этаже в особнячке на другом конце города.

Пеппи ответила так, потому что хотела пошутить. Но полицейские не нашли эту шутку смешной, они строго сказали ей, чтобы она перестала дурачиться, а затем сообщили, что добрые люди решили предоставить ей место в детском доме.

– А я и так живу в детском доме, – ответила Пеппи.

– Что за вздор ты несёшь! – закричал полицейский. – Где же находится твой детский дом?

– Да вот здесь. Я дитя, а это мой дом. Значит, это и есть детский дом. А места, как видите, тут вполне хватает.

– О милая девочка, тебе этого не понять, – сказал другой полицейский и засмеялся. – Ты должна отправиться в настоящий детский дом, где тебя будут воспитывать.

– А в тот детский дом можно взять с собой лошадь?

– Конечно нет! – ответил полицейский.

- Так я и думала, – мрачно сказала Пеппи. – Ну а обезьянку?
- И обезьянку нельзя. Ты же сама это понимаешь.
- В таком случае пусть другие отправляются в детский дом, я туда не собираюсь!
- Но ведь ты должна ходить в школу.
- Почему это я должна ходить в школу?
- Чтобы научиться разным вещам.
- Каким таким вещам? – не унималась Пеппи.
- Ну самым разным. Всевозможным полезным вещам. Например, выучить таблицу умножения.
- Вот уже целых девять лет я прекрасно обхожусь без этой таблицы уважения, – ответила Пеппи, – значит, и дальше проживу без неё.

– Ну подумай, тебе будет неприятно, если ты на всю жизнь останешься неучем! Представь себе, ты вырастешь большой, и вдруг у тебя кто-нибудь спросит, как называется столица Португалии. А ты не сможешь ответить.

– Почему это я не смогу ответить? Я вот что скажу: «Если тебе так уж важно узнать, какой главный город Португалии, то напиши прямо в Португалию, – португальцы с удовольствием сообщат тебе, как называется их столица».

– И тебе не будет стыдно, что сама не смогла ответить?

– Возможно, будет, – сказала Пеппи. – И я долго не засну в тот вечер, буду всё лежать и вспоминать: ну а в самом деле, как же называется столица Португалии? Но я скоро утешусь, – тут Пеппи сделала стойку, прошла на руках и добавила: – Потому, что ведь я была в Лиссабоне с папой.

Тут в разговор вмешался первый полицейский и сказал, чтобы Пеппи не воображала, что она может поступить как хочет, – ей приказано отправляться в детский дом и нечего больше болтать попусту. И он подошёл к Пеппи и схватил её за руку. Но Пеппи тут же вырвалась и, слегка шлёпнув полицейского по спине, крикнула:

– Я вас осалила! Вам водить!

И прежде чем он успел опомниться, она вскочила на балюстраду террасы, а оттуда быстро забралась на балкон второго этажа.

Полицейским вовсе не хотелось лезть наверх таким способом. Поэтому они оба кинулись в дом и поднялись по лестнице. Но, когда они очутились на балконе, Пеппи уже сидела на крыше. Она карабкалась по черепице с ловкостью обезьяны. В одно мгновение она оказалась на коньке крыши, а оттуда перескочила на трубу.

Полицейские сидели на балконе и в растерянности чесали затылки.
Томми и Анника с лужайки восторженно следили за Пеппи.

– До чего весело играть в салочки! – крикнула Пеппи полицейским. – Как мило с вашей стороны, что вы пришли поиграть со мной. У меня сегодня счастливый день, это точно!

Немного поразмыслив, полицейские сходили за лестницей, прислонили её к стене дома и друг за дружкой стали взбираться на крышу. Оскользываясь на черепице и с трудом балансируя, двинулись они к Пеппи, но вид у них был весьма перепуганный.

– Смелее! Смелее! – подбадривала их Пеппи. – Это совсем не страшно.

Но, когда полицейские почти доползли до Пеппи, она, заливаясь весёлым смехом и даже повизгивая от удовольствия, прыгнула с трубы и перебралась на другой скат крыши. С той стороны рядом с домом росло дерево.

– Смотрите, я падаю! – крикнула Пеппи и, прыгнув с карниза, повисла на ветке, покачиваясь на ней, а потом ловко соскользнула вниз по стволу. Очутившись на земле, Пеппи обежала дом и отставила лестницу, по которой взбирались на крышу полицейские. Полицейские перепугались, когда Пеппи прыгнула на дерево. Но они просто пришли в ужас, увидев, что девочка унесла лестницу. Окончательно рассвирепев, они орали, грозили Пеппи ужасными карами и требовали, чтобы Пеппи немедленно поставила лестницу на место, не то они, мол, с ней не так поговорят.

– Чего вы сердитесь? – с упрёком спросила их Пеппи. – Мы же играем в салочки, к чему зря злиться?

Полицейские немного помолчали, и наконец один из них сказал смущённо:

– Послушай, девочка, будь добра, поставь назад лестницу, чтобы мы могли спуститься.

– С удовольствием, – ответила Пеппи и тут же приставила лестницу. – А потом мы можем, если хотите, выпить кофейку и вообще весело провести время вместе.

Но полицейские оказались коварными людьми. Едва ступив на землю, они кинулись к Пеппи, схватили её и закричали:

– Вот теперь ты попалась, скверная девчонка!

– Я с вами больше не играю. Я не вожусь с теми, кто жулит в игре, – ответила Пеппи и, взяв обоих полицейских за пояса, выволокла их из сада на улицу. Там она их отпустила, но они ещё долго не могли прийти в себя.

– Одну минуточку! – крикнула им Пеппи и со всех ног бросилась на кухню. Вскоре она снова появилась, держа в руках по булочке. – Отведайте, пожалуйста! Правда, они немножко подгорели, но это не важно.

Затем Пеппи подошла к Томми и Аннике, которые стояли раскрыв рты и только диву давались. А полицейские поспешили вернуться в город и сказали тем, кто их посылал, что Пеппи не годится для детского дома. Полицейские, конечно, утаили, что сидели на крыше. И взрослые решили: раз так, пусть эта девочка живёт как хочет. Главное, чтобы она ходила в школу, а в остальном она вольна распоряжаться сама собой.

Что до Пеппи, Томми и Анники, то они прекрасно провели остаток дня. Сперва они допили кофе, и Пеппи, успешно справившись с четырнадцатью булочками, сказала:

– Всё-таки это были какие-то не настоящие полицейские – болтали что-то о детском доме, о таблице уважения и о Лиссабоне...

Затем Пеппи вынесла лошадь в сад, и дети стали кататься верхом.

Правда, Анника поначалу боялась лошади. Но, когда она увидела, как весело скачут по саду Томми и Пеппи, она тоже решила попробовать. Пеппи ловко посадила её, лошадь затрусила рысцой по дорожке, а Томми запел во всё горло:

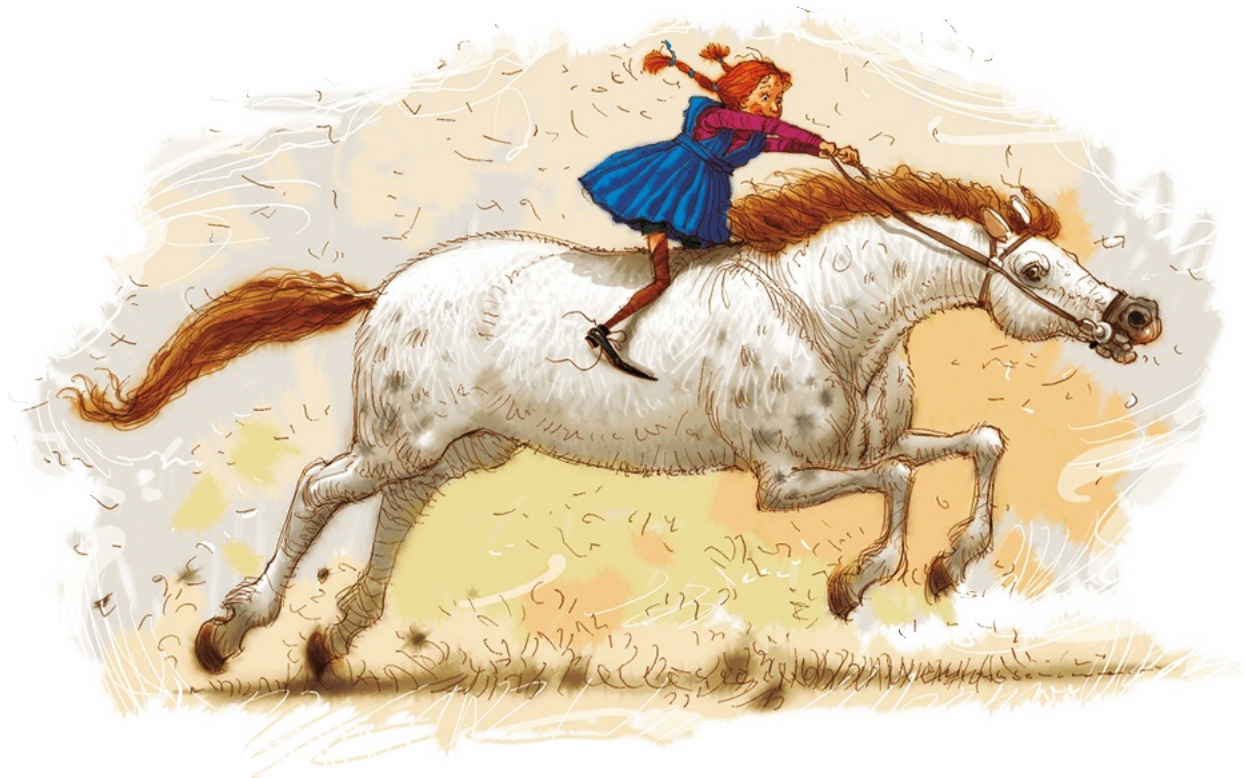
Мчатся шведы, грохоча.
Схватка будет горяча!

Вечером, когда Томми и Анника уже лежали в своих кроватках, Томми сказал:

– До чего здорово, что Пеппи приехала сюда жить. Верно, Анника?
– Ну конечно, здорово!
– Знаешь, я даже не помню, во что мы, собственно говоря, играли до неё.
– Мы играли в кегли, в крокет или просто в мяч. Но с Пеппи куда веселее!.. А тут ещё лошадь и обезьянка! Верно?

Как Пеппи идёт в школу

Конечно, и Томми и Анника ходили в школу. Каждое утро ровно в восемь они, взявшись за руки, с учебниками в сумках, отправлялись в путь.

Как раз в этот час Пеппи больше всего любила ездить верхом на лошади, или наряжать Господина Нильсона, или делать зарядку, которая заключалась в том, что она сорок три раза подряд, не сгибаясь, подскакивала на месте. Затем Пеппи устраивалась у кухонного стола и в полном покое выпивала большую чашку кофе и съедала несколько бутербродов с сыром.

Проходя мимо виллы «Курица», Томми и Анника с тоской глядели через ограду – уж очень им хотелось свернуть сюда и весь день проиграть со своей новой подружкой. Вот если бы Пеппи тоже ходила в школу, им было бы не так обидно тратить на учение столько времени.

– До чего же весело бежать домой после школы, особенно если втроём, а, Пеппи? – сказал как-то Томми, смутно надеясь её соблазнить.

– И в школу мы бы тоже ходили вместе, а? – умоляюще добавила Анника.

Чем больше ребята думали о том, что Пеппи не ходит в школу, тем печальнее становилось у них на душе. И в конце концов они решили во что бы то ни стало уговорить её ходить в школу вместе с ними.

– Ты даже представить себе не можешь, какая у нас замечательная учительница, – сказал однажды Томми, лукаво взглянув на Пеппи. Он и Анника прибежали к ней, наспех сделав уроки.

– Ты не знаешь, как интересно у нас в классе! – подхватила Анника. – Если бы меня не пускали в школу, я бы просто с ума сошла от горя.

Пеппи, сидя на низенькой скамеечке, мыла ноги в огромном тазу. Она ничего не сказала в ответ, только принялась так брызгаться, что расплескала почти всю воду.

– Да и сидеть там надо недолго, только до двух часов, – снова начал Томми.

– Понимаешь, только до двух, и оглянуться не успеешь, как звонок. А кроме того, бывают каникулы. Рождественские, пасхальные, летние... – в тон ему продолжала Анника.

Пеппи задумалась, но по-прежнему молчала. Вдруг она с решительным видом выплеснула остаток воды из таза прямо на пол, хотя там сидел Господин Нильсон и играл зеркалом.

– Это несправедливо, – строго сказала Пеппи, не обращая ни малейшего внимания ни на гнев Господина Нильсона, ни на его мокрые штаны. – Это ужасно несправедливо, и я не стану с этим мириться!

– Что несправедливо? – удивился Томми.

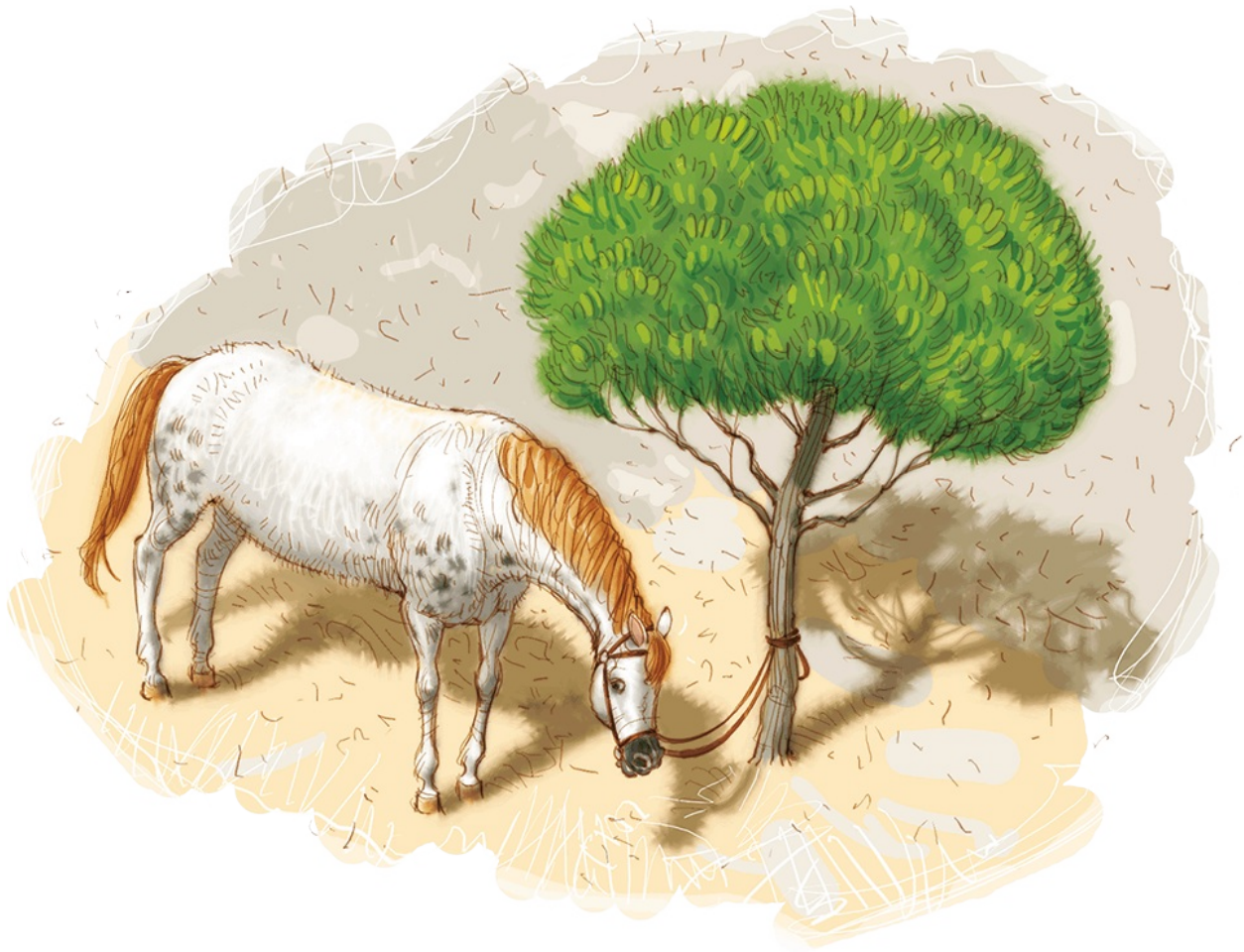
– Через четыре месяца будет Рождество, и у вас начнутся рождественские каникулы. А у меня что начнётся? – В голосе Пеппи звучали слёзы. – У меня не будет никаких рождественских каникул, даже самых коротеньких, – продолжала она жалобно. – Это надо изменить. Завтра же я отправляюсь в школу.

От радости Томми и Анника захлопали в ладоши.

– Ура! Ура! Так мы тебя будем ждать завтра ровно в восемь у наших ворот.

– Нет, – сказала Пеппи. – Это для меня слишком рано. А кроме того, я поеду в школу верхом.

Сказано – сделано. В десять часов Пеппи вынесла свою лошадь в сад и отправилась в путь.

А через несколько минут все жители городка кинулись к окнам, с ужасом провожая взглядом маленькую девочку, которую понесла взбесившаяся лошадь. На самом же деле ничего ужасного не происходило. Просто Пеппи торопилась в школу. Она галопом влетела во двор, спрыгнула на землю и привязала лошадь к дереву. Подойдя к двери класса, она с таким грохотом распахнула её, что все ребята от неожиданности подскочили на своих местах, и, помахав своей широкополой шляпой, что есть мочи крикнула:

– Привет! Надеюсь, я не опоздала на таблицу уважения?

Томми и Анника предупредили учительницу, что в класс должна прийти новая девочка, которую зовут Пеппи Длинныйчулок. Учительница и без того уже слышала о Пеппи – в маленьком городке, где всё про всех знают, о ней шло немало толков. А так как учительница была милой и доброй, то она решила сделать всё, чтобы Пеппи в школе понравилось.

Не дожидаясь приглашения, Пеппи уселась за пустую парту. Но учительница не сделала ей никакого замечания. Наоборот, она сказала

очень приветливо:

– Добро пожаловать к нам в школу, милая Пеппи. Надеюсь, тебе у нас понравится и ты здесь многому научишься.

– А я надеюсь, что у меня скоро будут рождественские каникулы, – ответила Пеппи. – Для этого я и пришла сюда. Справедливость прежде всего.

– Скажи мне, пожалуйста, твоё полное имя. Я запишу тебя в список учеников.

– Меня зовут Пёппилотта-Виктуали́на-Рольгарди́на, дочь капитана Эфрöима Длинныйчулок, прежде Грозы Морей, а теперь негритянского короля. Вообще-то говоря, Пеппи – это моё уменьшительное имя. Папа считал, что Пеппилотту произносить слишком долго.

– Ясно, – сказала учительница. – Тогда мы тоже будем звать тебя Пеппи. А теперь давай посмотрим, что ты знаешь. Ты уже большая девочка и, наверное, многое умеешь. Начнём с арифметики. Скажи, пожалуйста, Пеппи, сколько будет, если к семи прибавить пять?

Пеппи взглянула на учительницу с недоумением и недовольством.

– Если ты, такая большая, сама это не знаешь, то неужели думаешь, что я стану считать за тебя? – ответила она учительнице.

У всех учеников глаза на лоб полезли от удивления. А учительница терпеливо объяснила, что так в школе не отвечают, что учительнице говорят «вы» и, обращаясь к ней, называют её «фрёкен».

– Простите, пожалуйста, – сказала Пеппи смутившись. – Я этого не знала и больше так делать не буду.

– Надеюсь, – сказала учительница. – Вот ты не хотела считать за меня, а я охотно сосчитаю за тебя: если к семи прибавить пять, получится двенадцать.

– Подумать только! – воскликнула Пеппи. – Оказывается, ты сама можешь это сосчитать. Зачем же ты тогда у меня спрашивала?.. Ой, я опять сказала «ты» – простите, пожалуйста.

И в наказание Пеппи сама себя больно ущипнула за ухо.

Учительница решила не обращать на это никакого внимания и задала следующий вопрос:

– Ладно, Пеппи, а теперь скажи, сколько будет восемь и четыре?

– Думаю, шестьдесят семь, – ответила Пеппи.

– Неверно, – сказала учительница, – восемь и четыре будет двенадцать.

– Ну, старушка, это уж слишком! Ты же сама только что сказала, что пять и семь будет двенадцать. Какой-то порядок нужен и в школе! А если уж тебе так хочется заниматься всеми этими подсчётами, то стала бы

в уголок да считала себе на здоровье, а мы тем временем пошли бы во двор играть в салочки... Ой, я, кажется, снова говорю «ты»! Простите меня в последний раз. Я постараюсь вести себя лучше.

Учительница сказала, что готова и на этот раз простить Пеппи, но, видно, пока не стоит задавать ей вопросы по арифметике, лучше вызвать других детей.

– Томми, реши, пожалуйста, такую задачу: у Лизи было семь яблок, а у Акселя – девять. Сколько яблок было у них вместе?

– Да, сосчитай-ка это, Томми, – вмешалась вдруг Пеппи, – и, кроме того, скажи: почему у Акселя живот болел больше, чем у Лизи, и в чьём саду они нарвали яблок?

Фрёкен снова сделала вид, что ничего не слышала, и сказала, обращаясь к Аннике:

– Ну, Анника, теперь ты сосчитай. Густав пошёл со своими товарищами на экскурсию. Ему дали с собой одну крону, а вернулся он с семью эре. Сколько денег потратил Густав?

– А я хочу знать, – сказала Пеппи, – почему этот мальчишка так сорил деньгами? И что он купил на них: лимонаду или что-нибудь ещё? И хорошо ли он вымыл уши, когда собирался на экскурсию?

Учительница решила сегодня больше не заниматься арифметикой. Она подумала, что, быть может, чтение у Пеппи пойдёт лучше. Поэтому она вынула из шкафа картонку, на которой был нарисован ёжик. Под рисунком стояла большая буква «Ё».

– Ну, Пеппи, сейчас я покажу тебе интересную вещь. Это Ё-ё-ё-жик. А буква, которая изображена вот тут, называется «Ё».

– Ну да? А я всегда думала, что «Ё» – это большая палочка с тремя маленькими поперёк и двумя мушинными крапинками наверху. Скажите мне, пожалуйста, что общего имеет ёжик с мушинными крапинками?

Учительница не ответила на вопрос Пеппи, а вынула другую картонку, на которой была нарисована змея, и сказала, что буква под картинкой называется «З».

– О! Когда говорят о змеях, я всегда вспоминаю, как я дралась с гигантской змеей в Индии. Вы даже представить себе не можете, какая это была страшная змея: четырнадцать метров длиной и злая, как оса. Каждый день она пожирала не меньше пяти взрослых индийцев, а на закуску лакомилась двумя маленькими детьми. И вот однажды она решила полакомиться мною. Она обвилась вокруг меня, но я не растерялась и изо всех сил стукнула её по голове. Бах! Тут она как зашипит: ф-ф-ф! А я её ещё раз – бац! И тогда она – ух! Да, да, вот точно так это было. Очень

страшная история!..

Пеппи перевела дух, а учительница, которая к этому времени окончательно поняла, что Пеппи трудный ребёнок, предложила всему классу нарисовать что-нибудь. «Наверное, рисование увлечёт Пеппи и она хоть немного посидит спокойно», – подумала фрёкен и раздала ребятам бумагу и цветные карандаши.

– Вы можете рисовать всё, что хотите, – сказала она и, сев за свой

столик, принялась проверять тетради.

Через минуту она подняла глаза, чтобы посмотреть, как дети рисуют, и обнаружила, что никто не рисовал, а все смотрели на Пеппи, которая, лёжа ничком, рисовала прямо на полу.

– Послушай, Пеппи, – с раздражением сказала учительница, – почему ты не рисуешь на бумаге?

– Я её уже давно всю изрисовала. Но портрет моей лошади не уместился на этом крошечном листке. Сейчас я рисую как раз передние ноги, а когда дойду до хвоста, мне придётся выйти в коридор.

Учительница на минуту задумалась, но решила не сдаваться.

– А теперь, дети, встаньте, и мы споём песню, – предложила она.

Все дети поднялись со своих мест, все, кроме Пеппи, которая продолжала лежать на полу.

– Валяйте пойте, а я немного отдохну, – сказала она, – а то если я запою – стёкла полетят.

Но тут терпение у учительницы лопнуло, и она сказала детям, чтобы они пошли погулять на школьный двор, – ей необходимо поговорить с Пеппи с глазу на глаз. Как только все дети вышли, Пеппи поднялась с полу и подошла к столу учительницы.

– Знаешь что, фрёкен, – сказала она, – я вот что думаю: мне было очень интересно прийти сюда и посмотреть, чем вы тут занимаетесь. Но больше мне сюда ходить неохота. А с рождественскими каникулами пусть будет как будет. В вашей школе для меня слишком много яблок, ежей и змей. Прямо голова закружилась. Ты, фрёкен, надеюсь, не будешь этим огорчена?

Но учительница сказала, что она очень огорчена, и больше всего тем, что Пеппи не хочет вести себя как следует.

– Любую девочку выгонят из школы, если она будет вести себя так, как ты, Пеппи.

– Как, разве я себя плохо вела? – с удивлением спросила Пеппи. – Честное слово, я этого и не заметила, – печально добавила она.

Её нельзя было не пожалеть, потому что так искренне огорчаться, как она, не умела ни одна девочка в мире.

С минуту Пеппи молчала, а потом сказала запинаясь:

– Понимаешь, фрёкен, когда мама у тебя ангел, а папа – негритянский король, а сама ты всю жизнь проплавала по морям, то не знаешь, как надо вести себя в школе среди всех этих яблок, ежей и змей.

Фрёкен сказала Пеппи, что она это понимает, больше не сердится на неё и Пеппи сможет снова прийти в школу, когда немножко подрастёт. Тут Пеппи засияла от счастья и сказала:

– Ты, фрёкен, удивительно милая. И вот тебе, фрёкен, от меня подарок на память.

Пеппи вынула из кармана маленький изящный золотой колокольчик и положила его на столик перед учительницей. Учительница сказала, что не может принять от неё такой дорогой подарок.

– Нет, прошу тебя, фрёкен, ты должна принять мой подарок! – воскликнула Пеппи. – А то я завтра опять приду в школу, а это никому не доставит удовольствия.

Тут Пеппи выбежала на школьный двор и вскочила на свою лошадь. Все дети окружили Пеппи, каждому хотелось погладить лошадь и посмотреть, как Пеппи выедет со двора.

– Помню, я в Аргентине ходила в школу, вот это была школа! – сказала Пеппи и поглядела на ребят. – Эх, вам бы туда попасть! После рождественских каникул там через три дня начинаются пасхальные, а когда кончаются пасхальные, то ещё через три дня начинаются летние. Кончаются летние каникулы первого ноября, и тут-то, правда, ребятам приходится здорово поработать, потому что рождественские каникулы начинаются только одиннадцатого. Но в конце концов с этим можно смириться, потому что в Аргентине не задают уроков. Правда, иногда случается, что какой-нибудь аргентинский мальчик залезает в шкаф, чтобы никто его не видел, и тайком немножко поучит уроки. Но ему здорово влетает от мамы, если она это замечает. Арифметику там вообще не проходят, и если какой-нибудь мальчишка случайно знает, сколько будет пять и семь, да ещё сдуру проговорится об этом учительнице, то она поставит его на весь день в угол. Чтением там занимаются только в свободные дни, и то, если найдутся книги для чтения, но книг там нет ни

у кого...

– Что же они тогда делают в школе? – с изумлением спросил маленький мальчик.

– Едят конфеты, – ответила Пеппи. – Вблизи школы находится конфетная фабрика. Так вот, от неё прямо в класс провели специальную трубу, и поэтому у детей нет ни минуты свободного времени – только успевай жевать.

– А что же делает учительница? – спросила маленькая девочка.

– Глупышка! – сказала Пеппи. – Неужто сама не догадалась: учительница подбирает конфетные бумажки и делает фантики. Уж не думаешь ли ты, что там фантиками занимаются сами ребята? Нет уж, дудки! Ребята там даже сами в школу не ходят, а посылают младших братишек и сестрёнок... Ну, привет! – радостно крикнула Пеппи и помахала своей большой шляпой. – А вам, беднягам, самим придётся сосчитать, сколько яблок было у Акселя. Меня вы здесь не скоро увидите...

Пеппи с шумом выехала за ворота. Лошадь скакала так быстро, что камни летели у неё из-под копыт, а оконные стёкла дребезжали.

Как Пеппи лезет в дупло

Однажды в тёплый и ясный день Пеппи, Томми и Анника грелись на солнышке. Пеппи взобралась на один из столбов калитки, Анника – на другой, а Томми примостился на самой калитке. Груша, росшая поблизости, тянула свои ветки прямо к калитке, и дети могли, не двигаясь с места, рвать мелкие золотисто-красные груши. Они жевали грушу за грушей и выплёвывали зёрнышки прямо на улицу.

Вилла «Курица» была расположена, как вы знаете, на самой окраине города, там, где улица переходила в шоссе. Жители городка любили ходить гулять в эту сторону – здесь были самые живописные места.

Итак, ребята безмятежно грелись на солнышке и ели груши, когда появилась незнакомая девчонка. Увидев ребят, сидящих на калитке, она остановилась и спросила:

- Скажите, мой папа здесь не проходил?
- А как он выглядит, твой папа? – поинтересовалась Пеппи. – У него голубые глаза?
- Да, – сказала девочка.

– Он среднего роста, не высокий и не низкий...

– Да, да... – подтвердила девочка.

– В чёрной шляпе и в чёрных ботинках...

– Да... да!

– Нет, мы его не видели!

Девочка надулась и, ни слова не говоря, пошла дальше.

– Ой ты, подожди! – крикнула ей вслед Пеппи. – Он лысый?

– Нет, он не лысый.

– Тогда ему здорово повезло! – захохотала Пеппи и выплюнула зёрнышки.

Девочка двинулась было дальше, но Пеппи её снова остановила:

– А уши у него, словно лопухи, свисают до плеч?

– Нет, – сказала девочка и обернулась: – А вы что, видели человека с такими ушами?

– Нет, не видели, таких людей не бывает. Во всяком случае, в нашей стране, – добавила Пеппи после паузы. – Вот в Китае – дело другое. Однажды в Шанхае я видела китайца с такими большими ушами, что они служили ему пелериной. Вот хлынет, бывало, ливень, китаец прикроется ушами – и порядок: ему тепло и сухо. А когда во время дождя он встречал друзей и знакомых, он и их прикрывал своими ушами. Так они сидели и пели свои грустные песни, пока дождь не проходил. Звали этого китайца Хай-Шанг. Поглядели бы вы, как он по утрам мчался на работу. Он всегда прилетал буквально в последнюю минуту, потому что любил поспать. Он выбегал на улицу, расставлял свои огромные уши, ветер надувал их, словно паруса, и гнал Хай-Шанга с невероятной скоростью...

Девочка, раскрыв рот, слушала Пеппи, а Томми и Анника даже перестали жевать груши.

– У Хай-Шанга было столько детей, что он их и сосчитать не мог, – не понимала Пеппи. – Самого младшего звали Петер.

– Это китайского-то мальчика звали Петер? – усомнился Томми. – Не может быть!

– Вот и жена Хай-Шанга так говорила. Китайского ребёнка нельзя называть Петер, твердила она своему мужу. Но Хай-Шанг был невероятно упрям. Он хотел, чтобы его младшего сына звали Петер, и никак иначе. Он так разозлился, что сел в уголок, накрылся своими ушами и сидел там до тех пор, пока его бедная жена не уступила и не назвала мальчика Петером...

– Вот это да! – прошептала Анника.

– Петер был самым избалованным ребёнком во всём Шанхае и так

капризничал во время еды, что мать его приходила в отчаяние. Вы ведь знаете, что в Китае едят ласточкины гнёзда. И вот как-то раз мама наложила ему полную тарелку ласточкиных гнёзд и кормила его с ложечки, приговаривая: «Ешь, Петерхен, это гнёздышко мы съедим за папу!» Но Петер плотно сжимал губы и мотал головой. И когда Хай-Шанг увидел, как его младший сын ест, он так рассвирепел, что приказал не давать Петеру ничего другого, пока он не съест этого гнёздышка «за папу». А я вам уже говорила, что Хай-Шанг умел настоять на своём. И вот это гнездо стали варить Петеру каждый божий день с мая по октябрь. Четырнадцатого июля мать попросила Хай-Шанга дать Петеру две тефтельки. Но отец был неумолим.

– Всё это глупости, – сказала вдруг чужая девочка.

– Вот именно, буквально эти слова и произнёс Хай-Шанг, – подтвердила Пеппи, нимало не смутившись. «Всё это глупости, – сказал он, – мальчик может съесть это ласточкино гнездо, надо только сломить его упрямство». Но, когда Петеру предлагали гнездо, он только сжимал губы.

– Как же этот мальчик жил, если он ничего не ел с мая по октябрь? – удивился Томми.

– А он и не жил. Он умер восемнадцатого октября – «из чистого упрямства», как сказал его отец. Девятнадцатого его похоронили. А двадцатого октября прилетела ласточка и снесла яйцо в то самое гнездо, которое всё ещё лежало на столе. Так что гнездо это пригодилось, и никакой беды не случилось, – радостно закончила Пеппи.

Затем она подозрительно посмотрела на девочку, которая в растерянности стояла на дороге.

– У тебя какой-то странный вид, – сказала Пеппи. – Уж не думаешь ли ты, что я вру? А ну-ка признавайся! – И Пеппи угрожающе подняла руку.

– Да нет, что ты... – испуганно ответила девочка. – Я вовсе не хочу сказать, что ты врёшь, но...

– Значит, по-твоему, я не вру... – перебила её Пеппи, а ведь на самом-то деле я вру, да ещё как! Плету, что в голову взбредёт. Неужели ты вправду думаешь, что мальчик может прожить без еды с мая по октябрь? Ну ещё три-четыре месяца куда ни шло, но с мая по октябрь – это уже глупости. И ты прекрасно понимаешь, что я вру. Так что же ты позволяешь вбивать себе в голову всякую белиберду?

Тут девочка быстро пошла по улице и ни разу не обернулась.

– До чего же люди доверчивы! – сказала Пеппи, обращаясь к Томми и Аннике. – Не есть с мая по октябрь! Подумать только, какая глупость!

И она крикнула вдогонку девочке:

– Нет, мы не видели твоего папы. За весь день мы не видели ни одного плешивого. А вот вчера мимо нас прошли семнадцать лысых... взявшись за руки!

Сад Пеппи и в самом деле был очень красив. Конечно, нельзя сказать, что за ним хорошо ухаживали, но его украшали прекрасные газоны, которые давно уже никто не подстригал, а старые розовые кусты гнулись под тяжестью белых, красных и чайных роз. Может, это были и не самые изысканные сорта роз, но пахли они превосходно. Там росли фруктовые деревья и, что самое ценное, несколько старых ветвистых дубов и вязов, на которые так легко взбираться.

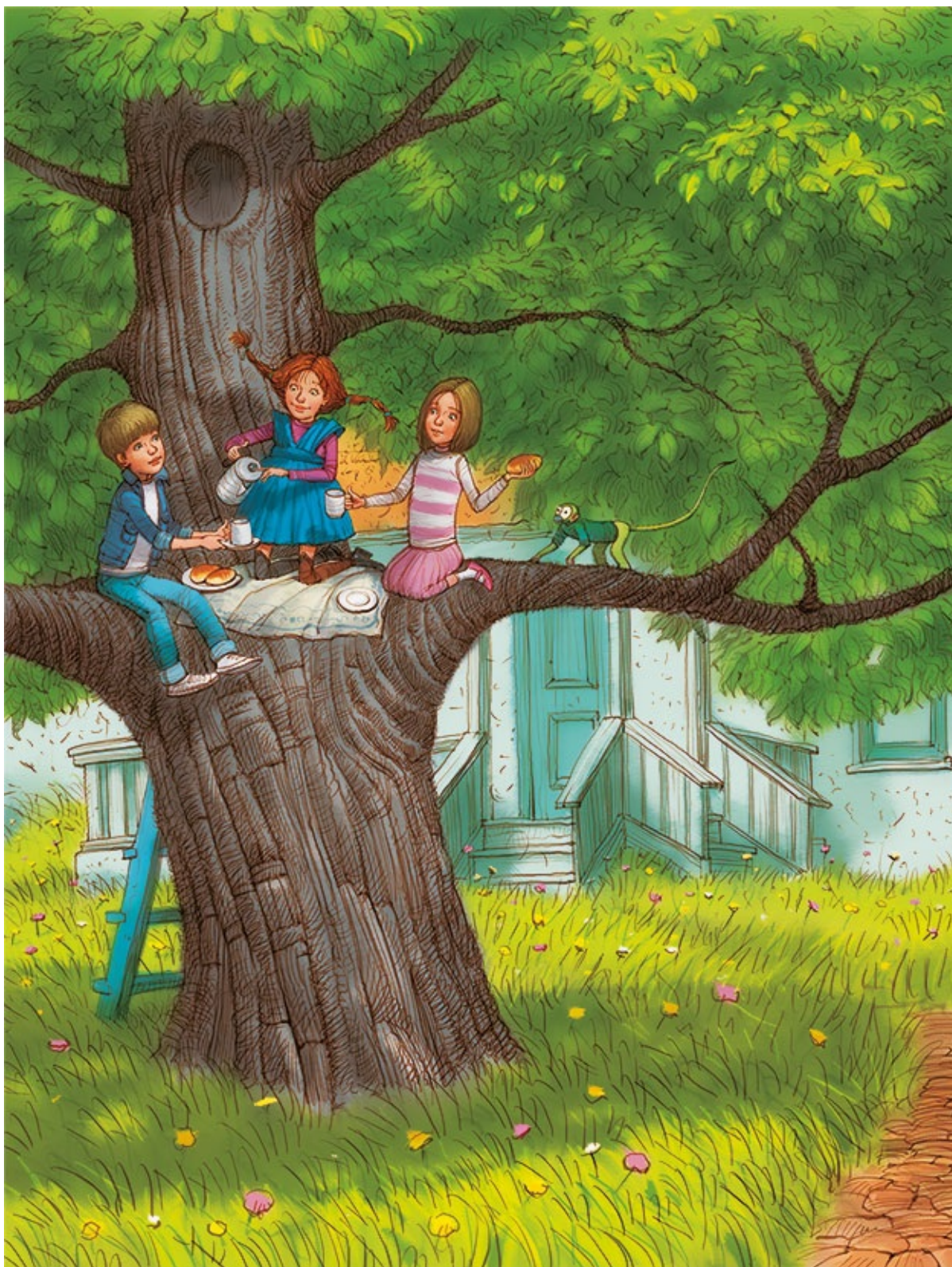
А вот в саду у Томми и Анники с деревьями для лазания дело обстояло из рук вон скверно, да и к тому же мама всегда боялась, что дети упадут и разобьются. Поэтому им за свою жизнь так и не довелось полазить по деревьям. И вдруг Пеппи сказала:

– Давайте заберёмся на этот дуб!

Томми пришёл от этой идеи в такой восторг, что тут же спрыгнул с калитки. Анника сначала была несколько смущена предложением Пеппи, но, когда увидела, что на дереве много сучков, за которые можно ухватиться, решила тоже попробовать. На высоте нескольких метров над землёй ствол дуба раздваивался, образуя что-то вроде шалаша. Вскоре вся троица уже сидела в этом шалаше, а над их головами дуб раскинул зелёной крышей свою могучую крону.

– Давайте здесь пить кофе! Я сейчас сбегаю на кухню.

Томми и Анника захлопали в ладоши и закричали: «Браво!» Через несколько минут Пеппи принесла дымящийся кофейник. Булочки она испекла ещё накануне. Пеппи подошла к дубу и стала кидать вверх кофейные чашки. Томми и Анника попытались поймать их на лету. Но из трёх чашек две ударились о ствол и разбились. Однако Пеппи ничуть не огорчилась, а тут же помчалась домой за другими чашками. Затем настала очередь булочек – они так и замелькали в воздухе, но тут уж опасаться было нечего. И в заключение на дерево вскарабкалась Пеппи с кофейником в руке. В одном кармане её платья была бутылка со сливками, в другом – коробочка с сахаром.

Томми и Аннике казалось, что никогда ещё они не пили такого вкусного кофе. Вообще кофе они пили очень редко, только в гостях. Но

ведь теперь они и были в гостях. Анника неловко повернулась и пролила себе на платье немного кофе. Сперва ей было мокро и тепло, потом стало мокро и холодно, но она сказала, что это пустяки.

Когда кофе был допит, Пеппи, не слезая с дуба, стала швырять посуду на траву.

– Хочу проверить, – объяснила она, – из хорошего ли фарфора делают теперь чашки.

Каким-то чудом уцелели одна чашка и все три блюдца. А у кофейника отбилась только носик.

Пеппи тем временем захотелось забраться повыше на дуб.

– Смотрите, смотрите! – вдруг крикнула она. – В дереве-то огромное дупло!

И в самом деле, в стволе дуба, чуть повыше того места, где они сидели, была огромная дыра, скрытая от них листвой.

– Я тоже сейчас туда залезу! – воскликнул Томми. – Ладно, Пеппи?

Но ответа не последовало.

– Пеппи! Где же ты? – с тревогой спросил Томми.

И вдруг раздался голос Пеппи. Но не сверху, как ожидали ребята, а почему-то снизу, и звучал он так гулко, словно доносился из подземелья.

– Я в дереве! Оно пустое до самой земли. А вот в эту дырочку я вижу кофейник на траве.

– А как же ты оттуда выберешься? – испугалась Анника.

– Я никогда отсюда не выберусь, – ответила из дупла Пеппи. – Я буду тут стоять, пока не стану пенсионеркой. А вы будете носить мне еду и спускать её на верёвке раз пять-шесть в день, не больше...

Анника начала плакать.

– К чему эти слёзы, к чему рыдания? – пропела вдруг Пеппи и добавила: – Лезьте сюда ко мне, мы будем играть в узников, которые чахнут в подземелье.

– Никуда я не полезу! – заорала Анника и для большей безопасности тут же прыгнула с дерева.

– Эй, Анника, а я тебя вижу в дырочку... Не наступи на кофейник! Это заслуженный старый кофейник, который никому ничего плохого не сделал. Он не виноват, что у него нет носика!

Анника подошла вплотную к дереву и увидела в трещине коры кончик Пеппиного пальца. Это её немного утешило, но всё же она продолжала волноваться.

– Пеппи, а ты в самом деле не можешь выбраться? – спросила она.

Палец Пеппи исчез, и через минуту в отверстии дупла показалась её

смеющаяся физиономия.

– Ну, честно говоря, могу. Стоит только захотеть, – сказала Пеппи и, подтянувшись на руках, вылезла по пояс.

– Ой, раз так легко выбираться, то я тоже полезу! – крикнул Томми, всё ещё сидевший на дереве. – Залезу в дупло и тоже немного почихну.

– Знаете что, – сказала Пеппи, – давайте принесём сюда стремянку.

Она быстро выбралась из дупла и спрыгнула на землю. Дети побежали за стремянкой. Пеппи с трудом втащила её на дуб и опустила в дупло.

Томми не терпелось туда забраться. Это оказалось не так-то просто – отверстие дупла находилось высоко, под самой кроной. Но Томми мужественно полез вверх и потом исчез в тёмной дыре. Анника решила, что больше никогда не увидит своего брата. Она прильнула к трещине, стараясь разглядеть, что происходит внутри дупла.

– Анника! – донёсся до неё голос Томми. – Знаешь, как здесь здорово!.. Лезь в дупло! Это ни капельки не страшно... Тут, внутри, лестница... Если заберёшься сюда, то больше ни во что другое играть не захочешь.

– Ну да? Правда?

– Честное слово!

Аника снова полезла на дерево и с помощью Пеппи добралась до отверстия дупла, но, увидев, какая там темень, невольно отшатнулась. Пеппи, крепко схватив Анику за руку, принялась её успокаивать.

– Да ты не бойся, Анника, – раздался в дупле голос брата. – Если сорвёшься, я тебя подхвачу.

Но Анника не упала, а вполне благополучно спустилась по лестнице к Томми. Через минуту рядом с ними оказалась и Пеппи.

– Ну разве тут не здорово! – воскликнул Томми.

Аника не могла не согласиться с братом. В дупле оказалось вовсе не так темно, как она думала. Сквозь трещины в коре туда проникал свет. Анника подошла к одной из таких щелей, чтобы проверить, виден ли отсюда кофейник.

– Теперь у нас есть настоящий тайник, – сказал Томми. – Никто никогда не узнает, что мы здесь находимся. И если люди придут нас искать, мы сможем отсюда наблюдать за ними. Вот будет здорово!..

– А ещё, – перебила его Пеппи, – мы возьмём длинный прутик, просунем его вот сюда и будем колоть всех, кто приблизится к дереву. И люди подумают, что в дубе живёт привидение.

Это предложение им так понравилось, что все трое принялись скакать на месте и обнимать друг друга. Но тут раздался удары гонга: Томми и Анику звали к обеду.

– Как жалко, – сказал Томми, – надо идти домой. Но завтра, как только мы вернёмся из школы, мы залезем сюда.

– Ладно, – сказала Пеппи.

И они поднялись по лестнице. Сперва Пеппи, за ней Анника и последним Томми. А затем спрыгнули с дерева. Сперва Пеппи, за ней Анника и последним Томми.

Как Пеппи устраивает экскурсию

– Сегодня мы не учимся, – сказал Томми, – у нас в школе санитарный день.

– Как! – воскликнула Пеппи. – Снова несправедливость. Почему у меня нет никакого санитарного дня? А он мне так нужен! Вы только посмотрите, какой грязный пол на кухне. Впрочем, я могу его вымыть и без санитарного дня. Сейчас я этим займусь! Хотела бы посмотреть на того, кто помешает мне это сделать. А вы, ребята, садитесь-ка на кухонный стол и не путайтесь под ногами.

Томми и Анника послушно забрались на стол. Туда же прыгнул Господин Нильсон – он любил спать, свернувшись клубочком, на коленях Анники. Пеппи согрела большой котёл воды и недолго думая вылила горячую воду прямо на пол. Потом она разулась, а свои огромные чёрные туфли аккуратно поставила на хлебницу. Привязав к каждой ноге по щётке, она принялась разъезжать по полу, скользя по воде, словно на водных лыжах.

– Когда я мою пол, мне всегда кажется, что я чемпионка по фигурному

катанию, – сказала она и так высоко задрала левую ногу, что щётка сорвалась с ноги и отбила край стеклянного абажура висячей лампы. – Уж чего-чего, а изящества и грации у меня хоть отбавляй! – добавила она и перепрыгнула через спинку стула. – Вот и всё, – сказала Пеппи несколько минут спустя и отвязала вторую щётку. – Теперь на кухне чисто.

– Как, ты не протрёшь пол тряпкой? – с удивлением спросила Анника.

– Нет, зачем, пусть высохнет на солнышке... Думаю, он не простудится...

Томми и Анника спрыгнули со стола и осторожно, чтобы не замочить ноги, вышли из кухни.

Небо было удивительно голубым, и солнце ярко сияло, хотя сентябрь был в разгаре. День выдался на редкость ясный, так и тянуло пойти в лес. Вдруг Пеппи предложила:

– Давайте возьмём Господина Нильсона и пойдём на экскурсию.

– Давайте! Давайте! – восторженно закричали Томми и Анника.

– Тогда сбегайте поскорее домой и отпроситесь у мамы. А я тем временем соберу в дорогу корзиночку с едой.

Томми и Анника так и сделали. Они сбегали домой и вскоре вернулись. Пеппи уже ждала их у калитки. В одной руке она держала здоровенную палку, в другой – корзинку с провизией, а на плече у неё восседал Господин Нильсон.

Сначала ребята шли по шоссе. Затем свернули на луг. За лугом среди берёз и кустов орешника вилась манящая тропинка. Так не спеша они дошли до изгороди, за которой виднелась ещё более привлекательная лужайка. Но у самой калитки стояла корова, и по всему было видно, что она не намерена сдвинуться отсюда ни на шаг. Анника, конечно, испугалась, и тогда Томми мужественно подошёл к корове и попытался её прогнать. Но корова даже не шелохнулась и только пялила на ребят свои большие, навывкате глаза. Пеппи надоело ждать, она поставила корзинку на траву, подошла к корове и так сильно толкнула её, что корова без оглядки умчалась в орешник.

– Подумать только – корова, а упряма как осёл! – сказала Пеппи и перепрыгнула через изгородь.

– Ой, какая красивая лужайка! – воскликнула Анника и побежала вприпрыжку по траве.

Томми вынул перочинный ножик – подарок Пеппи – и срезал себе и Аннике по палочке. Правда, при этом он поранил себе палец, но сказал, что это пустяки.

– Давайте собирать грибы, – предложила Пеппи и сорвала красивый

красный мухомор. – Не знаю точно, съедобен ли этот гриб. Но я считаю так: раз его нельзя пить, то, значит, можно есть. А что с ним ещё делать?

Она откусила большой кусок гриба и принялась его жевать.

– Правда, очень вкусно! Но давайте лучше собирать грибы в другой раз, – сказала она весело и закинула мухомор высоко-высоко, даже выше деревьев.

– Что у тебя в корзинке, Пеппи? – спросила Анника.

– А вот этого я тебе не скажу ни за что на свете, – ответила Пеппи. – Сперва мы должны найти подходящее местечко для пикника.

Они разбрелись в поисках подходящего местечка. Анника предложила расположиться у большого плоского камня.

– Здесь очень уютно, – сказала она.

– Но здесь полно красных муравьёв, а есть вместе с ними я не намерена, потому что я с ними не знакома, – возразила Пеппи.

– Да к тому же они здорово кусаются, – добавил Томми.

– Верно! – подхватила Пеппи. – И думаю, что лучше кусать самим, чем быть искусанными. Нет, тут для моих веснушек мало солнца. А что может быть лучше веснушек!

Ребята пошли дальше и вскоре увидели довольно высокий холм, на который они без труда взобрались. На вершине его была небольшая площадка, похожая на террасу, словно специально сделанная. Там они и решили остаться.

– Закройте глаза, пока я буду играть в скатерть-самобранку.

Томми и Анника зажмурились. Они слышали, как Пеппи откинула крышку корзинки и зашелестела бумагой.

– Раз, два, три – смотри! – крикнула Пеппи.

Томми и Анника открыли глаза и закричали от восторга, увидев все припасы, которые Пеппи разложила на камне. Два огромных бутерброда, один с биточками, другой с ветчиной, целую гору посыпанных сахаром оладий, несколько ломтиков копчёной колбасы и три маленьких ананасовых пудинга. Ведь Пеппи училась готовить у кока на корабле.

– Эх, красота, когда бывает санитарный день, – с трудом произнёс Томми, так как рот его был набит оладьями. – Вот был бы каждый день санитарным!

– Нет, так часто мыть пол я не согласна, – сказала Пеппи. – Конечно, это весело, не спорю, но каждый день всё же утомительно.

В конце концов они так наелись, что были уже не в силах пошевеливаться, и молча грелись на солнышке.

– Не думаю, что летать так уж трудно... – проговорила вдруг Пеппи,

задумчиво поглядывая с холма в лощину: тропинка круто сбегала по склону вниз, и до лужайки было далеко. – Я просто уверена, что можно научиться летать, – продолжала Пеппи. – Конечно, шлёпнуться на землю не сладко, но ведь не обязательно начинать сразу с большой высоты. Честное слово, я сейчас попробую.

– Нет, Пеппи, пожалуйста, не надо! – испуганно крикнули Томми и Анника. – Пеппи, миленькая, не делай этого!

Но Пеппи уже стояла у края обрыва.

– «Гуси, гуси!» – «Га-га-га!» – «Есть хотите?» – «Да-да-да!» – «Ну, летите, как хотите!» И гуси полетели.

Когда Пеппи сказала: «И гуси полетели!», она взмахнула руками и прыгнула с холма. Через полсекунды раздался глухой удар – Пеппи шлёпнулась на землю. Томми и Анника, лёжа на животе, с ужасом смотрели вниз. Но Пеппи тотчас вскочила на ноги и потёрла ушибленные колени.

– Я не махала крыльями! Забыла! – весело объяснила она. – А кроме того, я отяжелела от оладьев.

И только тут ребята спохватились, что Господин Нильсон исчез. Было ясно, что он решил предпринять самостоятельную экскурсию. Ещё несколько минут назад он сидел неподалёку и весело теребил прутики корзинки. А когда Пеппи решила учиться летать, они о нём забыли. И теперь Господина Нильсона и след простыл. Пеппи так огорчилась, что швырнула одну туфлю в глубокую канаву с водой.

– Не надо, никогда не надо брать с собой обезьяну, если куда-нибудь идёшь! Почему я не оставила Господина Нильсона дома? Сидел бы себе там вместе с лошадьё. Это было бы только справедливо, – сказала Пеппи и полезла в канаву за туфлём.

Воды там оказалось по пояс.

– Ну, уж раз такое дело, придётся окунуться с головой.

Пеппи нырнула и так долго сидела под водой, что пошли пузыри. Наконец она вынырнула.

– Ну вот, теперь можно не ходить к парикмахеру мыть голову, – сказала она, отфыркиваясь. Вид у неё был очень довольный.

Пеппи вылезла из канавы и обулась. Затем все отправились на поиски Господина Нильсона.

– А я теперь похожа на дождик, – сказала вдруг Пеппи. – С платья капает: кап-кап! В туфлях хлюпает: хлюп-хлюп... До чего же приятно! И ты, Анника, попробуй нырни!

Анника выглядела так нарядно: на ней было розовое платьице, которое

очень шло к её золотистым локонам, а на ногах – белые кожаные туфельки.

– Обязательно, только в другой раз, – лукаво ответила она.

Ребята пошли дальше.

– Ну как мне не сердиться на Господина Нильсона? Всегда с ним так. Однажды в Сараба́йе он вот так же удрал от меня и поступил в услужение к одной старой вдове... Ну насчёт вдовы я, конечно, придумала, – добавила Пеппи, помолчав.

И тут Томми предложил разойтись всем в разные стороны. Анника испугалась было идти одна, но Томми сказал:

– Ах ты, трусиха!

Не желая больше подвергаться насмешкам, Анника покорно, но нехотя побрела одна по тропинке, а Томми пошёл по лугу. Господина Нильсона он не нашёл, зато увидел огромного быка – вернее, бык увидел Томми. И Томми быку не понравился. Это был злой бык, и детей он терпеть не мог. Бык опустил голову и с рёвом бросился на Томми. Томми заорал на весь лес. Пеппи и Анника услышали крик и побежали на выручку. И они увидели, как бык поднял Томми на рога и очень высоко его подбросил.

– Вот глупая скотина, – сказала Пеппи Аннике, которая горько плакала. – Разве так себя ведут! Гляди, он запачкал белую матроску Томми! Придётся мне с ним потолковать, поучить его уму-разуму.

Пеппи подбежала к быку и схватила его за хвост.

– Простите, если я вам помешала, – сказала она.

Сперва бык не обратил на неё никакого внимания, но Пеппи дёрнула посильнее. Тогда бык обернулся и увидел девочку, которую ему тоже захотелось вздёрнуть на рога.

– Повторяю, прошу простить меня, если я помешала. Простите меня столь великодушно и за то, что я вынуждена вас ударить... – С этими словами Пеппи изо всех сил стукнула быка кулаком по рогу. – В этом сезоне не модно носить два рога. Все лучшие быки уже перешли на один рог, а кое-кто и вовсе отказался от рогов, – закончила она и ударила по другому рогу.

Так как у быков рога боли не чувствуют, наш бык не знал, есть ли у него ещё рога или нет. На всякий случай он всё же решил пободаться, и, будь на месте Пеппи кто-нибудь другой, от него осталось бы мокрое место.

– Ха-ха-ха! Перестаньте меня щекотать! – смеялась Пеппи. – Вы даже представить себе не можете, как я боюсь щекотки. Ха-ха-ха! Перестаньте!

Перестаньте, не то я сейчас умру от смеха.

Но бык не внял её просьбе, и Пеппи пришлось вскочить ему на спину, чтобы хоть минутку передохнуть. Но передышки никакой не получилось, потому что быку не понравилось, что Пеппи уселась на него верхом. Он принялся скакать, лягаться, задирает голову и крутит хвостом, всячески пытаясь освободиться от своей ноши. Но Пеппи впиалась пятками в бока и цепко держалась за холку. Бык как бешеный носился по лугу и мычал. Ноздри его раздувались, а Пеппи хохотала, и кричала, и махала Томми и Аннике, которые дрожали от страха. А бык продолжал метаться, всё ещё надеясь скинуть Пеппи.

– Ах, мой милый, попляши и копытцами стучи! – напевала Пеппи, крепко сидя на спине у быка.

Наконец бык так устал, что лёг на траву, мечтая только об одном: чтобы все дети исчезли с лица земли. Прежде он даже не представлял себе, что с детьми так трудно справиться.

– Ах, вам захотелось вздремнуть? – дружелюбно спросила его Пеппи. – Что ж, тогда я не буду мешать.

Она соскочила со спины быка и направилась к стоящим поодаль Томми и Аннике. Томми перестал плакать; падая, он ободрал кожу на руке, но Анника перевязала ему ранку платком, и она уже не болела.

– О Пеппи!.. – горячо воскликнула Анника, когда Пеппи подошла к ним.

– Тише, – сказала Пеппи шёпотом, – не буди быка, а то он проснётся и будет капризничать. Господин Нильсон! Господин Нильсон! – заорала она во всё горло, ничуть не боясь потревожить сон быка. – Нам пора домой!

И вдруг дети увидели Господина Нильсона. Он сидел на верхушке сосны и тщетно пытался поймать свой хвост. Выглядел он весьма печально. И в самом деле, не очень-то приятно такой маленькой обезьянке оказаться одной в лесу. Он мигом спустился с сосны, уселся к Пеппи на плечо и, как всегда в порыве радости, принялся размахивать своей соломенной шляпой.

– Значит, на этот раз ты не нанялся в услужение к престарелой вдове? Правда, это враньё. Но ведь правда не может быть враньём, к тому же Господин Нильсон прекрасно умеет готовить мясные тефтельки, прямо всем на удивление, – сказала вдруг Пеппи.

Ребята решили возвращаться домой. С платья Пеппи по-прежнему капала вода – кап-кап, а в туфлях по-прежнему хлюпало – хлюп-хлюп. Томми и Анника считали, что, несмотря на приключения с быком, они прекрасно провели день, и запели песню, которую разучивали в школе. Собственно говоря, это была летняя песня, а теперь уже стояла осень, но

тем не менее им казалось, что она подходит для такого случая. Пеппи тоже пела, но так как не знала слов, она сама их выдумывала.

Как Пеппи идёт в цирк

В маленький городок, где жили Пеппи, Томми и Анника, приехал цирк, и все дети стали просить у своих пап и мам денег на билеты. Точно так же поступили Томми и Анника; их папа тут же вынул из кошелька несколько блестящих серебряных крон.

Зажав деньги в кулак, Томми и Анника со всех ног бросились к Пеппи. Они застали её на террасе возле лошади.

Хвост лошади был заплетён во множество тоненьких косичек, которые Пеппи украшала красными розочками.

– Сегодня, если не ошибаюсь, день её рождения, и она должна принарядиться, – пояснила Пеппи.

– Пеппи, – сказал Томми, задыхаясь от быстрого бега, – ты пойдёшь с нами в цирк?

– С вами я готова пойти хоть на край света, но вот пойду ли я в сырк, мне сказать трудно, потому что я не знаю, что это за штука такая – сырк? Там не лечат зубы? Если лечат, не пойду.

– Что ты, глупенькая, никаких зубов там не лечат. Это самое прекрасное место на земле. Там лошади и клоуны и красивые дамы ходят по канату!..

– Но за это надо платить деньги, – сказала Анника и разжала кулак, чтобы посмотреть, не потеряла ли она блестящую двухкрановую и две пятиэровые монетки, которые дал ей папа.

– Я богата, как Кощей Бессмертный, и наверняка смогу купить себе этот самый сырк. Правда, если я буду держать ещё несколько лошадей, то в доме станет, пожалуй, тесновато. Клоунов и дам я как-нибудь размещу, а вот с лошадьми дело будет хуже...

– Да как ты не понимаешь, – перебил её Томми, – никакого цирка тебе покупать не придётся. Деньги платят, чтобы смотреть...

– Этого ещё не хватало! – возмутилась Пеппи и быстро закрыла глаза. – За то, чтобы смотреть, надо платить деньги? А я ведь целыми днями только и делаю, что глазею по сторонам. Никогда не сосчитать, на сколько денег я уже всего нагладелась.

Но через несколько секунд Пеппи осторожно приоткрыла глаза – она так крепко зажмурилась, что у неё закружилась голова.

– Ладно! – воскликнула она. – Пусть стоит, сколько стоит. Я не могу ничего не видеть!

Наконец Томми и Анника кое-как втолковали Пеппи, что такое цирк, и тогда Пеппи вынула из своего кожаного чемодана несколько золотых монет. Затем она надела шляпу величиной с мельничное колесо и вместе со своими друзьями отправилась в цирк.

У входа в цирк толпились люди, а у билетных касс стояли очереди. Когда Пеппи подошла к кассе, она просунула голову в окошечко и, увидев там милую пожилую даму, спросила:

– Сколько стоит на тебя посмотреть?

Но дама была иностранка, она не поняла, что у неё спрашивает Пеппи, и ответила на ломаном языке:

– Дэвочка, лютший мест пять крон, другая места – три крон, а один мест стоят – одна крон.

– Хорошо, – сказала Пеппи, но ты должна мне обещать, что будешь ходить по канату.

Через плечо Пеппи Томми увидел, что она берёт билет за три кроны. Пеппи протянула кассирше золотую монету, и пожилая дама с недоверием посмотрела сперва на девочку, потом на монету. Она даже попробовала монету на зуб, чтобы проверить, не фальшивая ли она. Убедившись, что монета действительно золотая, кассирша дала Пеппи билет и сдачу – множество никелевых монеток.

– Да что я буду делать с этой кучей тусклых денежек? Возьми их себе, тогда я смогу посмотреть на тебя два раза, пусть хоть стоя, – сказала Пеппи.

Так как Пеппи наотрез отказалась брать какую-либо сдачу, кассирше пришлось обменять её билет на пятикronовый, да к тому же дать

пятикроновые билеты Томми и Аннике, не взяв с них ни эре доплаты.

Вот как получилось, что Пеппи и её друзья уселись на самые лучшие места – на кресла, обитые красным бархатом, сразу же за барьером арены. Томми и Анника вертелись, оглядывались по сторонам и махали своим школьным товарищам, которые сидели значительно дальше.

– Что за странная юрта? – спросила Пеппи, с удивлением рассматривая цирк. – И опилки кто-то рассыпал по полу. Я не такая чистюля, но, право, это уж слишком!

Томми объяснил Пеппи, что опилками посыпают арену во всех цирках мира, чтобы лошадям было удобнее бегать и прыгать.

На балкончике сидели музыканты, которые вдруг громко заиграли марш. Пеппи бешено захлопала в ладоши и даже несколько раз подпрыгнула на месте от радости.

– А за музыку тоже надо платить или можно слушать её бесплатно? – спросила она.

Как раз в эту минуту из-за занавески, перекрывающей артистический вход, показался директор цирка. На нём был чёрный фрак, и в руке он держал длинный хлыст. Вслед за ним на арену выбежали две белые лошади с красным плюмажем на головах. Директор щёлкнул хлыстом, и лошади стали передними ногами на барьер. Одна из лошадей оказалась рядом с детьми. Аннике не понравилось это соседство, и она прижалась к самой спинке своего кресла. А Пеппи наклонилась вперёд и, охватив обеими руками лошадиное копыто, сказала:

– Здравствуй, лошадь! Я могу передать тебе привет от моей лошади. У неё сегодня тоже день рождения, но я ей украсила розочками не голову, а хвост...

Однако Пеппи пришлось тут же выпустить копыто, потому что директор снова щёлкнул хлыстом, и лошади, спрыгнув с барьера, опять помчались по кругу.

Когда номер закончился, директор вежливо поклонился, и лошади тоже склонили свои украшенные плюмажем головы. И тотчас снова дрогнула занавеска у выхода, и на арену выскочила чёрная как смоль лошадь, а у неё на спине стояла красивая девушка в зелёном шёлковом трико. Звали её мисс Карменсита, как было написано в программе. Лошадь мчалась вдоль барьера, а мисс Карменсита спокойно стояла и улыбалась. Но вдруг, в тот момент, когда лошадь проносилась мимо места, где сидела Пеппи, в воздухе что-то мелькнуло. Этим что-то была сама Пеппи. Она вскочила на спину лошади и стала за мисс Карменситой. Мисс Карменсита так удивилась, что чуть было не свалилась на землю. Затем она

рассердилась и стала размахивать руками, стараясь спихнуть Пеппи, но это ей не удавалось.

– Нет уж, – кричала ей Пеппи, – теперь я тоже немного позабавлюсь! Ты думаешь, только тебе хочется ездить верхом. Все заплатили деньги, не ты одна!

Тогда мисс Карменсита сама решила спрыгнуть с лошади, но и это ей не удалось, потому что Пеппи крепко держала её обеими руками. А публика так и покатывалась со смеху: очень уж забавно выглядит мисс Карменсита с этим рыжим вихрастым существом в огромных чёрных туфлях, видно, специально обутых для выступления в цирке! Но директор цирка не смеялся, он знаком приказал служителям в красных униформах остановить лошадь.

– Неужели номер уже кончился? – спросила Пеппи. – Как жалко, нам было так весело!

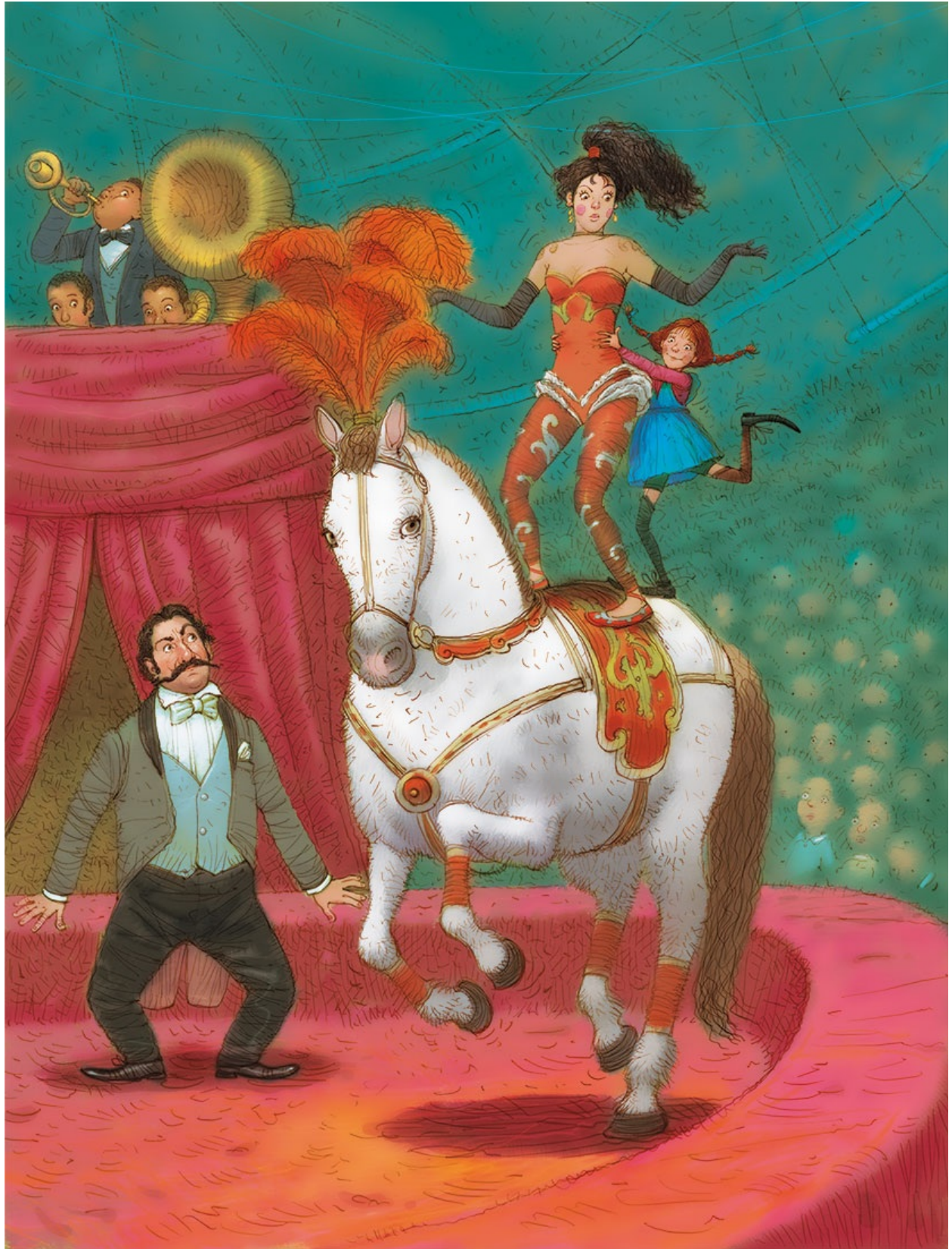
– Противная мальчишка, убиральс вон с мой сирк! – процедил сквозь зубы директор.

Пеппи с укоризной взглянула на него:

– Чего ты на меня сердишься?.. Я думала, все пришли сюда, чтобы веселиться. Разве не так? – спросила она.

Пеппи спрыгнула с лошади и села на своё место, но к ней подошли два униформиста. Они схватили её за руки и хотели было вывести из цирка, но у них ничего не вышло. Пеппи так прочно уселась в кресло, что не было никакой возможности оторвать её от сиденья. Служители попытались поднять её ещё раз, потом пожали плечами и отошли в сторону.

Тем временем начался следующий номер. На арене появилась мисс Эльвира и направилась к натянутому канату. На ней было роскошное розовое платье, а в руке она держала зонтик. Мелкими изящными шажками прошла она по канату, а потом принялась выделять разные акробатические трюки. Это был очень красивый номер. В заключение мисс Эльвира удивила публику тем, что пошла назад, пятась словно рак. Когда она очутилась наконец на маленькой площадке, от которой был протянут канат, там уже стояла Пеппи.

– Ну а теперь дай и мне походить, всем надо по очереди, – твёрдо сказала девочка, заметив удивлённый взгляд мисс Эльвиры.

Мисс Эльвира ничего не ответила, она прыгнула вниз и бросилась на шею директору цирка, который был, как оказалось, её отцом. И снова директор цирка послал служителей в красных униформах, на этот раз пять человек, чтобы выдворить Пеппи из цирка. Но тут публика стала кричать: «Пусть выступает эта рыжая девочка!» – и все застучали ногами и захлопали в ладоши.

Пеппи пошла по канату. И все увидели, что мисс Эльвира ничего не стоит по сравнению с ней. Когда она дошла до середины каната, то так задрала ногу, что носок туфли повис над её головой, словно навес. Затем она сделала «пистолет» и начала крутиться на одной ноге.

Но директор цирка вовсе не был рад, что у него выступает Пеппи. Он хотел лишь одного: избавиться от неё любыми способами. Он подошёл к механизму, который натягивает канат, и повернул рычаг. Он рассчитывал, что Пеппи упадёт, когда канат ослабнет. Но этого не случилось. Канат повис, но тогда Пеппи стала раскачиваться на нём, как на качелях. Она взлетала всё выше и выше и вдруг прыгнула прямо на спину директора. От неожиданности он так испугался, что завертелся волчком на месте.

– Вот так лошадка! – весело закричала Пеппи. – Только почему-то без красных перьев на голове!

Однако Пеппи решила, что ей пора уже вернуться к Томми и Аннике. Она прыгнула со спины директора и чинно села на своё место, ожидая начала следующего номера. Но директор задержался за кулисами: после всего случившегося ему необходимо было выпить стакан воды и привести в порядок свой костюм и причёску. Затем он вышел к публике, поклонился и сказал:

– Мою уважаемый дам и господа! Сейчас ви увидите одно чудо природы. Самый сильный челюфек на сфете! Силач Адольф, которофо никто никогда не побеждадь! Внимание, идёт Адольф!

Заиграла музыка, и на манеж выскочил здоровенный детина в трико телесного цвета, украшенном блёстками. Шкура леопарда красовалась на его плечах. Адольф поклонился публике с самодовольной улыбкой.

– Обратит вниманий на его мускуль, – сказал директор и похлопал силача по плечу – мускулы на его руках вздувались как бильярдные шары.

– Теперь, многоуважаемый дам и господа, я имею сделайт фам один интересный предложений: тот ис фас, кто будит побеждайт силач Адольф, получайт сто крон. Принимайт вызоф силача Адольфа и – сто крон фаши!

Но никто не вышел на арену.

– Почему он говорит так непонятно? Что он сказал? – спросила Пеппи.
– Он говорит, что даст сто крон тому, кто победит этого верзилу, – пояснил Томми.

– Я могу, конечно, положить его на обе лопатки, – сказала Пеппи. – Но, по-моему, не стоит – он так мило выглядит.

– Да что ты, Пеппи, хвастаешься! Ведь он самый сильный парень на свете, – прошептала Анника.

– Верю. Ну а я самая сильная девочка на свете, – возразила Пеппи. – Не забывай этого!

А силач Адольф тем временем поднимал тяжёлые гири и гнул куски железных рельсов, чтобы доказать, какой он сильный.

– Так что ж, господа, – кричал директор цирка, – неужель не найдётся такой смельчак, кто будет принимать вызов Адольфа? Что ж, тогда я буду прятать эти сто крон! – закончил он, размахивая стокроновой бумажкой.

– Нет, этого я не могу допустить, – решительно сказала Пеппи и перепрыгнула через барьер на арену.

Когда директор опять увидел Пеппи, он пришёл в неописуемую ярость.

– Исчезни!.. Чтобы мой глаз тебя больше не видал! – закричал он.

– Почему ты так плохо ко мне относишься? – с упрёком спросила Пеппи. – Я ведь только хочу помериться силами с Адольфом.

– Этот дрянной дефочка не знает стыда! – вопил директор. – Убирайся! Иначе силач Адольф будет стирать тебя в порошок!..

Но Пеппи, не обращая внимания на директора цирка, подошла к силачу Адольфу, взяла его за руку и сердечно пожала её.

– Ну, давай поборемся один на один, – сказала она.

Силач Адольф, ничего не понимая, таращил на неё глаза.

– Имей в виду, через минуту я начну без предупреждения, – заявила Пеппи.

Так она и сделала. Когда прошла минута, Пеппи набросилась на силача Адольфа, и... никто не заметил, как это получилось... но все увидели, что Адольф лежит, растянувшись на ковре. Силач тут же вскочил на ноги. Он был пунцово-красный.

– Ур-ра, Пеппи! – кричали Томми и Анника.

И вслед за ними начали кричать и все зрители:

– Ур-ра, Пеппи! Ур-ра, Пеппи!

Директор цирка сидел на барьере арены и от злости кусал губы. Но ещё больше директора злился силач Адольф. За всю жизнь он ещё не переживал такого позора. Сейчас он покажет этой рыжей девчонке, чего он

стоит! Адольф кинулся на Пеппи, обхватил её своими мускулистыми ручищами и попытался свалить на землю, но Пеппи стояла твёрдо, как скала.

– Ну-ка, ну-ка, ещё разок, давай жми! – подбадривала она Адольфа.

Но вот Пеппи вырвалась из его объятий, и через мгновение Адольф уже снова лежал на ковре. Пеппи стояла возле него и ждала. Долго ей ждать не пришлось. С яростным криком Адольф вскочил на ноги и ещё раз накинута на Пеппи.

– Гили-дили-дили-пом! – воскликнула Пеппи.

А все люди в цирке подбрасывали в воздух свои шапки, стучали ногами и вопили во всю мочь:

– Ура, Пеппи! Ура, Пеппи!

Когда силач Адольф в третий раз налетел на Пеппи, она подбросила его в воздух, поймала на лету и на поднятой руке обнесла вокруг арены. Затем Пеппи снова швырнула его на ковёр и, придерживая коленкой, чтобы он не встал, сказала:

– Ну, малыш, я думаю, больше мне с тобой возиться не стоит. Во всяком случае, веселее уже не будет.

– Пеппи победила! Пеппи победила! – кричала публика.

Силач Адольф позорно бежал с арены, а директор цирка был вынужден протянуть Пеппи стокроновую бумажку, хотя при этом вид у него был такой, словно он хотел съесть девочку.

– Пожалуйста, милый барышень, возьмите ваши сто крон.

– На что мне нужна эта бумажка? Сунь её себе в карман, если хочешь.

И Пеппи села на своё место.

– Этот цирк скучный, – сказала она Томми и Аннике, – а вздремнуть никогда не вредно. Но если понадобится моя помощь, разбудите меня.

Пеппи устроилась поудобнее в кресле и заснула. Так она сладко похрапывала, пока клоуны, шпагоглотатели и гуттаперчевые люди показывали своё искусство для Томми, Анники и всех других зрителей.

– Но всё же я считаю, что лучшим номером был номер Пеппи, – сказал Томми, обращаясь к Аннике.

Как к Пеппи забираются воры

После выступления Пеппи в цирке во всём маленьком городке не осталось ни одного человека, который не слышал бы о её невероятной физической силе. О ней даже в газетах писали. Но люди из других городов не знали, конечно, что за удивительная девочка Пеппи.

Однажды тёмным осенним вечером двое бродяг шли мимо виллы «Курица». Это были настоящие воры – они бродили по стране, чтобы высмотреть, где что можно украсть. Увидев свет в окнах у Пеппи, они решили войти и попросить по куску хлеба с маслом. И надо же было случиться, что как раз в тот вечер Пеппи высыпала из своего кожаного чемодана прямо на пол все золотые монеты и пересчитывала их. Монет было столько, что Пеппи их всё равно никогда не смогла бы пересчитать. Но она всё же пыталась это сделать – для порядка.

– Семьдесят пять, семьдесят шесть, семьдесят семь, семьдесят восемь, семьдесят девять, семьдесят одиннадцать, семьдесят двенадцать, семьдесят тринадцать, семьдесят семнадцать... Ой, как у меня устала шея!.. Наверное, когда такая куча золота, люди как-то по-другому считают, а то разве можно сосчитать столько денег. До чего же их много – то ли четыреста, то ли тысяча монет!

Как раз в этот момент раздался стук в дверь.

– Хотите – входите, не хотите – не входите, поступайте как хотите! – крикнула она.

Дверь открылась, и воры вошли в комнату. Можете себе представить выражение их лиц, когда они увидели рыжую девочку, которая, сидя на полу, пересчитывала золотые монеты.

– Ты что, одна дома? – спросил её один из них, когда к нему вернулся дар речи.

– Вовсе нет, – ответила Пеппи, – Господин Нильсон тоже здесь.

Откуда вора́м было знать, что Господин Нильсон – это маленькая обезьянка, которая в это время как раз крепко спала в своей деревянной кроватке, выкрашенной в зелёный цвет? Они, конечно, подумали, что Господин Нильсон – это хозяин дома, и понимающе перемигнулись, как бы говоря друг другу: «Что ж, мы заглянем сюда попозже».

– Мы зашли к тебе узнать, который час, – сказал другой вор.

Они так разволновались при виде золотых монет, что даже не попросили хлеба.

– А вы сперва отгадайте загадку, – сказала Пеппи. – «Идут, идут, а с места не сойдут» – что это такое? А если вы знаете какие-нибудь загадки, вы мне тоже загадайте...

Воры решили, что Пеппи слишком мала, чтобы ответить, который час. И, не говоря ни слова, повернули к дверям и ушли.

– Эх вы, здоровенные дяди, а не смогли отгадать, что это часы. Ну и уходите, пожалуйста! – крикнула им вслед Пеппи и занялась своими монетами.

А воры стояли на улице и потирали руки от удовольствия.

– Видел ли ты когда-нибудь столько денег? – спросил один другого. – Вот это да!

– Сегодня нам здорово повезло, – подхватил другой.

– Подождём немного, пока девочка и этот господин Нильсон заснут, а потом залезем к ним в дом и унесём все деньги.

Воры уселись поудобнее в саду и принялись ждать. Вскоре пошёл проливной дождь, они промокли до нитки, к тому же их мучил голод. Одним словом, им было не очень-то уютно, но мысль о предстоящей краже ободряла их.

Одно за другим гасли окна во всех окрестных домах, но в домике Пеппи огонь всё горел. Дело в том, что Пеппи решила сегодня во что бы то ни стало научиться танцевать твист и дала себе зарок не ложиться, пока не будет безошибочно выполнять все сложные фигуры этого танца. Но в конце концов и в её домике погас свет.

Воры повременили ещё немного, чтобы господин Нильсон успел крепко заснуть. Затем они бесшумно прокрались к чёрному ходу и вынули

свои отмычки, собираясь взломать замок. Один из воров – его звали Блом – случайно нажал на дверную ручку. Оказалось, что дверь не заперта.

– Смотри, какие глупые люди, не запирают на ночь дверь, – прошептал Блом.

– Тем лучше для нас, – ответил его приятель по кличке Громила Карл.

Он зажжёт фонарик и осветит кухню. Но на кухне они не нашли ничего для себя интересного. Тогда они двинулись в комнату, где спала Пеппи и стояла кукольная зелёная кровать Господина Нильсона.

Приоткрыв дверь, Громила осторожно заглянул в комнату: там было тихо и темно. Громила Карл стал шарить лучом фонарика по стенам. Когда луч упал на кровать Пеппи, то воры, к своему великому удивлению, увидели лишь две ноги, лежащие на подушке. Пеппи по обыкновению спала, положив на подушку ноги и укрывшись с головой одеялом.

– Это, видно, та самая девчонка, – прошептал Громила Карл Блomu. – Она крепко спит. Интересно, а где же спит этот Нильсон?

– Господин Нильсон, с вашего разрешения, – раздался голос из-под одеяла, – я прошу называть его Господином Нильсоном. Он спит в зелёной кукольной кровати.

Воры с перепугу хотели было немедленно бежать, но потом до них дошёл смысл слов Пеппи: господин Нильсон спит, оказывается, в кукольной кровати! Они осветили карманным фонариком кровать и спящую в ней обезьянку, укрытую одеялом.

Громила Карл не смог удержаться от смеха.

– Подумать только, Блом, – сказал он хохоча, – господин Нильсон – обезьяна. Ха-ха-ха! Обезьяна!

– А чем бы ты хотел, чтобы он был, – раздался опять голос Пеппи, – мясорубкой, что ли?

– А где твои папа и мама, девочка? – спросил Блом.

– Их никогда не бывает дома, – ответила Пеппи.

Громила Карл и Блом так удивились, что даже закудахтали.

– Послушай-ка, девочка, – сказал Громила Карл, – вылезай-ка из постели, мы хотим с тобой поговорить.

– Значит, вы всё-таки решили играть со мной в загадки? Что ж, тогда сперва отгадайте ту, что я вам уже загадала: «Идут, идут, а с места не сойдут».

Но Блом решительно подошёл к кровати и сдёрнул с Пеппи одеяло.

– Послушай, – сказала Пеппи, серьёзно глядя ему в глаза, – ты умеешь танцевать твист? Я вот сегодня научилась.

– Уж больно много ты задаёшь вопросов, – сказал Громила Карл. –

А теперь мы тебя спросим: куда ты спрятала деньги, которые вечером пересчитывала на полу?

– Они в шкафу, в чемодане, – простодушно ответила Пеппи.

– Я надеюсь, ты не будешь ничего иметь против, если мы возьмём этот чемодан, малютка? – спросил Громила Карл.

– Пожалуйста, – сказала Пеппи.

Блом подошёл к шкафу и вынул чемодан.

– А теперь, надеюсь, и ты, малютка, тоже ничего не будешь иметь против, если я возьму назад свой чемодан? – спросила Пеппи.

Пеппи вскочила на ноги и подбежала к Блomu. Не успел он опомниться, как чемодан был уже в руках девочки.

– Брось шутики шутить, малютка, – зло проговорил Громила Карл, – давай-ка сюда чемодан! – И он крепко схватил Пеппи за руку.

– А я как раз хочу с тобой пошутить! – воскликнула Пеппи и закинула Громила Карла на шкаф.

Минуту спустя там оказался и Блом.

Тут оба вора не на шутку испугались – они поняли, что перед ними необычная девочка, но золото их так соблазняло, что они кое-как справились со своим страхом.

– Айда, Блом! – крикнул Громила Карл, и оба, спрыгнув со шкафа, набросились на Пеппи, которая всё ещё держала чемодан в руках.

Но Пеппи ткнула каждого указательным пальцем, и вору отлетели в разные углы комнаты. Прежде чем они успели подняться с пола, Пеппи схватила длинную верёвку и в два счёта связала им руки и ноги. Тут наши вору сменили, как говорится, пластинку.

– Милая, дорогая фрёкен, – сладким голосом произнёс Громила Карл, – прости нас, мы ведь только пошутили. Не делай нам ничего худого. Мы всего-навсего бедные, усталые бродяги. И зашли к тебе попросить хлеба.

Блом стал тоже молить о пощаде и даже пустил слезу.

Пеппи аккуратно поставила чемодан обратно в шкаф. Затем она обернулась к своим пленникам:

– Кто-нибудь из вас умеет танцевать твист?

– А то как же, – с готовностью отозвался Громила Карл, – мы оба умеем.

– Вот здорово! – воскликнула Пеппи и захлопала в ладоши. – Давайте потанцуем? Я как раз сегодня разучила этот танец.

– С удовольствием, – сказал Громила Карл. Но вид у него был несколько смущённый.

Тогда Пеппи принесла громадные ножницы и разрежала верёвку, которой были связаны воры.

– Но вот беда, нет музыки, – озабоченно сказала Пеппи. Однако тут же нашла выход. – Может, ты будешь играть на гребёнке с папиросной бумагой? – обратилась она к Блomu. – А я буду танцевать вот с этим. – Пеппи указала на Громилу Карла.

Блом, конечно, охотно взялся играть на гребешке, а Громила Карл – танцевать. Блом играл так громко, что его музыка была слышна во всём доме. Господин Нильсон проснулся и, приподнявшись на кровати, с удивлением глядел, как Пеппи кружится по комнате с Громилой Карлом. Пеппи танцевала с таким азартом, будто от этого танца зависела её жизнь.

В конце концов Блом заявил, что больше не может играть на гребёнке, потому что губам очень щекотно. А Громила Карл, который весь день шатался по дорогам, сказал, что у него болят ноги.

– Нет, нет, дорогие мои, я не натанцевалась, ещё хоть немного, – сказала Пеппи и снова закужилась в танце.

И Блomu пришлось снова играть, а Громиле Карлу ничего не оставалось, как снова пуститься в пляс.

– О! Я могла бы танцевать до четверга, – сказала Пеппи, когда пробило три часа ночи, но, может, вы устали и хотите есть?

Воры в самом деле устали и хотели есть, но они не решались в этом признаться.

Пеппи вынула из буфета хлеб, сыр, масло, ветчину, кусок холодной телятины, кувшин молока, и все они – Блом, Громила Карл и Пеппи – уселись за кухонный стол и стали уплетать за обе щёки, пока не наелись до отвала. Остатки молока Пеппи вылила себе в ухо.

– Нет лучшего средства против воспаления уха, – пояснила она.

– Бедняжка, у тебя болит ухо? – воскликнул Блом.

– Нет, что ты, вовсе не болит, но ведь оно может заболеть.

В конце концов воры поднялись, горячо поблагодарили за еду и стали прощаться.

– Как я рада, что вы зашли ко мне! Вам в самом деле уже пора уходить? – огорчённо спросила Пеппи. – Я никогда не встречала человека, который лучше тебя танцует твист, – сказала она Громиле Карлу. – А ты, – обратилась она к Блону, – должен почаще упражняться в игре на гребёнке, тогда губам не будет щекотно.

Когда воры стояли уже в дверях, Пеппи дала каждому из них по золотой монете.

– Вы их честно заработали, – сказала она.

Как Пеппи приглашают на чашку кофе

Как-то раз мама Томми и Анники пригласила на чашку кофе несколько знатных дам. По этому случаю она пекла пироги и решила, что поступит справедливо, если разрешит и детям позвать в гости свою новую подругу. «Мне будет даже спокойнее, – подумала она. – Дети будут вместе играть и не станут отвлекать меня от гостей».

Когда Томми и Анника услышали, что им можно позвать к себе Пеппи, они пришли в неопиcуемый восторг и тут же побежали приглашать её в гости.

Они застали Пеппи в саду. Она поливала из старой заржавленной лейки последние чахлые осенние цветы. Моросил дождик, и Томми заметил, что в такую погоду цветы не поливают.

– Тебе легко говорить, – сердито возразила Пеппи, – а я, может быть, всю ночь не спала ни минуты и мечтала о том, как буду утром поливать клумбу. Неужели я допущу, чтобы моя мечта не осуществилась из-за какого-то паршивенького дождика! Нет! Этому не бывать!..

Но тут Анника сообщила радостную новость: мама приглашает Пеппи на чашку кофе.

– Меня? На чашку кофе? – воскликнула Пеппи и так разволновалась, что стала поливать вместо розового куста Томми. – Ой!.. Что же делать!.. Я так нервничаю!.. А вдруг я не сумею вести себя как надо?..

– Что ты, Пеппи, ты будешь прекрасно вести себя! – успокоила её

Анника.

– Нет... Нет... это ещё неизвестно, – возразила Пеппи. – Я буду стараться, можешь мне поверить, но мне много раз говорили, что я не умею себя вести, хотя стараюсь изо всех сил... Это вовсе не так просто... Но я обещаю вам, что на этот раз я буду ну прямо из кожи вон лезть, чтобы вам не пришлось за меня краснеть.

– Вот и прекрасно, – сказал Томми, и дети под дождём побежали домой.

– Не забудь, ровно в три часа! – уже издали крикнула Анника, выглядывая из-под зонтика.

Ровно в три часа перед входной дверью виллы, где жила семья Сёттергрэн, стояла Пеппи Длинныйчулок. Она была разодета в пух и прах. Волосы она распустила, и они развевались на ветру, словно львиная грива. Губы она ярко накрасила красным мелком, а брови намазала сажей так густо, что вид у неё был просто устрашающий. Ногти она тоже раскрасила мелками, а к туфлям приделала огромные зелёные помпоны. «Теперь я уверена, что буду самая красивая на этом пиру», – довольно пробормотала Пеппи, позвонив в дверь.

В гостиной у Сёттергрэнов уже сидели три почтенные дамы, Томми и Анника и их мама. Стол был празднично накрыт. В камине пылал огонь. Дамы тихо беседовали с мамой, а Томми и Анника, расположившись на диване, рассматривали альбом. Всё дышало покоем.

Но вдруг покой разом нарушился:

– Р-рр-ружья напер-рр-ревес!

Эта оглушительная команда донеслась из прихожей, и через мгновение Пеппи Длинныйчулок стояла на пороге гостиной. Её крик был таким громким и таким неожиданным, что почтенные дамы просто подскочили в своих креслах.

– Р-р-рота, шаго-оо-ом мар-р-рш!

И Пеппи, чеканя шаг, подошла к фру Сёттергрэн и горячо пожала ей руку.

– Колени плавно сгибай! Ать, два, три! – выкрикнула она и сделала реверанс.

Улыбнувшись во весь рот хозяйке, Пеппи заговорила нормальным голосом:

– Дело в том, что я невероятно застенчива и если бы сама себе нескомандовала, то и сейчас ещё топталась бы в прихожей, не решаясь войти.

Затем Пеппи обошла всех трёх дам и каждую поцеловала в щёку.

– Шармант^[1]. Шармант. Великая честь! – повторяла она при этом.

Эту фразу при ней как-то произнёс один изысканный господин, когда его познакомили с дамой.

Затем она уселась в самое мягкое кресло. Фру Сёттергрэн рассчитывала, что дети отправятся наверх, в комнату Томми и Анники, когда придёт их подруга, но Пеппи – это было ясно – не собиралась двигаться с места. Она похлопывала себя по коленям, то и дело поглядывая на накрытый стол, и вдруг сказала:

– Стол выглядит очень аппетитно. Когда же мы начнём?

Как раз в этот момент в гостиную вошла Элла, девушка, помогавшая фру Сёттергрэн по хозяйству, и внесла дымящийся кофейник.

– Прошу к столу, – обратилась к гостям фру Сёттергрэн.

– Чур, я первая! – крикнула Пеппи, и, прежде чем почтенные дамы успели встать с кресел, она уже очутилась у стола.

Недолго думая она наложила себе на тарелку целую гору сладостей, бросила в чашку семь кусков сахара, вылила в неё не менее половины кувшинчика сливок и, откинувшись на стуле, придвинула к себе всю свою добычу.

Поставив блюдо со сладким пирогом себе на колени, Пеппи с необычайной быстротой принялась макать в кофе печенье и совать себе в рот. Она так набила рот печеньем, что, как ни старалась, не могла произнести ни слова. С той же стремительностью она расправилась и с пирогом. Затем, вскочив с места, Пеппи начала бить в тарелку, как в бубен, и кружиться вокруг стола, выискивая, чем бы ещё полакомиться. Почтенные дамы бросали на неё неодобрительные взгляды, но она их не замечала. Весело щебеча, Пеппи продолжала прыгать вокруг стола, то и дело засовывая себе в рот то пирожное, то карамельку, то печенье.

– Как мило с вашей стороны, что вы меня пригласили. Меня ещё никогда не звали на чашку кофе.

Посередине стола красовался огромный сливочный торт, украшенный красным цукатным цветком. С минуту Пеппи стояла, заложив руки за спину, не в силах отвести глаз от красного цветка, и вдруг она нагнулась над тортом и выкусила из него весь цукатный цветок. Она проделала это так стремительно, что до ушей вымазалась кремом.

– Ха-ха-ха! – рассмеялась Пеппи. – Теперь давайте играть в жмурки. Но мне придётся всё время водить, я ничего не вижу.

Пеппи высунула язык и принялась облизывать губы и щёки.

– Что и говорить, случилась беда, – сказала она. – Но так как торт всё равно погиб, мне ничего не остаётся, как поскорей его прикончить.

Сказано – сделано. Вооружившись лопаточкой, Пеппи быстро

заглотала торт и с довольным видом похлопала себя по животу.

В это время фру Сёттергрэн как раз вышла за чем-то на кухню, поэтому она не знала, что происходит в гостиной. Но другие дамы строго глядели на Пеппи. Видно, им тоже хотелось отведать этого торта. Пеппи заметила, что дамы недовольны, и решила их ободрить.

– Не следует огорчаться по пустякам, – сказала она им. – Берегите своё здоровье. В гостях надо всегда веселиться.

Она схватила сахарницу с пиленным сахаром и вывалила сахар на пол.

– Ой, что я наделала! Как я могла так опростоволоситься! Ведь я же думала, что здесь сахарный песок. Верно говорят: пришла беда – отворяй ворота. Если рассыпаешь пиленный сахар, есть только один способ выйти из положения: надо тут же рассыпать песок.

Пеппи схватила со стола другую сахарницу, на этот раз с сахарным песком и, набрав полный рот песка, принялась что было силы дуть, фонтаном разбрызгивая песок по комнате.

– Если уж это не поможет, то ничего не поможет!

И она перевернула сахарницу и высыпала остатки песка на пол.

– Прошу всех обратить внимание, на этот раз я не ошиблась, рассыпала сахарный песок, а не кусковой сахар, значит, я исправила свой промах. Знаете ли вы, как приятно ходить по песку? – спросила она у почтенных дам и недолго думая сняла туфли и чулки. – Уверяю вас, вам тоже следует попробовать, – снова обратилась она к дамам. – Лучше ничего на свете нет, поверьте мне!

Как раз в эту минуту фру Сёттергрэн вернулась из кухни. Увидев, что по всему полу рассыпан сахар, она резко схватила Пеппи за руку и повела её к дивану, где сидели Томми и Анника. Сама же она под села к своим гостям и предложила им ещё по чашечке кофе. Обнаружив, что торт бесследно исчез, фру Сёттергрэн очень обрадовалась, решив, что дамы по достоинству оценили её кулинарное искусство.

Пеппи, Томми и Анника тихо разговаривали на диване. В камине по-прежнему пылал огонь. Дамы пили кофе, и в гостиной снова воцарились тишина и покой. И как всегда, когда дамы пьют кофе, разговор зашёл о домашних работницах. Говорили о том, как трудно сейчас найти хорошую работающую девушку и как все они небрежно относятся к своим обязанностям. И дамы сошлись на том, что вообще не стоит держать домашних работниц, лучше всё делать самим – будешь по крайней мере знать, что всё сделано на совесть.

Пеппи сидела на диване и молча слушала разговор дам.

– У моей бабушки была работница, которую звали Малин, – вдруг

сказала она громко. – У этой Малин был только один недостаток: её мучили мозоли на ногах. Как только к бабушке приходили гости, Малин кидалась на них, норовя укусить в икру. И ругалась... О, как она ругалась! На весь квартал было слышно! Впрочем, ругалась она не всегда, а только когда была в весёлом настроении. Но гостям ведь было невдомёк, что Малин так веселится. И вот однажды к бабушке пришла с визитом очень старая дама, жена пастора. Малин тогда ещё только поступила к бабушке. Не успела пасторша усесться в кресло, как в комнату ворвалась Малин и вцепилась зубами ей в ногу. Пасторша так завопила, что Малин с испуга ещё плотнее сжала челюсти. И потом, представьте себе, она уже не смогла разжать их до пятницы. Так что бабушке пришлось самой чистить картошку. Но зато картошка была хоть раз почищена как следует. Бабушка чистила её так усердно, что, когда кончила, перед ней на столе лежала гора очисток, а картошки вообще не осталось. Только одни очистки! Но после той пятницы пасторша к бабушке больше ни ногой: старушка не понимала шуток. Зато Малин была в отличном настроении. Но характер у неё – спору нет – был всё-таки нелёгкий. Однажды, когда бабушка пырнула её вилок в ухо, она целый день дулась.

Пеппи огляделась вокруг и дружески улыбнулась дамам.

– Да, вот какой была эта Малин... Приходится терпеть, – раздумчиво произнесла она и со вздохом сложила руки на животе.

Дамы делали вид, что не слышат болтовни Пеппи, и продолжали свой разговор:

– Если бы моя Роза была хотя бы чистоплотной, её ещё можно было бы держать в доме, – сказала фру Бёрггрен, – но она такая грязнуля, настоящий поросёнок.

– А вы бы поглядели только на Малин, снова громко произнесла Пеппи. – Вот неряха так неряха! Бабушка говорила, что никак на неё не нарадуется, и даже долго считала её негритянкой, такая она была чёрная. Но потом выяснилось, что это просто неотмытая грязь. А однажды на благотворительном балу в ратуше Малин получила первый приз за самые грязные ногти... Даже страшно подумать, – весело закончила Пеппи, – до чего же люди бывают грязны!

Фру Сёттергрен строго взглянула на Пеппи.

– Представьте себе, – сказала фру Грёнберг, – как-то на днях моя Бритта, отправляясь на гулянку, напялила на себя моё синее шёлковое платье! Ну разве это не нахальство!

– Конечно, конечно, – подхватила Пеппи, – я вижу, ваша Бритта из того же теста, что и наша Малин. У бабушки была розовая кофта, которой она

очень дорожила. Но вся беда в том, что Малин просто с ума сходила по этой самой кофте. И вот каждое утро бабушка и Малин начинали спорить, кому надеть эту кофту. Наконец они договорились, что будут носить её по очереди, через день, это по крайней мере справедливо. Но вы и представить себе не можете, до чего с Малин было трудно. Даже в те дни, когда была бабушкина очередь надевать эту кофту. Малин могла вдруг заявить: «Если вы мне не дадите розовой кофты, я не дам вам вишнёвого мусса на сладкое». Ну и что же оставалось делать бедной старушке? Ведь вишнёвый мусс был её любимым блюдом! Приходилось уступать! И когда Малин, надев розовую кофту, возвращалась на кухню, она сияла как начищенный пятак и так старательно взбивала вишнёвый мусс, что забрызгивала все стены...

На минуту в гостиной воцарилось молчание. Его прервала фру Александерсен:

– Я, конечно, не поручусь, но всё же подозреваю, что моя Гульда крадёт. Я не раз замечала, что вещи исчезают из дома...

– А вот Малин... – начала было Пеппи, но её строго оборвала фру Сёттергрэн.

– Дети, – сказала она, – немедленно ступайте к себе наверх.

– Сейчас, я только расскажу, что Малин тоже крала, – не унималась Пеппи. – Крала как сорока. У неё прямо руки чесались... Она даже вставала среди ночи и немножко воровала. Иначе, уверяла она, ей не заснуть. Однажды она украла бабушкино пианино и ухитрилась спрятать его в верхнем ящике своего комода. Бабушка всегда восхищалась её ловкостью...

Но тут Томми и Анника схватили Пеппи за руки и потащили к лестнице, а дамы налили себе по третьей чашечке кофе.

– Не то чтобы я могла жаловаться на свою Эллу, – сказала фру Сёттергрэн, – но вот посуду она бьёт...

И вдруг на лестнице вновь показалась рыжая головка.

– А сколько Малин перебила посуды – не сосчитать! – крикнула сверху Пеппи. – Все знакомые просто диву давались, уж поверьте мне на слово! Для этого дела она отводила один день в неделю – тогда она ничем другим не занималась. С утра до вечера только и делала, что била посуду. Бабушка говорила, что это бывало по вторникам. Каждый вторник, часов в пять утра, Малин отправлялась на кухню бить посуду. Начинала она с кофейных чашечек, стаканов и других мелких вещей, затем бралась за плоские и глубокие тарелки, а под конец принималась за блюда и суповые миски.

Всё утро в кухне стоял такой шум, что сердце радовалось, как говорила бабушка. А если у Малин выпадал свободный часок после обеда, то она, вооружившись молотком, отправлялась в гостиную и колотила развешанные там по стенам старинные тарелки, – закончила Пеппи и исчезла, как кукушка в часах.

Но тут у фру Сёттергрэн лопнуло терпение. Она побежала вверх, влетела в комнату детей и, подскочив к Пеппи, которая как раз в это время учила Томми стоять на голове, закричала:

– Не смей больше приходить к нам, раз ты себя так плохо ведёшь!

Пеппи с изумлением взглянула на фру Сёттергрэн, и глаза её наполнились слезами.

– Недаром я боялась, что не сумею себя вести как надо, – сказала она очень грустно. Мне не надо было и пробовать, всё равно я этому никогда не научусь. Лучше уж я бы утонула в море...

Пеппи вежливо поклонилась хозяйке дома, попрощалась с Томми и с Анникой и медленно спустилась по лестнице. Но как раз в это время почтенные дамы тоже поднялись, собираясь уходить. Пеппи присела в прихожей на ящик для галош и наблюдала, как дамы перед зеркалом поправляют шляпки и надевают плащи.

– Как жалко, что вы не одобряете своих домашних работниц, – сказала вдруг Пеппи. – Вот была бы у вас такая прислуга, как Малин... Другой такой не сыщешь – так всегда говорила бабушка. Подумайте только, однажды в июле, когда Малин должна была подать к обеду жареного поросёнка... Знаете, что она сделала? Она вычитала в поваренной книге, что в июле поросят подают к столу с бумажными розочками в ушах и свежим яблоком во рту. Бедная Малин не поняла, что яблоко и розочки должны быть во рту и в ушах у поросёнка... Вы бы только поглядели, на кого она была похожа, когда она, с розочками из папиросной бумаги в ушах и с огромным яблоком в зубах, внесла в столовую блюдо с поросёнком. «Малин, вы скотина!» – сказала бабушка. А бедная Малин не могла даже и слова вымолвить в ответ. Она только трясла головой, так что бумага в ушах шуршала. Правда, она пыталась что-то произнести, но получилось только: «Бу-бу-бу». И укусить она никого не могла – мешало яблоко, а как раз за столом сидело столько гостей... Да, трудный выдался денёк для бедняжки Малин... – печально закончила Пеппи.

Дамы уже были одеты и прощались с фру Сёттергрэн. Пеппи тоже подошла к ней и прошептала:

– Простите, что я не умею себя вести. Прощайте.

Затем Пеппи надела свою огромную шляпу и выбежала вслед за

дамами. У калитки их пути разошлись. Пеппи свернула налево, к своей вилле, а дамы – направо. Но не прошло и нескольких минут, как они услышали за спиной чьё-то прерывистое дыхание. Обернувшись, они увидели, что их догоняет Пеппи.

– Знаете, бабушка очень грустила, когда Малин ушла от неё. Представьте себе, однажды во вторник после того, как Малин разбила больше дюжины чайных чашек, она вдруг собрала свои вещи, села на пароход и куда-то уплыла, так что бабушке пришлось самой добывать посуду, а она, бедняжка, была к этому непривычна и поранила себе руки. Так бабушка больше никогда и не увидела Малин. А она была отличной девчонкой, говорила бабушка.

Выпалив всё это, Пеппи повернулась и побежала назад, а дамы продолжали свой путь. Но, когда они прошли всю улицу, до них вдруг долетел крик Пеппи:

– А ещё-ё Ма-ли-н ни-ко-г-да-а не подметала под кро-ва-тя-ми-и!

Как Пеппи спасает двух малышей

Однажды в воскресенье после обеда Пеппи сидела дома, раздумывая, чем бы ей заняться. Томми и Аннику она не ждала – её друзья ушли со своими родителями в гости.

День прошёл незаметно в приятных занятиях. Пеппи встала рано и подала Господину Нильсону завтрак в постель: фруктовый сок и булочку. Обезьянка выглядела так трогательно, когда она сидела в светло-голубой ночной рубашке на кровати, держа обеими руками стакан. Затем Пеппи скребницей почистила лошадь и задала ей корм, попутно рассказав длинную историю про свои странствования по морям. После этого Пеппи отправилась к себе в комнату и нарисовала прямо на обоях большую картину, изображающую толстую даму в чёрной шляпе и красном платье. В одной руке эта дама держала жёлтый цветок, а в другой – дохлую крысу. Этой картиной Пеппи осталась очень довольна – по её мнению, она украшала комнату. Покончив с художеством, она уселась возле комода и принялась перебирать свои сокровища: птичьи яйца и ракушки, которые вместе с папой собирала в разных далёких странах или покупала

в маленьких заморских лавчонках. Когда Пеппи надоело рыться в ящиках, она попыталась обучить Господина Нильсона танцевать твист. Но он наотрез отказался. Она вздумала было поучить танцевать лошадь, но вместо этого поползла на четвереньках в чулан и накрылась там ящиком – это называлось играть в сардины, но игра не клеилась, потому что не было Томми и Анники, которые обычно изображали других сардин.

Но вот начало смеркаться. Девочка прижалась носом, похожим на картофелину, к оконному стеклу и глядела в сад, в котором сгущались серые осенние сумерки. Тут она спохватилась, что ещё не ездила верхом, и решила немедленно отправиться на небольшую прогулку.

Она надела свою огромную шляпу, кликнула Господина Нильсона, который сидел и перебирал пёстрые морские камешки, оседлала лошадь и вынесла её в сад. Они двинулись в путь – Господин Нильсон верхом на Пеппи, а Пеппи верхом на лошади.

После захода солнца подморозило, и копыта лошади звонко цокали по затвердевшему грунту. Господин Нильсон пытался срывать листья с деревьев, мимо которых они скакали. Но Пеппи так гнала лошадь, что ему это не удавалось. Наоборот, ветки всё время стегали его по ушам, и Господин Нильсон с трудом удерживал на голове свою соломенную шляпку.

Пеппи скакала во весь опор по улицам маленького городка, и люди шарахались в сторону, уступая ей дорогу.

Конечно, в нашем маленьком городке, как и в каждом городе, есть своя главная площадь. На неё выходят выкрашенная охрой ратуша и старинные красивые особняки, среди которых возвышается большой трёхэтажный дом. Он построен недавно, и все его называли небоскрёбом, потому что это самый высокий дом в городе. В эти воскресные предвечерние часы город, казалось, дремал, погружённый в тишину и покой.

И вдруг тишину пререзал дикий крик:

– Небоскрёб горит! Пожар! Пожар!

Со всех сторон к площади бежали перепуганные люди. По улице с пронзительным воем промчалась пожарная машина. И две девочки на тротуаре, которым сперва казалось, что смотреть на пожар очень весело, вдруг заплакали – они испугались, что и их дом загорится. Вскоре на площади перед небоскрёбом собралась огромная толпа. Полиция пыталась её разогнать, потому что огонь мог перекинуться и на соседние дома. Из окон небоскрёба уже вырвались языки пламени. Под дождём искр в клубах чёрного дыма пожарные продолжали мужественно бороться с огнём. Пожар вспыхнул на первом этаже, но пламя со стремительной быстротой

охватило весь дом. И вдруг люди, стоящие на площади, похолодели от ужаса. Окно мансарды под самой крышей распахнулось, и в нём показались два маленьких мальчика. Несчастные мальчуганы плакали и молили о помощи.

– Мы не можем отсюда выйти, – крикнул старший мальчик, – кто-то развёл костёр на лестнице!

Старшему минуло пять лет, его брат был на год моложе. Мать их ушла по делу, и они остались дома одни.

Толпа на площади волновалась. Многие плакали, глядя на малышей. Брандмайор^[2] не на шутку встревожился. У пожарных была, конечно, раздвижная лестница, но она не доставала до мансарды. А войти в дом, чтобы вынести детей, было уже практически невозможно. Неописуемый ужас охватил всех, когда стало ясно, что дети обречены на гибель – ведь пламя вот-вот доползёт до мансарды. А малыши по-прежнему стояли у окна и громко ревели.

В толпе на площади была и Пеппи. Не слезая с лошади, она с интересом рассматривала пожарную машину и уже прикидывала в уме, не сможет ли она купить себе такую же. Машина эта понравилась ей потому, что была ярко-красного цвета и к тому же гудела на редкость пронзительно. Затем Пеппи стала наблюдать, как пламя всё яростнее охватывает дом, и пожалела, что искры не долетают до неё.

Как и все толпившиеся на площади люди, Пеппи сразу заметила малышей в окне мансарды, и её удивило то, что у малышей такой перепуганный вид. Она никак не могла понять, почему пожар их не забавляет, и даже спросила у стоящих рядом людей:

– Скажите, почему эти дети орут?

Сперва ей в ответ раздались лишь всхлипывания. Но потом какой-то толстяк сказал:

– А ты бы не орала, если бы стояла там наверху и не могла бы оттуда выбраться?

– Я вообще никогда не плачу! – огрызнулась Пеппи. – Но раз дети хотят спуститься и не могут, почему им никто не поможет?

– Да потому, что это невозможно. Как им помочь?

Пеппи удивилась ещё больше:

– Неужели никто не притащит сюда длинную верёвку?

– А что проку в верёвке! – отрезал толстяк. – Дети слишком малы, чтобы спуститься по верёвке. Да и вообще сейчас уже поздно – добраться до них по верёвке нельзя! Ты что, сама не понимаешь?

– Это ещё как сказать, – спокойно ответила Пеппи. – А ну, достаньте-

ка мне верёвку.

Никто не верил, что Пеппи сможет что-нибудь сделать, но верёвку ей всё-таки дали. Возле фонтана, перед небоскрёбом, росло высокое дерево. Его верхние ветки были примерно на уровне окон мансарды, но метра на три не доходили до них, а ствол дерева был гладкий как столб. Даже Пеппи не могла по нему взобраться.

Пожар бушевал, дети в окне мансарды кричали, люди на площади плакали.

Пеппи соскочила с лошади и, подбежав к дереву, крепко привязала верёвку к хвосту Господина Нильсона.

– А теперь ты будешь умницей, ну лезь, – сказала Пеппи, поднесла обезьянку к дереву и посадила её.

Господин Нильсон прекрасно понял, что от него хотят, и послушно полез по гладкому стволу – для обезьяны это было дело плёвое. Люди на площади затаив дыхание следили за Господином Нильсоном. Вскоре он добрался до кроны, сел на сучок и вопросительно поглядел вниз, на Пеппи. Пеппи кивнула ему, как бы говоря, что можно спуститься. Обезьянка послушалась, но стала спускаться по другой стороне ствола, перекинув тем самым верёвку через сук. И когда Господин Нильсон снова оказался на земле, Пеппи держала в руках оба конца верёвки.

– До чего же ты умён, Господин Нильсон, тебе бы профессором быть! – воскликнула Пеппи и отвязала верёвку от хвоста обезьяны.

Неподалёку от небоскрёба ремонтировали дом. Пеппи помчалась туда и выбрала крепкую длинную доску. С доской под мышкой она вернулась к дереву. Ухватившись свободной рукой за верёвку и опираясь ногами о ствол, она начала быстро и ловко карабкаться вверх. Люди на площади от удивления перестали плакать. Добравшись до кроны и положив доску на развилку ветвей, она осторожно стала продвигать её к окну. Наконец доска достигла окна, легла концом на подоконник и образовала своеобразный мост между деревом и горящим домом. Люди на площади молчали, от напряжения никто не мог вымолвить ни слова. А Пеппи пошла по доске, весело улыбаясь мальчишкам в мансарде:

– Ну, чего вы ревете, ребята? У вас, может, животы разболелись?

Дойдя до окна, Пеппи спрыгнула в мансарду.

– Что и говорить, здесь жарковато. Сегодня вам больше топить не придётся, за это я ручаюсь. А завтра слегка протопите, не больше четырёх поленьев...

Сказав это, Пеппи взяла на руки обоих мальчиков и двинулась по доске обратно.

– А теперь мы немножко позабавимся. Балансировать с вами на доске – всё равно что танцевать на проволоке.

Когда Пеппи дошла до середины доски, она задрала ногу точно так же, как, помните, она сделала в цирке. Шёпот ужаса пробежал по толпе. А когда с её ноги соскочила и полетела вниз туфля, несколько пожилых дам упали в обморок. Но Пеппи благополучно добралась с мальчиками до дерева, и стоящие на площади люди так громко закричали «ура», что заглушили на мгновение треск и рёв пожара.

Пеппи подтянула верёвку, один конец её она крепко привязала к толстому суку, а другим обвязала младшего мальчика и стала медленно и осторожно спускать его, он попал прямо в руки матери, которая, не помня себя от счастья, схватила своего сынишку и, громко рыдая, принялась его целовать. Но Пеппи закричала с дерева:

– Эй, вы! Отвяжите верёвку! Здесь ждёт ещё один мальчик, и летать он пока не умеет!

Люди кинулись развязывать верёвку, но это было нелёгким делом, потому что Пеппи умела завязывать крепкие морские узлы. Она научилась этому у матросов, когда плавала по морям со своим папой.

Но вот верёвка наконец снова оказалась в руках Пеппи, и она спустила на землю второго мальчика.

Пеппи осталась одна на дереве. Она опять выбежала на доску, и толпа разом притихла. Никто не понимал, что она собирается делать, но секунду спустя все ахнули. Пеппи плавно поднимала и опускала руки, она кружилась в танце на узкой доске и пела своим хриплым голосом:

Пятнадцать человек и покойника ящик,
И-о-го-го, и в бочонке ром.

Но слова песни едва доносились до людей на площади. А Пеппи пела и кружилась всё быстрее и быстрее, так что многие люди зажмуривались, боясь, что она разобьётся.

Из окна мансарды вырывалось огромное пламя. И в его свете

отчётливо вырисовывался силуэт Пеппи. Когда же на неё посыпался дождь искр, она подняла руки к вечернему небу и громко крикнула:

– Какой великолепный пожар!

Затем она вернулась на дерево и, крикнув: «Эй!» – с быстротой молнии соскользнула по верёвке вниз.

– Давайте прокричим четырёхкратное «ура» в честь девочки по имени Пеппи Длинныйчулок! – громко провозгласил брандмайор. – Да здравствует Пеппи!

– Ура! Ура! Ура! Ура! – прокричали все люди, стоящие на площади.

И лишь один голос крикнул «ура» пять раз. Этот голос принадлежал самой Пеппи.

Как Пеппи празднует свой день рождения

Однажды Томми и Анника получили письмо, они вынули его из почтового ящика на двери своего дома.

На конверте стояло:

«ТММИ и АНКЕ»

А когда они вскрыли конверт, то нашли в нём кусочек картона, на котором были старательно выведены неровные буквы:

***«ТММИ и АНКЕ» Тми и Анка далжны прити к Пеппи на пир
в день раждения в завтра посли обеда Одежда любая***

Томми и Анника так обрадовались, что начали прыгать и кружиться по комнате. Они прекрасно поняли, что там было написано, хотя письмо и выглядело несколько странно. Пеппи было очень трудно написать это приглашение. Она, например, нетвёрдо знала, как пишется буква «И». Но так или иначе, она всё же смогла написать, что хотела. В те годы, когда она ещё плавала по морям, один из матросов пытался по вечерам научить Пеппи писать, но особенно усердной ученицей Пеппи никогда не была.

– Нет, Фридольф (так звали того матроса), я уж лучше залезу на мачту и погляжу, какая завтра будет погода, – говорила она обычно, – или пойду поиграю с корабельным котом.

Всю ночь просидела она, сочиняя пригласительное письмо. А когда

стало светать и погасли последние звёзды, Пеппи опустила конверт в ящик на двери.

Как только Томми и Анника вернулись из школы, они начали готовиться к празднику. Анника попросила маму причесать её получше. Мама завила ей локоны и завязала огромный розовый шёлковый бант. Томми тщательно расчесал волосы на пробор и даже смочил водой, чтобы они не вились – в отличие от сестры, он терпеть не мог всяких локонов. Анника хотела надеть своё самое нарядное платье, но мама ей не позволила, сказав, что от Пеппи они всегда возвращаются ужас какие грязные. Так что Аннике пришлось удовольствоваться своим почти самым нарядным платьем. Что до Томми, то его несколько не интересовало, что надеть, только бы рубашка была чистой.

Конечно, они купили Пеппи подарок, выпотрошив для этого свою копилку. Возвращаясь из школы, они зашли в игрушечный магазин и купили... Впрочем, пока это ещё тайна. Пока подарок лежал, завернутый в зелёную бумагу и перевязанный шнурком. Когда дети были готовы, Томми взял подарок и они отправились в гости. А мама с порога кричала им вслед, чтобы они берегли свои костюмы. Анника тоже хотела понести немножко подарок. Так они шли, передавая зелёный свёрток из рук в руки, пока не решили нести его оба.

Стоял ноябрь, и темнело рано. Прежде чем открыть калитку Пеппиного сада, Томми и Анника взялись за руки, потому что в саду было уже темно и старые чёрные деревья грозно шуршали последними, ещё не опавшими листьями.

– Осторожно, – говорил Томми на каждом шагу.

Но тем приятнее было увидеть впереди яркий свет в окнах и знать, что идёшь на пир по случаю дня рождения.

Обычно Томми и Анника входили в дом через чёрный ход, но сегодня они решили войти с парадной двери. Лошади на террасе не было. Томми постучал. Ответил глухой голос:

– Это привидение пожаловало ко мне на пир?

– Нет, Пеппи, это мы, – крикнул Томми, – открой!

И Пеппи отворила дверь.

– О Пеппи, зачем ты говоришь о привидениях? Я так испугалась, – сказала Анника и со страху даже забыла поздравить Пеппи.

Пеппи расхохоталась и распахнула двери. О, как хорошо было попасть в светлую и тёплую кухню! Пир должен был состояться именно здесь. Ведь в Пеппином доме было всего две комнаты: гостиная, но там стоял только один комод, и спальня. А кухня была большой, просторной, и Пеппи так

хорошо убрала её и так забавно там всё устроила. На полу лежал ковёр, а на столе – новая скатерть, которую Пеппи сама вышила. Правда, цветы, которые она изобразила, выглядели весьма странно, но Пеппи уверяла, что именно такие растут в Индонезии. Занавески на окнах были задёрнуты, а печь раскалена докрасна. На шкафчике сидел Господин Нильсон и бил кастрюльными крышками. А в самом дальнем углу стояла лошадь.

Тут наконец Томми и Анника вспомнили, что им надо поздравить Пеппи. Томми шаркнул ножкой, а Анника сделала реверанс. Они протянули Пеппи зелёный свёрток и сказали:

– Поздравляем тебя с днём рождения!

Пеппи схватила пакет и лихорадочно развернула его. Там оказался большой музыкальный ящик. От радости и счастья Пеппи обняла Томми, потом Аннику, потом музыкальный ящик, потом зелёную обёрточную бумагу. Затем она принялась крутить ручку – с позвякиванием и присвистыванием полилась мелодия: «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...»

А Пеппи в упоении всё крутила и крутила ручку музыкального ящика и, казалось, забыла обо всём на свете...

Вдруг она спохватилась:

– Да, дорогие друзья, теперь вы тоже должны получить свои подарки.

– У нас же сегодня не день рождения, – сказали дети.

Пеппи с удивлением взглянула на них и сказала:

– Но у меня сегодня день рождения. Неужели я не могу доставить себе удовольствие сделать вам подарки? Может быть, в ваших учебниках написано, что это запрещено? Может быть, по этой самой таблице уважения выходит, что так делать нельзя?..

– Нет, конечно, можно, хотя это и не принято... Но что касается меня, то я буду очень рад получить подарок.

– И я тоже! – воскликнула Анника.

Тогда Пеппи принесла из гостиной два свёртка, которые она заранее приготовила и положила до времени на комод. Томми развернул свой свёрточек – там оказалась дудочка из слоновой кости. А Анника получила красивую брошку в форме бабочки, крылья которой были усыпаны красными, синими и зелёными блестящими камешками.

Теперь, когда все получили подарки по случаю дня рождения, настало время пировать. Стол был уставлен блюдами с булочками и печеньем самой причудливой формы. Пеппи уверяла, что именно такое печенье пекут в Китае. Она принесла шоколад со взбитыми сливками, и все хотели уже садиться за стол, но Томми сказал:

– Когда у нас дома бывает званый обед, мужчины ведут дам к столу. Пусть и у нас будет так.

– Сказано – сделано! – воскликнула Пеппи.

– Но у нас это не получится, потому что я здесь единственный мужчина, – огорчённо произнёс Томми.

– Вздор! – перебила его Пеппи. – А что, Господин Нильсон барышня, что ли?

– Ой, правда! А я и забыл про Господина Нильсона, – обрадовался Томми и, присев на табуретку, написал на листке бумаги:

«Господин Сёттергрэн имеет удовольствие пригласить к столу фрёкен Длинныйчулок».

– Господин Сёттергрэн – это я! – важно пояснил Томми.

И он передал Пеппи своё приглашение.

Затем он взял ещё четвертушку бумаги и написал:

«Господин Нильсон имеет удовольствие пригласить к столу фрёкен Сёттергрэн».

– Прекрасно, – сказала Пеппи, – но лошади тоже надо написать приглашение, хотя она и не будет сидеть за столом.

И Томми написал под Пеппину диктовку приглашение для лошади.

***«Лошадь имеет удовольствие спокойно стоять в углу
и жевать печенье и сахар».***

Пеппи сунула бумажку под морду лошади и сказала:

– На, читай и скажи, что ты насчёт этого думаешь.

Так как возражений у лошади не было, Томми предложил Пеппи руку и повёл её к столу. Зато Господин Нильсон явно не имел ни малейшего желания предложить свою руку Аннике. Поэтому Анника сама взяла его на руки и понесла к столу. Обезьянка уселась прямо на стол. Шоколада со взбитыми сливками она не захотела, но, когда Пеппи налила в кружку воду, Господин Нильсон схватил её обеими руками и принялся пить.

Анника, Томми и Пеппи пили и ели сколько хотели, и Анника сказала, что, когда вырастет, она обязательно поедет в Китай, раз там пекут такое вкусное печенье. Когда Господин Нильсон выпил всю воду, он надел себе кружку на голову. Пеппи немедленно последовала его примеру, но так как она не успела выпить со дна свой шоколад, то по её лбу и носу потекла коричневая струйка. Но Пеппи вовремя высунула язык и поймала капельки.

– Как видите, всё можно исправить, – сказала она.

Наученные её примером, Томми и Анника тщательно вылизали свои чашки, прежде чем надеть их на голову.

Когда все гости, в том числе и лошадь, напились и наелись, Пеппи быстрым ловким движением схватила скатерть за четыре конца и подняла её. Блюда и блюдца, чашки и ложки оказались словно в мешке. Всё это она засунула прямо так в шкаф.

– Сегодня я ничего не хочу убирать, – пояснила она.

И вот настало время веселиться. Пеппи предложила игру, которая называется «Не ступать на пол». Играть в неё очень просто: надо обежать вокруг кухни, ни разу не коснувшись ногой пола. Кто первый обежит, тот и выиграл. Пеппи вмиг справилась с этим заданием, но для Томми и Анники выполнить его оказалось куда труднее. Надо было очень широко расставлять ноги, передвигать табуретки и строить настоящие мосты, чтобы добраться от плиты до шкафчика, от шкафчика до водопроводной раковины и оттуда до стола, а затем, шагнув по двум стульям, перескочить на угловую полку. Между этой полкой и скамейкой было расстояние в несколько метров, но там, к счастью, стояла лошадь, и если суметь взобраться на неё и проползти от хвоста до головы, то можно было, наловчившись, прыгнуть на скамейку.

Так они играли, пока почти самое нарядное платье Анники не превратилось в далеко-далеко-далеко не самое нарядное, а Томми не стал чёрным как трубочист. Дети решили, что пора переменить игру.

– Давайте поднимемся на чердак и вызовем привидение, – предложила Пеппи.

У Анники даже дыхание перехватило от страха:

– Ра-ра-раз-ве там есть оно?

– Ещё бы, – ответила Пеппи. – И не одно. Там просто кишмя кишит разными духами и привидениями. На них натыкаешься на каждом шагу. Пошли туда?

– О! – воскликнула Анника и с упрёком взглянула на Пеппи.

– Мама сказала, что духов и привидений вообще не существует, – с деланой бодростью сказал Томми.

– Возможно, – ответила Пеппи. – Возможно, их нет нигде, потому что все они живут у меня на чердаке... И просить их убратся отсюда бесполезно... Но они не опасны, они только так жутко щиплются, что остаются синяки. И ещё они воют и играют в кегли своими головами.

– И-и-г-ра-а-ают в к-е-е-е-гли свои-ми голо-о-ва-а-ми? – прошептала Анника.

– Ну да, – подтвердила Пеппи. – Ну пошли скорей, поднимемся, поговорим с ними... Я хорошо играю в кегли.

Томми не хотел показать, что он трусит, да и как было бы здорово

увидеть хоть одно привидение своими глазами, а потом рассказать об этом ребятам в школе. Он успокаивал себя тем, что в присутствии Пеппи привидения не посмеют напасть, и согласился идти на чердак. Бедняжка Анника сначала и слышать не хотела о том, чтобы подняться вверх. Но потом ей пришло в голову, что если она останется на кухне, то какое-нибудь захудаленькое привидение может прошмыгнуть к ней. И она решилась. Лучше быть вместе с Пеппи и Томми в окружении тысячи привидений, чем с глазу на глаз с одним, пусть даже самым завалящим.

Пеппи шла впереди, она открыла дверь, ведущую на чердачную лестницу. Там было темно, хоть глаз выколи. Томми судорожно ухватился за Пеппи, а Анника ещё судорожнее за Томми. Каждая ступенька скрипела

и стонала у них под ногами, и Томми уже раздумывал, не повернуть ли назад. Что до Анники, то она была в этом уверена.

Но вот кончилась лестница, и они очутились на чердаке. Здесь было уже не так темно, лунный свет, проникая сквозь слуховое окно, полоской лежал на полу. При каждом дуновении ветра во всех углах что-то вздыхало и ухало.

– Эй, привидения, где вы! – крикнула Пеппи.

Были ли они там или нет, неизвестно, но, во всяком случае, ни одно из них не отозвалось.

– Видно, их сейчас нет дома, – объяснила Пеппи. – Наверно, отправились на собрание в Союз духов и привидений.

Вздых облегчения вырвался у Анники. «Ах, хоть бы это собрание продлилось подольше!» – подумала она.

Но как раз в эту минуту раздался какой-то подозрительный шум в одном из углов чердака:

– Ключ-ю-и-ид!

И Томми увидел, как что-то полетело на него, как это что-то прикоснулось к его лбу и исчезло в слуховом оконце.

– Привидение, привидение! – крикнул он в ужасе.

– Бедняжка, оно опаздывает на собрание. Правда, если это привидение, а не сова, – сказала Пеппи. – И вообще, ребята, знайте: никаких привидений не существует, – добавила она помолчав, – и я щёлкну в нос того, кто станет говорить, что они есть.

– Да ведь ты сама это говорила! – воскликнула Анника.

– Говорила, – согласилась Пеппи. – Значит, придётся себя самой щёлкнуть в нос.

И она дала себе здоровенный щелчок в нос.

После этого Томми и Аннике стало как-то легче на душе. Они настолько осмелели, что решились выглянуть в сад. Большие чёрные тучи быстро бежали по небу, словно чтобы помешать месяцу светить. И деревья скрипели на ветру. Томми и Анника отошли от окна и... о ужас! Они увидели, что на них движется какая-то белая фигура.

– Привидение! – не своим голосом заорал Томми.

Анника так испугалась, что просто лишилась голоса. А белая фигура подходила всё ближе и ближе. Дети обнялись и зажмурились, но тут привидение заговорило:

– Глядите, что я здесь нашла в старом матросском сундучке: папину ночную рубашку. Если её со всех сторон подшить, я смогу её носить. – И Пеппи подошла к ним в рубашке, волочащейся по земле.

– Ой, Пеппи, я могла умереть от испуга, – с дрожью в голосе сказала Анника.

– Пустяки, ночные рубашки не опасны! – успокоила её Пеппи. – Они кусаются только, когда на них нападают.

И Пеппи решила как следует порыться в сундучке. Она придвинула его к окну и распахнула решётчатый ставень. Бледный лунный свет залил сундучок, в котором оказалась целая куча старой морской одежды. Пеппи выложила её на пол. Кроме того, она обнаружила там подзорную трубу, две страницы книги, три пистолета, шпагу и мешок с золотыми монетами.

– Ти-де-ли-пом! Пи-де-ли-дей! – радостно воскликнула Пеппи.

– Как интересно! – прошептал Томми.

Пеппи завернула все свои сокровища в отцовскую ночную рубашку, и дети снова спустились в кухню. Аннике не терпелось уйти с чердака.

– Никогда не разрешайте детям играть с огнестрельным оружием, – сказала Пеппи и взяла в каждую руку по пистолету. – А то может произойти несчастье, – добавила она и нажала на курки.

Грянули два выстрела.

– Здорово бьют! – воскликнула она и подняла глаза.

На потолке зияли две дырочки.

– Как знать, – раздумчиво произнесла она, – быть может, эти пули пробили потолок и угодили в пятки какому-нибудь духу. Быть может, это его проучит и заставит в другой раз сидеть на месте и не пугать невинных маленьких детей. Раз уж духи не существуют, то чего они пугают народ?.. Хотите, я вам подарю по пистолету?

Томми пришёл в восторг от этого предложения, да и Анника была не против иметь пистолет, если только он не будет заряжен.

– Теперь мы можем, если захотим, организовать разбойничью шайку, – сказала Пеппи и поднесла к глазам подзорную трубу. – О-го-го! – закричала она. – Вот это труба! Я смогу разглядеть блоху в Южной Америке! Если у нас будет шайка, труба нам пригодится.

Тут раздался стук в дверь. Это пришёл папа Томми и Анники.

– Уже давно пора ложиться спать, – сказал он.

Томми и Анника поблагодарили Пеппи, попрощались с ней и ушли, унося свои сокровища – дудочку, брошку и пистолеты.

Пеппи проводила своих гостей до террасы и глядела им вслед, пока они не исчезли в темноте сада. Томми и Анника то и дело оглядывались, махали ей. Пеппи стояла, освещённая лунным светом, – рыжая девочка с тугими косичками, торчащими в разные стороны, в огромной, волочащейся по полу отцовской ночной рубашке. В одной руке она держала

пистолет, а в другой подзорную трубу.

Когда Томми, Анника и их папа дошли до калитки, они услышали, что Пеппи что-то кричит им вслед. Они остановились и стали прислушиваться. Ветер гудел в ветвях деревьев, но они разобрали слова:

– Когда я вырасту большая, я буду морской разбойницей... А вы?

Пеппи собирается в путь

Как Пеппи отправляется за покупками

Однажды в весёлый весенний день солнце сияло, птички пели, но лужи ещё не высохли, Томми и Анника прибежали к Пеппи. Томми захватил с собой несколько кусков сахара для лошади, и они постояли с Анникой минутку на террасе, чтобы похлопать лошадь по бокам и скормить ей сахар. Потом они вошли к Пеппи в комнату. Пеппи ещё лежала в постели и спала, как всегда положив ноги на подушку, а голову накрыв одеялом. Анника потянула её за палец и сказала:

– Вставай!

Господин Нильсон уже давно проснулся и, устроившись на абажуре, раскачивался из стороны в сторону. Прошло некоторое время, прежде чем одеяло зашевелилось и из-под него вылезла рыжая всклокоченная голова. Пеппи открыла свои ясные глаза и широко улыбнулась:

– Ах, это вы щиплете мои ноги, а мне снилось, что это мой папа, негритянский король, проверял, не набила ли я себе мозолей.

Пеппи села на край кровати и стала натягивать чулки – один, как мы знаем, был у неё коричневый, другой – чёрный.

– Но какие могут быть мозоли, когда носишь такую прекрасную обувь, – сказала она и засунула ноги в свои огромные чёрные туфли, которые были ровно в два раза больше её ступней.

– Пеппи, что мы сегодня будем делать? – спросил Томми. – У нас

с Анникой сегодня нет занятий в школе.

– Что ж, надо хорошенько подумать, прежде чем принять такое ответственное решение, – заявила Пеппи. – Плясать вокруг рождественской ёлки мы не сможем, потому что мы это уже делали ровно три месяца назад. Кататься по льду нам тоже не удастся, потому что лёд уже давно растаял. Весело было бы, наверное, искать золотые слитки, но где их искать? Чаше всего это делают на Аляске, но там столько золотоискателей, что нам не протолкнуться. Нет, придётся что-нибудь другое придумать.

– Да, конечно, но только что-нибудь интересное, – сказала Анника.

Пеппи заплела волосы в две тугие косички – они смешно торчали в разные стороны – и задумалась.

– Я решила, – сказала она наконец. – Мы сейчас отправимся в город, обойдём все магазины: надо же когда-нибудь заняться покупками.

– Но у нас нет денег, – заметил Томми.

– У меня их куры не клюют, – сказала Пеппи и в подтверждение своих слов подошла к чемодану и открыла его, а чемодан, как вы знаете, был битком набит золотыми монетами.

Пеппи взяла полную горсть монет и высыпала её в карман.

– Я готова, вот только найду сейчас свою шляпу.

Но шляпы нигде не оказалось. Прежде всего Пеппи бросилась в чулан для дров, но, к её крайнему удивлению, шляпы там почему-то не было. Потом заглянула в буфет, в тот ящик, куда кладут хлеб, но там лежали только подвязка и сломанный будильник. В конце концов она всё же открыла картонку для шляп, но ничего там не обнаружила, кроме завалившегося сухаря, сковородки, отвёртки и куска сыра.

– Что за дом! Никакого порядка! Ничего нельзя найти! – ворчала Пеппи. – Но очень удачно, что я обнаружила этот кусок сыра, я давно его ищу.

Пеппи ещё раз обвела глазами комнату и крикнула:

– Эй ты, шляпа, ты что, не хочешь пойти со мной в магазин? Если ты сейчас же не появишься, будет поздно.

Но шляпа не появилась.

– Ну что ж, раз ты такая глупая, пеняй на себя. Но потом, чур, не ныть и не обижаться, что я тебя дома оставила, – сказала Пеппи строгим голосом.

И вскоре на шоссе, которое ведёт в город, выбежали трое ребят – Томми, Анника и Пеппи с Господином Нильсоном на плече. Солнце сияло вовсю, небо было голубое-голубое, и дети весело скакали. Но вдруг они остановились: посреди дороги была огромная лужа.

– Какая отличная лужа! – восхитилась Пеппи и радостно зашлёпала по воде, которая доходила ей до колен. Добравшись до середины, она стала прыгать, и холодные брызги, словно душ, окатили Томми и Аннику. – Я играю в пароход! – крикнула она и закружила по луже, но тут же поскользнулась и плюхнулась в воду. – Вернее, не в пароход, а в подводную лодку, – весело поправила она себя, как только её голова появилась над водой.

– Пеппи, что ты делаешь, – в ужасе воскликнула Анника, – ты же вся мокрая!

– Что же тут плохого? – удивилась Пеппи. – Где это сказано, что дети обязательно должны быть сухими? Я не раз слышала, как взрослые уверяют, будто нет ничего полезнее холодных обтираний. Тем более что детям запрещают лезть в лужи только у нас в стране. Нам лужи почему-то велят обходить! Вот и разберись, что хорошо, а что плохо! А в Америке все дети так и сидят в лужах, там просто нет ни одной свободной лужи: в каждой полным-полно детворы. И так круглый год! Конечно, зимой они замерзают, и тогда детские головки торчат изо льда. А мамы американских ребятишек приносят им туда фруктовый суп и тефтельки, потому что они ведь не могут прибежать домой пообедать. Но уж поверьте, нет здоровее детей на свете – они такие закалённые!

В этот ясный весенний день городок выглядел очень привлекательно – булыжные мостовые на узких кривых улочках сверкали на солнце, а в маленьких палисадничках, которые окружали почти все дома, уже цвели и крокус и подснежник. В городке было много лавок и магазинов, их двери то и дело открывались и закрывались, и каждый раз весело позвякивал колокольчик. Торговля шла бойко: у прилавков толпились женщины с корзинами в руках, они покупали кофе, сахар, мыло и масло. Забегали сюда и дети, чтобы купить себе пряник или пакет жевательной резинки. Но у большинства ребят не было денег, они толпились у заманчивых витрин и только пожирали глазами все прекрасные вещи, которые были там выставлены.

Около полудня, когда солнце светило особенно ярко, Томми, Анника и Пеппи вышли на Большую улицу. С Пеппи всё ещё стекала вода, и всюду, где она ступала, оставался мокрый след.

– Ой, какие мы счастливые! – воскликнула Анника. – Прямо глаза разбегаются, какие витрины, а у нас целый карман золотых монет.

Томми тоже очень обрадовался, когда увидел, какие чудесные вещи они смогут купить, и даже подпрыгнул от удовольствия.

– Я не знаю, хватит ли у нас на всё денег, – заявила Пеппи, – потому что прежде всего я хочу купить себе пианино.

– Пианино? – изумился Томми. – Пеппи, зачем тебе пианино? Ты же не умеешь на нём играть!

– Не знаю, я ведь ещё не пробовала, – сказала Пеппи. – У меня не было пианино, поэтому я не могла попробовать. Уверяю тебя. Томми, нужна большая тренировка, чтобы играть на пианино без пианино.

Но витрины, где были бы выставлены пианино, ребятам что-то не попадались, зато они прошли мимо парфюмерного магазина. Там за

стеклом стояла огромная банка крема – средство от веснушек, – а на банке пестрели крупные буквы: «ВЫ СТРАДАЕТЕ ОТ ВЕСНУШЕК?»

– Что там написано? – спросила Пеппи.

Она не могла прочесть такую длинную надпись, потому что не хотела ходить в школу.

– Там написано: «Вы страдаете от веснушек?» – прочла вслух Анника.

– Что ж, на вежливый вопрос надо ответить вежливо, – задумчиво сказала Пеппи. – Давайте зайдём сюда.

Она распахнула дверь и вошла в магазин в сопровождении Томми и Анники. За прилавком стояла пожилая дама. Пеппи направилась прямо к ней и сказала твёрдо:

– Нет!

– Что тебе надо? – спросила дама.

– Нет! – так же твёрдо повторила Пеппи.

– Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

– Нет, я не страдаю от веснушек, – объяснила Пеппи.

На этот раз дама поняла, но она взглянула на Пеппи и тут же воскликнула:

– Милая девочка, но ты же вся в веснушках!

– Ну да, вот именно, – подтвердила Пеппи. – Но я не страдаю от веснушек. Наоборот, они мне очень нравятся. До свидания!

И она направилась к выходу, но в дверях остановилась и, повернувшись к прилавку, добавила:

– Вот если у вас есть крем, от которого веснушки увеличиваются, можете прислать мне домой семь-восемь банок.

Рядом с парфюмерным магазином находился магазин дамского платья.

– Я вижу, поблизости больше нет интересных магазинов, – сказала Пеппи. – Значит, нам придётся зайти сюда и действовать твёрдо.

И ребята приоткрыли дверь.

Первой заглянула Пеппи, за ней в нерешительности топтались Томми и Анника. Но манекен, одетый в голубое шёлковое платье, притягивал их как магнит. Пеппи тут же подбежала к даме-манекену и сердечно пожала этой даме руку.

– Как я рада, как я рада с вами познакомиться! – всё твердила Пеппи. – Мне ясно, что этот роскошный магазин может принадлежать только самой шикарной даме, как вы. Сердечно, сердечно рада с вами познакомиться, – всё не унималась Пеппи и ещё более энергично трясла руку манекена.

Но – о ужас! – нарядная дама не выдержала столь сердечного рукопожатия, – рука её отломилась и выскользнула из шёлкового рукава.

Томми едва перевёл дух от ужаса, а Анника чуть не заплакала. В то же мгновение к Пеппи подлетел продавец и стал на неё кричать.

– Успокойся, – тихо, но твёрдо сказала Пеппи, когда ей наконец надоело слушать его ругань. – Я думала, это магазин самообслуживания. Я хочу купить эту руку.

Такой дерзкий ответ ещё больше разозлил продавца, и он заявил, что манекен не продаётся, но даже если бы и продавался, то всё равно купить отдельно руку нельзя и теперь ей придётся заплатить за весь манекен,

потому что она его сломала.

– Очень странно! – удивилась Пеппи. – Счастье ещё, что не во всех магазинах так торгуют. Представьте себе, что я пойду в лавку, чтобы купить кусок мяса и сделать к обеду жаркое, а мясник заявит, что продает только целого быка!

И тут Пеппи небрежным жестом вынула из кармана фартука две золотые монеты и положила их на прилавок. Продавец застыл от изумления.

– Твоя кукла стоит дороже? – спросила Пеппи.

– Нет, конечно нет, она стоит гораздо дешевле, – ответил продавец и вежливо поклонился.

– Сдачу оставь себе, купи на неё конфеты своим детям, – сказала Пеппи и направилась к выходу.

Продавец провожал её до самых дверей и всё кланялся, а потом спросил, по какому адресу послать манекен.

– Мне не нужна вся кукла, а только эта рука, и её я унесу с собой, – ответила Пеппи. – Разбери куклу по частям и раздай бедным. Привет!

– Зачем тебе эта рука? – удивился Томми, когда они вышли на улицу.

– Как ты только можешь меня об этом спрашивать! – возмутилась Пеппи. – Разве у людей не бывает вставных зубов, деревянных ног, париков? И даже носы бывают из картона. Почему же я не могу позволить себе роскошь завести искусственную руку? Уверяю тебя, иметь три руки очень удобно. Когда мы с папой ещё плавали по морям, то как-то попали в страну, где у всех людей было по три руки. Здорово, правда?! Представляешь себе, сидишь во время обеда за столом, в одной руке вилка, в другой – нож, а тут как раз захочется поковырять в носу или почесать себе ухо. Нет, ничего не скажешь, не глупо придумано иметь три руки.

Вдруг Пеппи умолкла, а минуту спустя сокрушённо сказала:

– Просто странно – враньё так и кипит во мне, рвётся наружу, и я не в силах его сдержать. Честно говоря, вовсе не у всех людей в той стране три руки. У большинства только две.

Она опять умолкла, будто вспоминая, потом продолжила:

– А уж если говорить всю правду, то у большинства там только одна рука. Нет, не буду больше врать, скажу всё как есть: у большинства людей в той стране вообще нет рук, и, когда им хочется есть, они ложатся на стол и лакают из тарелок суп, а потом откусывают по кусочку от жаркого. На столе лежит буханка хлеба, и от неё тоже все кусают, кто сколько может. Чесать себя они тоже не могут и вынуждены всякий раз просить своих мам почесать им уши – вот как там обстоит дело, уж если говорить честно.

Пеппи сокрушённо покачала головой.

– Нигде я не видела так мало рук, как в той стране, это уж точно. Какая же я врунья, даже подумать страшно! Всегда я что-нибудь сочиню, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы выделиться; вот и придумала всю эту небылицу про народ, у которого больше рук, чем у других, когда на самом деле у него вообще нет рук.

Пеппи и её друзья двинулись дальше по Большой улице; под мышкой у Пеппи торчала рука из папье-маше. Дети остановились у витрины кондитерской. Там уже собралась целая толпа ребят, все только слюнки глотали, с восхищением глядя на сласти, выставленные за стеклом: большие банки с красными, синими и зелёными леденцами, длинные ряды шоколадных тортов, горы жевательной резинки и самое соблазнительное – коробки с засахаренными орехами. Малыши, не в силах оторвать глаз от этого великолепия, время от времени тяжело вздыхали: ведь у них не было ни единого эре.

– Пеппи, давай зайдём сюда, – предложила Анника и нетерпеливо потянула Пеппи за платье.

– Да, мы сюда обязательно зайдём, – заявила Пеппи очень решительно. – Ну, смелей, вперёд, за мной!

И дети переступили порог кондитерской.

– Дайте мне, пожалуйста, сто кило леденцов, – сказала Пеппи и вынула из фартука золотую монету.

Продавщица рот открыла от изумления. Она никогда ещё не видела покупателей, которые брали бы такое количество леденцов.

– Девочка, ты, наверное, хочешь сказать, что тебе надо сто леденцов? – спросила она.

– Я хочу сказать то, что сказала: дайте мне, пожалуйста, сто кило леденцов, – повторила Пеппи и положила на прилавок золотую монету.

И продавщица стала пересыпать леденцы из банок в большие мешки. Томми и Анника стояли рядом и пальцем показывали, из каких банок их сыпать. Оказалось, что не только самые красивые, но и самые вкусные – красные. Если долго сосать такой леденец, то под конец он становится особенно вкусным. Но зелёные, как они убедились, были тоже совсем недурными. А карамельки и тянучки имели свою прелесть.

– Возьмём ещё по три кило карамелек и тянучек, – предложила Анника.

Так они и сделали.

В конце концов в лавке не хватило мешков, чтобы упаковать их покупки. К счастью, в писчебумажном магазине продавались огромные

бумажные пакеты.

– Вот достать бы мне тачку, чтобы всё это увезти.

Продавщица сказала, что тачку можно купить напротив в игрушечном магазине.

Тем временем перед кондитерской собралось ещё больше ребят; они видели через стекло, как Пеппи покупает сласти, и чуть не упали в обморок от волнения. Пеппи сбегала в магазин напротив, купила большую игрушечную тачку и погрузила на неё все свои мешки. Выкатив тачку на улицу, она крикнула толпившимся у витрины ребятам:

– Кто из вас не ест конфет, выходите вперёд!

Никто почему-то не вышел.

– Странно! – воскликнула Пеппи. – Ну что ж, пусть теперь выйдут вперёд те, кто ест конфеты.

Все дети, застывшие в немом восхищении у витрины, сделали шаг вперёд. Их оказалось двадцать три.

– Томми, открой, пожалуйста, мешки, – скомандовала Пеппи.

Томми не заставил себя дважды просить. И тут начался такой конфетный пир, которого ещё никогда не было в этом маленьком городке. Дети набивали себе рот леденцами – красными, зелёными, такими кисленькими и освежающими, – и карамельками с малиновой начинкой, и тянучками. По всем улицам, выходящим на Большую, бежали дети, и Пеппи едва поспевала раздавать горстями конфеты.

– Нам, пожалуй, придётся пополнить запасы, – сказала она, – а то ничего не останется на завтра.

Пеппи купила ещё двадцать кило конфет, и всё же на завтра почти ничего не осталось.

– А теперь все за мной, у нас есть дела напротив! – скомандовала Пеппи и, перебежав через улицу, смело вошла в игрушечный магазин.

Дети двинулись за ней. В игрушечном магазине оказалось столько интересного, что у всех разбежались глаза: заводные поезда и машины разных моделей, маленькие и большие куклы в чудесных нарядах, игрушечная посуда и пистолеты с пистонами, оловянные солдатики, плюшевые собаки, слоны, книжные закладки и марионетки.

– Что вам угодно? – спросила продавщица.

– Всё... Нам угодно, – повторила Пеппи и окинула любопытным взглядом полки. – Мы все страдаем от острой нехватки пистолетов с пистонами и отсутствия марионеток. Но я надеюсь, вы нам поможете.

И Пеппи вынула из кармана полную горсть золотых монет.

И тогда каждый из ребят получил право выбрать себе ту игрушку,

о которой давно мечтал. Анника взяла себе великолепную куклу с золотыми локонами, одетую в нежно-розовое шёлковое платье; а когда ей нажимали на живот, она говорила «мама». Томми давно хотелось иметь духовое ружьё и паровую машину. И он получил и то и другое. Все остальные ребята тоже выбрали кто что хотел, и, когда Пеппи закончила свои покупки, в магазине почти не оставалось игрушек: одиноко лежали на полке несколько книжных закладок и пять-шесть «Конструкторов». Себе Пеппи ничего не купила, а Господин Нильсон получил зеркальце. Перед тем как уйти, Пеппи купила ещё всем по дудке, и, когда дети вышли на улицу, каждый дул в свою дудку, а Пеппи отбивала такт рукой манекена.

Какой-то малыш пожаловался Пеппи, что его дудка не дудит.

– Тут нечему удивляться, – сказала она, осмотрев дудку, – ведь дырочка, в которую надо дуть, залеплена жевательной резинкой! Где ты достал эту драгоценность? – спросила Пеппи и выковыряла из дудки белый комочек. – Ведь я её не покупала.

– Я жую её с пятницы, – прошептал мальчик.

– Честное слово? А вдруг она прирастёт к твоему языку? Учти, у всех жевальщиков она куда-нибудь прирастает. На, держи!

Пеппи протянула мальчику дудку, и он задудел так же звонко, как и все ребята.

На Большой улице царило неопишное веселье. Но тут вдруг появился полицейский.

– Что здесь происходит? – крикнул он.

– Парад гвардейцев, – ответила Пеппи, – но вот беда: не все присутствующие понимают, что они участники парада, и поэтому дудят кто во что горазд.

– Немедленно прекратить! – завопил полицейский и зажал уши руками.

– Скажи лучше спасибо, что мы не купили тромбона.

И Пеппи дружески похлопала его по спине рукой манекена.

Один за другим ребята перестали дудеть. Последней замолкла дудка Томми. Полицейский потребовал, чтобы дети немедленно разошлись – он не мог допустить такого скопления народа на Большой улице. Собственно говоря, дети ничего не имели против того, чтобы отправиться домой: им хотелось поскорее пустить по рельсам игрушечные поезда, поиграть с заводными машинами и выкупать новых кукол. Они разошлись весёлые и довольные, и никто из них в этот вечер не ужинал.

Пеппи, Томми и Анника тоже направились домой. Пеппи толкала перед собой тачку. Она глядела на все вывески, мимо которых они проходили, и даже читала их по слогам.

– Ап-те-ка – это, кажется, та лавка, где покупают лукарства? – спросила она.

– Да, здесь покупают лекарства, – поправила её Анника.

– О, тогда нам надо сюда зайти, мне необходимо купить лукарств, да побольше, – сказала Пеппи.

– Да ведь ты здорова, – возразил Томми.

– Что с того, что здорова, а может, я ещё заболею, – ответила Пеппи. – Так много людей болеют и умирают только потому, что вовремя не покупают лукарства. И нигде не сказано, что завтра я не свалюсь от самой тяжёлой болезни.

Аптекарь стоял у весов и развешивал какие-то порошки. Как раз в ту минуту, когда вошли Пеппи, Томми и Анника, он решил, что пора кончать

работу, потому что близился час ужина.

– Дайте мне, пожалуйста, четыре литра лукарства, – сказала Пеппи.

– Какое лекарство тебе надо? – нетерпеливо спросил аптекарь, досадуя, что его задерживают.

– Как какое? Такое, которое лечит от болезней, – ответила Пеппи.

– От каких болезней? – ещё более нетерпеливо спросил аптекарь.

– От всех болезней – от коклюша, от вывихнутой ноги, от резей в желудке, от тошноты. Пусть это будут пилюли, но чтобы ими можно и нос мазать. Хорошо бы ещё, чтобы они годились бы и мебель полировать. Мне нужно самое лучшее лукарство на свете.

Аптекарь сердито сказал, что такого удобного лекарства не существует и что для каждой болезни есть своё особое лекарство. Когда Пеппи назвала ещё десяток болезней, которые ей надо лечить, он выставил перед ней целую батарею пузырьков, бутылочек и коробочек. На некоторых он написал: «Наружное», – и объяснил, что этим можно только мазать кожу. Пеппи заплатила, забрала свой пакет, поблагодарила и вышла вместе с Томми и Анникой.

Аптекарь взглянул на часы и с радостью убедился, что уже давно пришло время закрывать аптеку. Он запер двери на замок и собрался идти ужинать.

Выйдя на улицу, Пеппи оглядела все лекарства.

– Ой, ой, я забыла самое главное! – воскликнула она.

Но аптека оказалась уже запертой, поэтому Пеппи просунула палец в кольцо всячего звонка и долго-долго звонила. Томми и Анника слышали, какой трезвон поднялся в аптеке. Минуту спустя в двери открылось окошечко – через это окошечко подавали лекарство, если кто-нибудь вдруг заболел посреди ночи, – и аптекарь высунул в него голову. Увидев детей, он весь покраснел от гнева.

– Что тебе ещё надо? – уже совсем сердито спросил он у Пеппи.

– Прости меня, милый аптекарь, – сказала Пеппи, – но ты так хорошо разбираешься во всех болезнях, что я подумала, ты, наверное, сможешь мне сказать, что нужно делать, когда болит живот: жевать горячую тряпку или лить на себя холодную воду?

Аптекарь был уже не просто красным, а пунцовым – казалось, вот-вот его хватит удар.

– Убирайся вон! – заорал он не своим голосом. – Немедленно убирайся, а не то!..

И он захлопнул окошко.

– Что это он такой сердитый? – удивилась Пеппи. – Разве я сделала

что-нибудь плохое?

И Пеппи ещё энергичнее затрезвонила. Не прошло и секунды, как аптекарь снова высунул голову в окошечко. Цвет его лица внушал ещё более серьёзные опасения.

– Я вот думаю, что всё же лучше жевать горячую тряпку – это средство помогает безотказно, я много раз проверяла... – начала Пеппи и поглядела ласково на аптекаря, который, не в силах вымолвить ни слова, гневно захлопнул окошечко. – И говорить со мной не хочет, – сокрушённо заметила Пеппи и пожала плечами. – Что ж, придётся самой испробовать оба способа. Вот заболит живот, пожую горячую тряпку и погляжу, поможет ли на этот раз или нет.

Она села на ступеньки у двери аптеки и выстроила в ряд все свои склянки.

– Какие взрослые чудные! – вздохнула она. – Вот у меня – постойте, сейчас сосчитаю, – вот у меня тут восемь пузырьков, и в каждом налито чуть-чуть. А ведь всё это легко уместилось бы в одной бутылочке. Сказано – сделано. «Сейчас лукарство мы возьмём, в одну бутылочку сольём», – запела Пеппи, откупорила подряд все восемь пузырьков и слила все в один.

Потом она энергично взболтала смесь и недолго думая сделала несколько больших глотков. Анника, которая заметила, что на некоторых пузырьках наклеена бумажка с надписью «Наружное», не на шутку испугалась.

– Пеппи, откуда ты знаешь, что это не яд?

– Сейчас ещё не знаю, но скоро узнаю, – весело ответила Пеппи. – Завтра мне будет совершенно ясно. Если я до утра не умру, значит, моя смесь не ядовита и все дети могут её пить.

Томми и Анника задумались. Наконец Томми сказал неуверенным, упавшим голосом:

– А что, если эта смесь всё же окажется ядовитой?

– Тогда вы остатком будете полировать мебель, – ответила Пеппи. – Так что даже если моя смесь окажется ядовитой, мы всё равно не зря покупали эти лукарства.

Пеппи положила бутылочку в тачку. Там уже лежала рука от манекена, духовое ружьё и игрушечная паровая машина Томми, кукла Анники и огромный мешок, на дне которого перекатывались пять маленьких красных леденцов. Это всё, что осталось от тех ста кило, которые купила Пеппи. Господин Нильсон тоже сидел на тачке, он устал и хотел прокатиться.

– А знаете, что я вам скажу? – заявила вдруг Пеппи. – Я уверена, что это очень хорошее лукарство, потому что я чувствую себя куда бодрее, чем раньше. Будь я кошкой, я бы высоко задрала хвост, – заключила Пеппи и побежала, толкая перед собой тачку.

Томми и Анника едва поспевали за ней, тем более что у них болел – правда, совсем чуть-чуть, – но всё же болел живот.

Как Пеппи пишет письмо и идёт в школу

– А сегодня, – сказал Томми, – мы с Анникой писали письмо бабушке.

– Ну да, – сказала Пеппи, помешивая что-то в кастрюле ручкой от зонтика. – А я готовлю замечательное блюдо, – и сунула нос в кастрюлю, чтобы понюхать. – «Варить час, всё время энергично помешивая, посыпая имбирём, и тут же подавать на стол». Так ты говоришь, что вы написали письмо бабушке?

– Ага, – подтвердил Томми, который сидел на сундуке и болтал ногами. – И скоро мы, наверное, получим от бабушки ответ.

– А вот я никогда не получаю писем, – грустно сказала Пеппи.

– Чему тут удивляться, – сказала Анника, – ведь ты и сама тоже никому никогда не пишешь.

– А не пишешь ты потому, – подхватил Томми, – что не хочешь ходить в школу. Нельзя научиться писать, если не ходишь в школу.

– Ничего подобного, я умею писать, – сказала Пеппи. – Я знаю жутко много букв. Фридольф – один из матросов, который плавал на папином корабле, – научил меня буквам. А если мне не хватит букв, то ведь есть ещё и цифры. Нет, я прекрасно могу писать, но вот только не знаю о чём. Что пишут в письмах?

– Кто что, – важно ответил Томми. – Я, например, сперва спросил

бабушку, как она себя чувствует, и написал, что я чувствую себя хорошо, потом я написал, какая у нас погода. А потом – что убил в нашем погребе крысу.

Пеппи помрачнела и задумалась.

– Как обидно, что я никогда не получаю писем. Все ребята, все-все получают письма, а я – нет. Так больше продолжаться не может! Раз у меня нет бабушки, которая писала бы мне письма, придётся сделать это самой. И немедленно.

Она открыла дверцу печи и заглянула в топку.

– Тут у меня должен лежать карандаш, если не ошибаюсь.

В печке и в самом деле лежал карандаш. Потом она оттуда же вытащила большой лист бумаги и уселась за кухонный стол. Пеппи наморщила лоб, и вид у неё стал очень озабоченный.

– Теперь не мешайте, – сказала она, – я думаю!

Томми и Анника решили тем временем поиграть с Господином Нильсоном. Они стали одевать его и раздевать. Анника даже попыталась уложить его на зелёную кукольную кроватку, в которой он обычно спал по ночам: Томми будет доктором, а Господин Нильсон – больным ребёнком. Но обезьянка вскочила с постели и в два прыжка очутилась на лампе, зацепившись за неё хвостом. Пеппи оторвала глаза от письма.

– Глупый Господин Нильсон, – сказала она, – никогда ещё ни один больной ребёнок не висел вниз головой, зацепившись хвостом за лампу. Во всяком случае, не у нас в Швеции. А вот в Южной Африке, я слыхала, так лечат детей. Как только у малышей поднимается температура, их подвешивают вниз головой к лампам, и они преспокойно себе раскачиваются, пока не поправятся. Но мы ведь не в Южной Африке.

В конце концов Томми и Аннике пришлось оставить Господина Нильсона в покое, и тогда они решили заняться лошадью: уже давно было пора её как следует почистить скребницей. Лошадь очень обрадовалась, когда увидела, что дети вышли к ней, на террасу. Она тут же обнюхала их руки, чтобы выяснить, не принесли ли они сахара. Сахара у ребят не оказалось, но Анника тут же сбегала на кухню и вынесла оттуда два куса рафинада.

А Пеппи всё писала и писала. Наконец письмо было готово. Только вот конверта не нашлось, но Томми не ленился принести ей конверт из дому. Марку он тоже принёс. Пеппи написала на конверте своё полное имя и фамилию: «Фрёкен Пеппилотта Длинныйчулок, вилла «Курица».

- А что написано в твоём письме? – спросила Анника.
- Откуда я знаю, – ответила Пеппи, – я ведь его ещё не получила.
- И тут как раз мимо дома прошёл почтальон.
- Бывают же такие удачи, – сказала Пеппи, – встречаешь почтальона как раз в ту минуту, когда тебе необходимо получить письмо.
- Она выбежала ему навстречу.
- Будь добр, отнеси это письмо Пеппи Длинныйчулок, – сказала она. – Это очень срочно.
- Почтальон взглянул сперва на письмо, потом на Пеппи.
- Разве ты не Пеппи Длинныйчулок? – удивился он.
- Конечно, я. А кем же мне ещё быть? Уж не царицей ли абиссинской?
- Но почему же ты тогда сама не возьмёшь себе это письмо? – спросил

почтальон.

– Почему я не возьму себе это письмо сама? – переспросила Пеппи. – Что же, по-твоему, теперь я должна сама доставлять себе письма? Нет, это уж слишком. Каждый сам себе почтальон. А зачем же тогда бывают почты? Тогда уж проще их тут же все закрыть. В жизни я ещё не слышала ничего подобного! Нет, дорогой, если ты так будешь относиться к своей работе, то никогда не станешь почтмейстером, это я тебе точно говорю.

Почтальон решил, что лучше с ней не связываться и сделать то, о чём она его просила. Он подошёл к почтовому ящику, который висел рядом с калиткой, и опустил в него письмо. Не успело письмо упасть на дно ящика, как Пеппи с невероятной поспешностью его вытащила.

– Ой, я просто умираю от любопытства, – сказала она, обращаясь к Томми и Аннике. – Подумать только, я получила письмо!

Все трое ребят устроились на ступеньках террасы, и Пеппи распечатала конверт. Томми и Анника читали через её плечо. На большом листе было написано:

ЖДРАСТВУЙ ПЕППИ
ПЕШУ-СПЕШУ А5
ТЫ НАДЕЮСЬ НЕ БОЛЬНА И Р СДОРОВА КАК КОРОВА
КАК ПОЖИВАЕТ ТВАЯ 7Я
СВЕТИТ

ВЧЕРА-УРА ВИДЕЛА ТОММИ
ПЕШИ ОТВЕТ АТ ПЕППИ
ПРИВЕТ

– Вот, – с торжеством сказала Пеппи, – в моём письме написано то же самое, что ты писал своей бабушке, Томми. Значит, это настоящее письмо. Я запомню каждое слово на всю жизнь.

Пеппи аккуратно сложила письмо, снова засунула его в конверт, а конверт положила в один из бесчисленных ящичков старого большого секретера, который стоял у неё в гостиной.

Одним из самых интересных занятий на свете было, по мнению Томми и Анники, рассматривать сокровища, которые Пеппи хранила в этих ящичках. Время от времени Пеппи дарила своим друзьям что-нибудь из этих бесценных вещей, но запас их, видно, никогда не иссякал.

– Во всяком случае, – сказал Томми, когда Пеппи спрятала письмо, – ты сделала там дикое количество ошибок.

– Да, ты должна пойти в школу и научиться получше писать, – поддержала Анника брата.

– Нет уж, благодарю покорно, – ответила Пеппи, – я как-то провела целый день в школе. И за этот день в меня впихнули столько знаний, что я до сих пор не могу прийти в себя.

– А у нас через несколько дней будет экскурсия, – сказала Анника, –

пойдёт весь класс.

– Вот ужас-то, – воскликнула Пеппи и от огорчения укусила себя за косу, – просто ужас! И я не могу пойти с вами на экскурсию только потому, что не хожу в школу? Разве это справедливо? Люди думают, что можно обижать человека только за то, что он не ходит в школу, не знает таблицы умножения.

– Умножения, – поправила Анника.

– А я говорю – помножения.

– Мы пройдем пешком целую милю^[3]. Прямо по лесу, а потом будем играть на полянке, – сказал Томми.

– Просто ужас! – повторила Пеппи.

На следующий день погода была такая тёплая и солнце светило так ярко, что всем детям в этом городке было очень трудно усидеть за партами. Учительница широко распахнула все окна, и свежий весенний воздух ворвался в класс. Перед школой росла большая берёза, а на её верхушке сидел скворец и пел до того весело, что и Томми, и Анника, и все ребята слушали только его пение и совсем забыли, что $9 \times 9 = 81$.

Вдруг Томми прямо подскочил на месте от изумления.

– Глядите, фрёкен! – воскликнул он и показал на окно. – Там Пеппи.

Взгляды всех тут же устремились туда, куда показал Томми. И в самом деле, высоко на берёзе сидела Пеппи. Она оказалась почти у самого окна, потому что ветви берёзы упирались в наличники.

– Привет, фрёкен! – крикнула она. – Привет, ребята!

– Добрый день, милая Пеппи, – ответила фрёкен. – Тебе что-нибудь надо, Пеппи?

– Да, я хотела попросить, чтобы ты мне кинула в окно немного помножения, – ответила Пеппи. – Совсем чуть-чуть, только чтобы пойти с твоим классом на экскурсию. А если вы нашли какие-нибудь новые буквы, то кинь их мне тоже.

– Может, ты на минутку зайдёшь к нам в класс? – спросила учительница.

– Нет уж, дудки! – твёрдо сказала Пеппи и уселась поудобнее на суку, прислонившись спиной к стволу. – В классе у меня кружится голова. Воздух у вас так загустел от учёности, что его можно резать ножом. Слушай, фрёкен, – в голосе Пеппи зазвучала надежда, – может, немного этого учёного воздуха улетит в окно и попадёт в меня? Ровно столько, сколько надо, чтобы ты мне разрешила пойти вместе с вами на экскурсию?

– Вполне возможно, – сказала фрёкен и продолжала урок арифметики.

Детям было очень интересно глядеть на Пеппи, сидящую на берёзе. Ведь все они получили от неё конфеты и игрушки в тот день, когда она ходила по магазинам. Пеппи, конечно, как всегда взяла с собой Господина Нильсона, и ребята умирали со смеху, глядя, как он прыгал с ветки на ветку. В конце концов обезьяне надоело скакать по берёзе, и она сиганула на подоконник, а оттуда одним прыжком взвилась на голову Томми и начала тербить его за волосы. Но тут учительница сказала Томми, чтобы он снял обезьяну с головы, потому что Томми как раз надо было разделить 315 на 7, а это невозможно сделать, если у тебя на голове сидит обезьяна и тербит тебя за волосы. Во всяком случае, уроку это мешает. Весеннее солнце, скворец, а тут ещё Пеппи с Господином Нильсоном – нет, это уж чересчур...

– Вы что-то совсем поглупели, ребята, – сказала учительница.

– Знаешь что, фрёкен? – крикнула Пеппи со своего дерева. – Честно говоря, сегодняшний день совершенно не подходит для помножения.

– А мы проходим деление, – сказала фрёкен.

– В такой день, как сегодня, вообще нельзя заниматься никаким «еньем», разве что «веселеньем».

– А ты можешь мне объяснить, – спросила учительница, – что это за предмет «веселенье»?

– Ну, я не так уж сильна в «веселенье», – смущённо ответила Пеппи и, зацепившись ногами за сук, повисла вниз головой, так что её рыжие косички почти касались травы. – Но я знаю одну школу, где ничем, кроме «веселенья», не занимаются. Там так и написано в расписании: «Все шесть уроков – уроки веселенья».

– Ясно, – сказала учительница. – А где находится эта школа?

– В Австралии, – ответила Пеппи не задумываясь, – в посёлке у железнодорожной станции. На юге.

Она снова села на ветку, и глаза её заблестели.

– Что же бывает на уроках «веселенья»? – поинтересовалась учительница.

– Когда что, – ответила Пеппи, – но чаще всего урок начинается с того, что все ребята выпрыгивают через окно во двор. Потом они с дикими воплями снова врываются в школу и скачут по партам, пока не выбиваются из сил.

– А что говорит учительница? – снова поинтересовалась фрёкен.

– Ничего не говорит, она тоже прыгает вместе со всеми, но только хуже остальных. Когда нет больше сил прыгать, ребята начинают драться, а учительница стоит рядом и их подбадривает. В дождливую погоду все дети раздеваются и выбегают во двор – они скачут и танцуют под дождём, а учительница играет на рояле марш, чтобы они скакали в такт. Многие даже становятся под водосточную трубу, чтобы принять настоящий душ.

– Интересно, – сказала учительница.

– Знаете, как интересно! – подхватила Пеппи. – Это такая замечательная школа, одна из лучших в Австралии. Но это очень далеко отсюда.

– Догадываюсь, – сказала учительница. – Во всяком случае, в нашей школе тебе так весело никогда не будет.

– В этом-то вся беда, – сокрушённо сказала Пеппи. – Если бы я могла надеяться, что мы будем бегать по партам, я бы, пожалуй, решилась и зашла бы на минутку в класс.

– Ты ещё успеешь набегаться, когда пойдёшь на экскурсию, – сказала учительница.

– Ой, а вы меня правда возьмёте? – воскликнула Пеппи и на радостях перекувырнулась на суку. – Я обязательно напишу об этом в ту школу,

в Австралию. Пусть они не хвелятся своим «веселеньем», экскурсия – это всё равно куда интереснее.

Как Пеппи участвует в школьной экскурсии

По дороге все ужасно шумели – гроыхали башмаками, смеялись, болтали без умолку. Томми тащил рюкзак, Анника была в новом ситцевом платье. Вместе с ними шагали учительница и все ребята из класса, кроме одного мальчика, у которого заболело горло как раз в тот день, когда надо было отправляться на экскурсию. А впереди всех, верхом на лошади, скакала Пеппи. На спине у неё примостился Господин Нильсон, в руке он сжимал маленькое зеркальце и всё время пускал солнечных зайчиков. Как он обрадовался, когда ему удалось направить зайчика прямо в глаза Томми!

Анника была твёрдо уверена, что сегодня непременно пойдёт дождь. Она ни капельки в этом не сомневалась и заранее злилась. Но, представьте себе, Анника ошиблась, им повезло – солнце сияло вовсю. Сердце у Анники так и прыгало от радости, когда она шагала по дороге в своём

новеньком с иголочки платице. И остальные дети радовались не меньше её. По обочинам рос щавель и желтели целые поля одуванчиков. Ребята решили, что на обратном пути каждый нарвёт по пучку щавеля и по большому букету одуванчиков.

– Прекрасный, прекрасный, прекрасный день! – пропела Анника и даже вздохнула, поглядев на Пеппи, которая, словно генерал, сидела на лошади, высоко подняв голову.

– Да, так хорошо мне не было с тех пор, как я сражалась с боксёрами-неграми в Сан-Франциско, – сказала Пеппи. – Хочешь прокатиться?

Анника, конечно, хотела, и Пеппи посадила её перед собой. Но тогда все ребята тоже захотели прокатиться верхом. И они стали кататься, строго соблюдая порядок. Правда, Анника и Томми всё же сидели на лошади немножко дольше остальных. Потом, когда одна девочка стёрла себе ногу, Пеппи посадила её перед собой, и она уже до конца экскурсии не слезала с лошади, а Господин Нильсон держал её за косу.

Лес, куда они шли, назывался Чудесный лес, потому что там на самом деле было чудесно. Когда они почти добрались до места, Пеппи вдруг спрыгнула с седла, похлопала лошадь по бокам и сказала:

– Ты так долго нас всех везла и, наверно, устала. Не может быть такого порядка, что одни всё время везут, а другие всё время едут.

И она подняла лошадь своими сильными руками и понесла её на небольшой лужок в лесу, где учительница велела всем остановиться.

– Пусть в этом Чудесном лесу начнутся какие-нибудь чудеса, – воскликнула Пеппи, оглядевшись вокруг, – и мы посмотрим, какое из них самое чудесное.

Но учительница объяснила ей, что в лесу никаких чудес не будет. Пеппи была очень разочарована.

– Чудесный лес без чудес! – воскликнула она. – Какая чепуха! Это всё равно, что рождественская ёлка без Рождества или пожарная машина без пожара. Глупость, да и только! А скоро ещё выдумают кондитерские магазины без пирожных и конфет. Но уж этого-то я не допущу. Что ж, если здесь чудес ждать не приходится – придётся нам самим делать чудеса.

И Пеппи издала такой оглушительный крик, что учительница заткнула уши, а несколько девочек не на шутку испугались.

– Давайте играть в чудовище! – крикнул Томми и от радости захлопал в ладоши. – Пеппи будет чудовищем!

Все нашли, что это прекрасная мысль. «Чудовище» тут же спряталось в пещере, потому что чудовища живут в пещерах, а ребята прыгали вокруг и дразнили его:

– Чудовище, разозлись! Чудовище, покажись!

И тогда «чудовище» вылезало из своей пещеры и гналось за ребятами, которые разбегались во все стороны. Тех, кого «чудовище» ловило, оно уводило в пещеру, чтобы сварить себе на обед. Но когда «чудовище» снова принималось охотиться, пленники удирали и взбирались на огромные валуны, хотя это было и нелегко, ведь держаться приходилось за маленькие уступы, и всякий раз казалось, что некуда поставить ногу. Удирать так было немного страшно, но все считали, что никогда ещё они так интересно не играли. А учительница тем временем лежала на траве, читала книгу и только изредка поглядывала на ребят.

– В жизни ещё не видела такого дикого чудовища, – сказала она сама себе.

И наверное, она была права. «Чудовище» прыгало и скакало и, схватив всякий раз не меньше трёх-четырёх ребят, взваливало их себе на спину и тащило в пещеру. А иногда оно с дикими воплями взбиралось на высоченную сосну и прыгало там с ветки на ветку, словно обезьяна; потом вдруг оно вскакивало на лошадь и гналось за стайкой ребят, которые пытались укрыться за деревьями; лошадь скакала галопом, «чудовище» наклонялось, на скаку хватало детей, сажало их перед собой и мчалось с быстротой ветра назад к пещере с криком:

– Сейчас я сварю из вас обед!

Всё это было так увлекательно и весело, что дети ни за что не хотели кончать игру. Но вдруг воцарилась тишина, и, когда Томми и Анника подбежали, чтобы посмотреть, в чём дело, они увидели, что «чудовище» сидит на камне и печально рассматривает что-то лежащее у него на руках.

– Глядите, он умер, совсем умер, – пробормотало «чудовище».

На ладони «чудовища» лежал мёртвый птенчик. Видно, он выпал из гнезда и разбился насмерть.

– Ой, как жалко! – воскликнула Анника.

«Чудовище» кивнуло.

– Не плачь, Пеппи, – сказал Томми.

– Я плачу? Да ты что, рехнулся? – возмутилась Пеппи. – Я никогда не плачу.

– А глаза у тебя красные, – не унимался Томми.

– Красные? – задумчиво сказала Пеппи и взяла у Господина Нильсона зеркальце. – Да разве это красные?! Сразу видно, что ты не был в Батавии. Там живёт один старик с такими красными глазами, что полиция запрещает ему выходить на улицу.

– Почему? – удивился Томми.

– Потому что когда он выходит на перекрёсток, всё движение останавливается, его принимают за светофор. А ты говоришь, у меня красные глаза. Нет, как ты мог подумать, что я плачу из-за какого-то птенца!

– Чудовище, разозлись, чудовище, покажись! – вопили ребята, удивлённые тем, что «чудовище» так долго не показывается.

«Чудовище» осторожно взяло птенчика и положило на мох.

– Как бы я хотела тебя оживить, – сказала «чудовище» и горько вздохнуло, а потом, издав дикий рёв, кинулось догонять ребят. – Вот сейчас я вас поймаю и сварю из вас обед! – кричало «чудовище».

А ребята, визжа от восторга, кинулись в кусты.

В этом классе была одна девочка, звали её Ёлла, которая жила совсем близко от этого леса. Мама Ёллы разрешила ей пригласить к себе после прогулки учительницу, и всех ребят, и Пеппи, конечно, тоже. Она приготовила для всех в саду фруктовый сок и холодный компот. Когда дети вдоволь наигрались в «чудовище», когда им надоело пускать лодочки из коры в больших лужах и прыгать с высоких валунов, Ёлла решила, что пора вести всех к себе, чтобы там отдохнуть и выпить сока и холодного компота. Учительница тоже успела прочесть свою книгу и считала, что настало время идти к Ёлле. Она собрала ребят, и все вышли из лесу.

На дороге им повстречалась лошадь, запряжённая в телегу с мешками, уложенными в несколько рядов. Мешки, видно, были очень тяжёлые, а лошадь была старая и измученная. И тут, как на грех, колесо угодило в выбоину. Возница, которого звали Блёмстерлунд, страшно разозлился. Он считал, что во всём виновата лошадь, схватил кнут и стал со всего маху стегать её по спине. Лошадь рванулась, напряглась. Видно было, что она из последних сил пытается вытянуть телегу, но безуспешно. Блёмстерлунд ярился всё больше и больше и хлестал всё сильнее и сильнее. Когда учительница это увидела, она вышла из себя от негодования и жалости.

– Не смей бить это бедное животное! – крикнула она Блёмстерлунду.

Блёмстерлунд так удивился, что кнут на секунду застыл у него в руках. Потом он сплюнул и сказал:

– А ты не суй нос, куда не просят. А то, чего доброго, я и тебя протяну этим кнутом.

Он снова сплюнул и пуще прежнего принялся хлестать лошадь. Несчастное животное дрожало мелкой дрожью. Вдруг от группы детей отделилась маленькая фигурка. Это была, конечно, Пеппи. Нос у неё побелел – верный признак того, что она очень сердится, Томми и Анника это отлично знали. Она бросилась прямо на Блёмстерлунда, обхватила его руками и стала подкидывать в воздух, она ловила его на лету и снова кидала – три раза, четыре раза, пять, шесть раз... Блёмстерлунд не мог понять, что с ним происходит.

– Караул! Помогите! – вопил он, полумёртвый от страха. В последний раз она его не поймала, и он грузно плюхнулся на дорогу. Кнут у него, конечно, давно выпал из рук.

Пеппи стояла над ним, упёршись руками в бока.

– Ты больше никогда не будешь бить лошадь! – строго сказала она. – Никогда! Понятно? Помню, как-то раз в Ка́пстаде мне тоже повстречался парень, который бил лошадь. Он был одет в новенькую красивую форму, и я сказала ему, что, если он ещё хоть раз ударит свою лошадь, я его так вздую, что его форма превратится в лохмотья. И подумай, неделю спустя я снова его встречаю, и он снова у меня на глазах бьёт лошадь. Небось до сих пор жалеет о своей форме.

Блумстерлунд, растерянный, сидел посреди дороги, не в силах подняться.

– Куда ты везёшь эти мешки? – спросила Пеппи.

Блумстерлунд испуганно показал на дом, до которого было уже не очень далеко.

– К себе. Я там живу, – объяснил он.

Тогда Пеппи распрягла лошадь, которая всё ещё дрожала от усталости и страха.

– Успокойся, бедняжка, – ласково сказала Пеппи, обращаясь к лошади. – Сейчас всё образуется.

С этими словами Пеппи подняла лошадь и понесла её на конюшню. Видно, таким оборотом дела лошадь была удивлена не меньше, чем Блумстерлунд.

Ребята и учительница стояли на дороге и ждали возвращения Пеппи. И Блумстерлунд стоял – он никак не мог понять, что к чему, и в смущении почёсывал затылок. Он не знал, как ему отнестись к происходящему. Но тут вернулась Пеппи. Она взяла один из огромных, тяжёлых мешков и навалила Блумстерлунду на спину.

– Ну-ка посмотрим, – сказала она, – как ты с этим справишься? Работать кнутом ты мастер, а вот как насчёт мешков?

Пеппи подобрала валяющийся на дороге кнут.

– Собственно говоря, надо было бы тебя подстегнуть этим кнутиком, ты же его так любишь, – сказала она. – Но, по-моему, этот кнут никуда не годится, он весь измочалился. – Говоря это, Пеппи оторвала от него кончик. – Да, старьё, совершенно негодный кнут, – заключила она и сломала кнутовище пополам.

Блумстерлунд тащил мешок ни слова не говоря. Слышно было только, как он пыхтит от натуги. Тогда Пеппи подхватила оглобли и покатила

телегу к дому Блумстерлунда.

– Доставка бесплатная, – заявила она, ставя телегу под навес. – Для меня это одно удовольствие. За полёт по воздуху я с тебя тоже ничего не возьму. Ясно?

Она повернулась и пошла. Блумстерлунд ещё долго стоял у своего дома и глядел ей вслед.

– Да здравствует Пеппи! – закричали ребята, когда она вернулась к ним на дорогу.

Учительница тоже была очень довольна её поведением и похвалила её.

– Ты хорошо поступила, – сказала учительница. – С животными надо всегда обращаться ласково, и с людьми, конечно, тоже.

Пеппи села на свою лошадь, вид у неё был очень довольный.

– Конечно, я была очень добра к Блумстерлунду: столько раз кидала его в воздух и ничего за это с него не взяла, – заявила Пеппи.

– Для этого мы и родились на свет, – продолжала учительница. – Мы живём для того, чтобы делать людям добро.

Пеппи выжала стойку на спине лошади и принялась болтать в воздухе ногами.

– Я-то живу только для этого! – крикнула она. – А другие люди, интересно, для чего они живут?

В саду, где живёт Улла, стоял большой накрытый стол. На блюдах лежало столько булочек и пряников, что у всех детей потекли слюнки, и они, торопясь и толкаясь, расселись на стоящих вокруг стульях. Пеппи села одной из первых и тут же запихала себе в рот две булочки. Щёки у неё стали совсем шарообразные.

– Пеппи, надо подождать, пока тебя угостят, самой брать нельзя, – укоризненно сказала ей учительница.

– Не надо суетиться из-за меня, – с трудом выговорила Пеппи, потому что рот у неё был набит. – К чему эти церемонии?

Как раз в эту минуту к Пеппи подошла мама Уллы. В одной руке она держала кувшин с соком, в другой – чайник с какао.

– Сок или какао? – спросила она у Пеппи.

– И сок и какао, – ответила Пеппи. – Для одной булочки сок, а для другой – какао.

И без всякого смущения Пеппи взяла из рук мамы Уллы кувшин и чайник и выпила из каждого по большому глотку.

– Она всю жизнь провела на море, на корабле, – объяснила учительница маме Уллы, которая с изумлением и недоумением глядела на

девочку.

– Тогда всё понятно, – сказала мама Уллы и решила больше не обращать внимания на поведение Пеппи. – Вот пряники, – сказала она и протянула Пеппи блюдо.

– Да, в самом деле, это похоже на пряники, – сказала Пеппи и громко рассмеялась своей шутке. – Правда, они у вас получились по форме не очень красивыми, но, надеюсь, на их вкусе это не отразилось, – сказала она и взяла столько пряников, сколько могла удержать в руках.

Но тут она увидела, что на другом блюде лежит очень вкусное на вид печенье, но блюдо стояло далеко от неё. Тогда она дёрнула Господина Нильсона за хвост и сказала ему:

– Эй ты, Господин Нильсон, беги на тот конец стола и принеси мне печенье. Для начала возьми три штуки.

Господин Нильсон не заставил себя дважды просить и весело поскакал по столу. Стаканы запрыгали, и сок расплескался на скатерть.

– Я надеюсь, ты сыта, – сказала мама Уллы, когда Пеппи, выйдя из-за стола, подошла к ней, чтобы её поблагодарить.

– Нет, не сыта, да и пить ещё хочется, – ответила Пеппи и почесала себе ухо.

– Мы вас угостили всем, что у нас было, – ответила мама Уллы.

– Никогда не поверю, что вы себе ничего не оставили, – дружелюбно возразила Пеппи.

Услышав этот разговор, учительница решила поговорить с Пеппи о том, как надо себя вести.

– Послушай, милая Пеппи, – начала она ласково, – ты хотела бы, когда вырастешь, стать настоящей дамой?

– Носить вуалетку и иметь три подбородка? – спросила Пеппи.

– Да нет, я хочу сказать, дамой, про которую говорят, что у неё хорошие манеры, что она прекрасно воспитана. Неужели ты не хочешь стать настоящей дамой?

– Это мне надо обдумать, – ответила Пеппи. – Понимаешь, фрёкен, я ведь решила, когда вырасту, стать морской разбойницей. – Пеппи задумалась. – Как ты считаешь, фрёкен, я могу быть сразу и морской разбойницей и настоящей дамой?

Но учительница считала, что это нельзя совместить.

– Ой, что же мне тогда выбрать, как мне решить, что лучше? – простонала Пеппи. Вид у неё был несчастный.

Тогда учительница сказала, что какой бы жизненный путь Пеппи ни выбрала, ей никогда не помешает умение вести себя в обществе. Во всяком

случае, она должна знать, что вести себя так, как она вела себя сегодня за столом, нельзя.

– Но ведь так трудно знать, Как Надо Себя Вести, – вздохнула Пеппи. – Ты можешь мне сейчас сказать основные правила поведения?

Учительница охотно выполнила её просьбу, и Пеппи слушала её с явным интересом: в гостях, оказывается, нельзя брать зараз больше одной булочки или одного пряника, нельзя есть с ножа, нельзя чесаться, когда разговариваешь со взрослыми, – короче, нельзя делать того и нельзя делать этого. Пеппи понимающе кивала.

– Придётся мне каждое утро вставать на полчаса раньше и тренироваться, что можно делать и чего нельзя, – сказала Пеппи со вздохом, – чтобы я могла быть настоящей дамой, если передумаю стать морской разбойницей.

Недалеко от учительницы на траве сидела Анника. Она о чём-то думала и ковыряла в носу.

– Анника, что ты делаешь? – строго сказала ей Пеппи. – Помни, что настоящая дама ковыряет в носу, только когда этого никто не видит.

Но тут учительница взглянула на часы и сказала, что пора идти домой. Все дети поднялись и стали парами. Только Пеппи продолжала сидеть на траве. Лицо её было сосредоточенно, словно она к чему-то прислушивалась.

– Что случилось, милая Пеппи? – спросила учительница.

– Скажи, фрёкен, – с тревогой в голосе спросила Пеппи, – у настоящей дамы может урчать в животе?

Она сидела молча, и выражение её лица оставалось таким же сосредоточенным.

– Если у настоящей дамы быть этого не может, – сказала она вдруг, – то, пожалуй, мне стоит тут же принять окончательное решение стать морской разбойницей.

Как Пеппи идёт на ярмарку

И вот открылась ярмарка. В маленьком тихом городке, где жила Пеппи, каждый год обязательно бывала ярмарка, и всякий раз дети себя не помнили от радости. В эти дни городок выглядел необычно; разукрашенные флагами дома, толпы людей на улицах, на Главной площади, выросшие, как грибы, за одну ночь ларьки, в которых можно купить самые удивительные вещи. Повсюду царили оживление и такая весёлая суматоха, что даже просто выйти из дому было интересно. Но самым заманчивым были расположенные рядом с тиром балаганы и аттракционы. Театр, карусель, качели и, главное, зверинец. Представляете себе, зверинец со всевозможными дикими зверями: тиграми, гигантским удавом, обезьянками и морскими львами! Можно было подолгу стоять у забора зверинца и слушать жуткий рёв и диковинное ржанье, каких прежде никогда не доводилось услышать, а если ты раздобыл несколько монет, то можно было пройти туда, к клеткам, и увидеть все эти чудеса своими глазами.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что в день открытия ярмарки у Анники, завтракавшей на кухне, от нетерпения дрожали бантики, а Томми давился бутербродом с сыром. Мама спросила детей, не хотят ли они вместе с ней отправиться на ярмарку. Но Томми и Анника, несколько смутившись, сказали, что если мама не обидится, то они предпочли бы пойти туда с Пеппи.

– Сама понимаешь, что с Пеппи всё получается интересней, – говорил Томми Аннике, когда они бежали к вилле «Курица».

Анника не могла с ним не согласиться.

Пеппи была уже готова к выходу, она стояла на кухне и ждала своих друзей. Она нашла наконец свою большую соломенную шляпу, которая всё же оказалась в чулане для дров.

– Я забыла, что я её на днях носила, – сказала Пеппи и надвинула шляпу на глаза. – Ну как я вам нравлюсь? Хороша, да?

Да, с этим Томми и Анника не могли не согласиться. Пеппи подвела брови углём и намазала красной краской ногти и губы. На ней было платье до пят, с большим вырезом на спине, в котором виднелся красный лифчик. Из-под платья торчали её огромные чёрные туфли, но и они выглядели празднично: Пеппи приделала к ним зелёные помпоны – Пеппи носила эти помпоны в особо торжественных случаях.

– Я считаю, что, когда идёшь на ярмарку, надо выглядеть как настоящая дама, – заявила она и пошла по дорожке, подражая, насколько ей это удавалось в её огромных туфлях, походке городских модниц. Она придерживала край волочившейся юбки и каждую минуту произносила не своим голосом, явно подражая кому-то: – Очаровательна! Просто очаровательна!

– Кто это «очаровательна»? – удивился Томми.

– Как кто? Я, конечно, – с довольным видом ответила Пеппи.

Томми и Анника не стали спорить – на ярмарке, по их мнению, всё очаровательно. Они весело проталкивались в толпе на рыночной площади от одного лотка к другому и с увлечением разглядывали все те сокровища, которые там разложены. Пеппи подарила Аннике в память о ярмарке красный шёлковый платок, а Томми – фуражку с козырьком, такую, о которой он давно мечтал, но никак не мог выпросить у мамы. В другом ларьке Пеппи купила два стеклянных колокольчика с крошечными цыплятами из розового и белого сахара.

– Ой, какая ты милая, Пеппи! – прошептала Анника и прижала свой колокольчик к груди.

– Ну конечно, я просто очаровательна, – подхватила Пеппи,

придерживая край юбки, чтобы не упасть.

Людской поток направлялся к балаганам. Пеппи, Томми и Анника присоединились к толпе.

– До чего же здорово, – восторженно воскликнул Томми, – играет шарманка, вертится карусель, все вокруг шутят и смеются!

У тиров было особенно оживлённо – каждому ведь охота показать свою меткость.

– Давайте подойдём поближе, посмотрим, как стреляют, – заявила Пеппи и потащила за собой Томми и Аннику.

Неприятная женщина, которая выдавала ружья, поглядела на подошедших детей и тут же отвела глаза, решив, что они недостойны её внимания. Но Пеппи, ничуть не смутившись, с большим интересом разглядывала мишень – нарисованного на листе картона смешного старика в синей куртке с шароподобным лицом и очень красным носом. Вот в нос то как раз и надо было попасть. А если не в нос, то хотя бы в лицо – всё остальное считалось промахом.

Дети не уходили, а хозяйка тира всё больше злилась: ей нужны были клиенты, которые стреляли бы и платили, а не эти трое бездельников.

– Вы что, прилипли, что ли? Что вы здесь делаете? – зло спросила она наконец.

– Как – что? Гуляем по площади и грызём орехи, – с серьёзным видом ответила Пеппи.

– Нечего здесь торчать без толку да глазеть! – закричала женщина, окончательно выйдя из себя.

Как раз в эту минуту к тире подошёл новый клиент – холёный господин средних лет, с золотой цепью посреди живота. Он взял ружьё и с видом знатока взвесил его в руках.

– Для начала – десять выстрелов, – заявил он с важным видом, – только для пристрелки.

Он огляделся вокруг, чтобы увидеть, есть ли зрители. Но в этот момент никого, кроме Пеппи, Томми и Анники, поблизости не оказалось.

– Ну, хоть вы, дети, поглядите, что значит классный стрелок. На меня стоит посмотреть!

С этими словами он поднёс ружьё к плечу. Первый выстрел – мимо, второй – тоже, третий и четвёртый – тоже не попал. Пятая пулька угодила в подбородок картонному старику.

– Да разве это ружьё? Рухлядь какая-то, а не ружьё, – пробормотал раздосадованный господин и гневно бросил его на прилавок.

Тогда Пеппи взяла ружьё и прицелилась.

– Попробую-ка я свои силы, – скромно сказала она. – Если не попаду, поучусь у дяди.

Панг, панг, панг, панг, панг! Пять пуль подряд уложила Пеппи картонному старику прямо в нос, потом сунула хозяйке тира золотую монету и пошла дальше.

Карусель вертелась так весело, что Томми и Анника, подойдя поближе, от восторга запрыгали на месте. Дети сидели на чёрных, белых или рыжих конях с настоящими гривами, которые развевались на ветру, и кони эти выглядели совсем как настоящие, к тому же на них были сёдла и сбруя. И коня можно было выбирать по своему вкусу. Пеппи купила билетов на целую золотую монету – их оказалось так много, что она едва засунула их в свой большой кошелёк.

– Если бы я прибавила ещё монету, они дали бы мне целый рулон билетов, – сказала она Томми и Аннике, которые её ждали в сторонке.

Томми облюбовал себе чёрную лошадь, а Анника – белую, Господина Нильсона Пеппи посадила тоже на чёрную, которая выглядела особенно дико. Господин Нильсон тут же стал перебирать ей гриву, ища, видимо, блох.

– Как, Господин Нильсон тоже будет кататься на карусели? – с удивлением спросила Анника.

– А почему же его лишать такого удовольствия? – в свою очередь удивилась Пеппи. – Если бы я знала, что здесь карусель, я взяла бы с собой и свою лошадь, ей ведь тоже нужно какое-нибудь развлечение. А лошадь, катающаяся на лошади, – что может быть веселее?

Тут Пеппи вскочила на рыжую лошадь, и секунду спустя карусель завертелась, а шарманка заиграла: «Вспомни наше детство и те весёлые забавы...»

Кататься на карусели – это просто замечательно, так считали Томми и Анника. У Пеппи тоже был очень довольный вид: она стояла на голове, упиравшись руками в седло, и болтала ногами, а её длинное платье обвивалось вокруг шеи. Люди, проходившие мимо, видели только кончики рыжих косичек, зелёные штанишки и длинные тонкие ноги Пеппи в разных чулках: на одной ноге – коричневый чулок, на другой – чёрный, причём ноги весело мотались взад-вперёд.

– Вот как настоящие дамы катаются на каруселях! – заявила Пеппи после первого круга.

Дети не слезали с карусели полчаса, и в конце концов Пеппи призналась, что у неё закатываются глаза и что она видит не одну карусель, а целых три.

– Мне теперь трудно решить, на какой из этих трёх каруселей надо кататься, поэтому, чтобы не ломать себе голову, нам лучше, пожалуй, пойти дальше, – сказала она.

Но у Пеппи осталась ещё целая куча неиспользованных билетов, и она раздала их детям, которые толпились вокруг, но не могли кататься, потому что у них не было денег.

Возле балагана стоял молодой парень и выкрикивал:

– Торопитесь, торопитесь! Наше представление начнётся ровно через пять минут. Торопитесь, а то опоздаете. Захватывающая драма под названием: «Убийство графини Авроры, или Кто притаился в кустах?»

– Если кто-то в самом деле притаился в кустах, то надо поскорее выяснить, кто же это, – заявила Пеппи. – Пошли, Томми и Анника! Не могу ли я купить билет за полцены? – спросила она у кассирши в непонятном приступе скупости. – А я обещаю смотреть представление только одним глазом.

Но кассирша почему-то и слышать не хотела о таком предложении.

– Я что-то не вижу ни кустов, ни притаившихся там людей, – проворчала Пеппи, когда она вместе с Томми и Анникой села в первом ряду перед закрытым занавесом.

– Так ведь представление ещё не началось, – объяснил Томми.

Но тут как раз раздвинули занавес и на сцену вышла графиня Аврора. Подойдя к рампе, она стала ломать руки и разными жестами изображать свою печаль. Пеппи следила за ней с огромным интересом.

– У неё наверняка случилось какое-то горе, – шепнула Пеппи Аннике. – А может быть, просто расстегнулась английская булавка, и она её колет.

Но скоро выяснилось, что у графини Авроры и в самом деле случилось горе. Она закатила глаза и стала сетовать:

– Какая я несчастная! Какая я несчастная! Нет никого на свете несчастнее меня! Детей у меня отняли, муж таинственным образом исчез, а сама я окружена мошенниками и бандитами, которые хотят меня убить.

– Ах, как ужасно это слышать! – воскликнула Пеппи, и у неё покраснели глаза.

– Ах, лучше бы мне умереть! – не унималась графиня Аврора.

Тут Пеппи разразилась рыданиями.

– Милая тётя, прошу тебя, не убивайся так! – крикнула она, не переставая всхлипывать. – Все ещё может исправиться: дети твои, может быть, найдутся, и замуж ты можешь ещё раз выйти. Ведь столько есть на свете женихов, – утешала её Пеппи сквозь слёзы.

Но тут появился директор театра (это он стоял у входа в балаган и зазывал публику перед началом представления), подошёл на цыпочках к Пеппи и шепнул ей, что, если она не будет сидеть тихо-тихо, ей придётся уйти из зала.

– Хорошо, я постараюсь молчать, – обещала Пеппи и вытерла глаза.

Спектакль был на редкость захватывающий. От волнения Томми беспрестанно вертелся на месте и теребил свою фуражку, а Анника была не в силах разжать руки. Глаза Пеппи блестели, она ни на мгновение не могла отвести их от графини Авроры. А дела у бедной графини складывались всё хуже и хуже. Не чуя опасности, пошла она погулять в сад. Но тут вдруг раздался вопль. Это Пеппи оказалась не в силах сдержать своего ужаса – она увидела, что за деревом притаился какой-то тип, вид которого не внушал ничего хорошего. Графиня Аврора тоже услышала какое-то подозрительное шуршание, потому что она спросила с испугом в голосе:

– Кто притаился там, в кустах?

– Это я тебе сейчас скажу, – живо отозвалась Пеппи, – там стоит какой-то ужасный парень, вид у него опасный, и у него огромные чёрные усы. Беги скорей домой и запишись получше.

Но тут театральный директор подлетел к Пеппи и сказал, чтобы она немедленно покинула зал.

– Ни за что на свете я не уйду! – воскликнула Пеппи. – Как, ты хочешь, чтобы я бросила несчастную графиню Аврору в такую трудную минуту?! Да ты меня не знаешь!

Тем временем на сцене продолжалось действие. Парень с чёрными усами, спрятавшийся за деревом, вдруг бросился вперёд и схватил графиню Аврору.

– Пришёл твой последний час, – злобно прошипел он сквозь зубы.

– Это мы ещё посмотрим, её ли последний час пришёл или твой, – завопила Пеппи и одним прыжком очутилась на сцене.

Она схватила парня с усами за шиворот и швырнула его в ложу, обливаясь от волнения слезами.

– Как ты только мог броситься на несчастную графиню, – всхлипывала она, – что она тебе такого сделала? Подумай только, что детей у неё уже отняли и муж куда-то пропал. Она ведь совсем одинока!

Тут Пеппи подошла к графине, которая почти без чувств опустилась на садовую скамейку.

– Ты можешь прийти ко мне и жить в моём домике сколько захочешь, – сказала Пеппи, чтоб ободрить графиню.

Громко рыдая, Пеппи вышла из театра вместе с Томми и Анникой.

Вслед за ними выскочил театральный директор и погрозил им кулаком. Но люди в зале хлопали в ладоши – они, видно, считали, что это был очень хороший спектакль.

Пеппи вытерла лицо подолом своего платья и сказала:

– Что же, теперь надо нам немножко повеселиться, так много горя вынести трудно.

– Пойдём в зверинец, – предложил Томми, – мы ещё там не были.

Сказано – сделано. Но прежде Пеппи подошла к ларьку и купила шесть бутербродов и три стакана лимонада.

– От слёз у меня всегда разыгрывается страшный аппетит, – сказала она.

В зверинце было на что посмотреть: там стоял слон, в одной клетке ходили два тигра, в другой расположились морские львы, которые перекидывали друг другу мяч, в третьей прыгали обезьяны, в четвёртой притаилась гиена, а в огромном ящике с решёткой свернулись два удава. Пеппи сразу же поднесла Господина Нильсона к клетке с обезьянами, чтобы он смог повидаться со своими родичами. Ближе всех сидел старый печальный шимпанзе.

– Поздоровайся с ним как следует, Господин Нильсон, – сказала Пеппи, – я думаю, что это троюродный дядя твоего внучатого племянника.

Господин Нильсон снял свою соломенную шляпу и почтительно отвесил поклон, но старый шимпанзе не удостоил его ответным приветствием.

Каждый час из ящика вынимали удавов, и прекрасная фрейлейн Па́ула, укротительница змей, выходила на эстраду и демонстрировала удавов публике. Ребятам повезло: они попали как раз на такое представление. Анника очень боялась змей, поэтому она всё время держала Пеппи за руку. Фрейлейн Паула взяла из рук служителя огромного удава и повесила его вокруг своей шеи как боа.

– Это, должно быть, змея-боа, – пояснила Пеппи Томми и Аннике. – Интересно, а другая какой породы?

Недолго думая Пеппи подошла к ящику и вынула вторую змею. Она оказалась ещё больше и ещё ужаснее первой. Пеппи повесила её себе на шею, точь-в-точь, как это сделала фрейлейн Паула. Все присутствующие в зверинце закричали от ужаса. Укротительница быстро засунула свою змею в ящик и кинулась к Пеппи, чтобы попытаться спасти её от верной смерти.

Змея, которую Пеппи повесила себе на шею, испугалась и рассердилась, ей не нравился шум вокруг, и она решительно не понимала,

почему ей нужно висеть на шее у маленькой рыжей девочки, а не у фрейлейн Паулы, к которой она привыкла. Поэтому она решила проучить эту дерзкую рыжеволосую девчонку, чтобы ей неповадно было зря тревожить почтенных змей, и она сжимала кольцо тем движением, которого достаточно, чтобы задушить быка.

– Брось, пожалуйста, свои старые уловки, со мной это не пройдет, – сказала Пеппи, – я видела змей страшнее тебя, можешь мне поверить. В Восточной Индии.

Своими сильными руками она сняла с шеи змею и отнесла её в ящик. Томми и Анника дрожали от ужаса, на них не было лица.

– Это тоже змея-боа, – заявила Пеппи и нагнулась, чтобы застегнуть подвязку на чулке. – Я так и думала.

Фрейлейн Паула долго ругалась на каком-то незнакомом языке, а все, кто был в зверинце, с облегчением вздохнули. Но они вздохнули преждевременно, потому что это явно был день, когда случались самые невероятные вещи.

Собственно говоря, никто не знал, как всё это произошло. Перед этим тигров кормили большими кусками кровавого мяса. Потом служитель проверил, хорошо ли заперта дверь клетки. И вдруг минуту спустя раздался душераздирающий крик: «Тигр вырвался на волю!»

И в самом деле, посреди зверинца стоял огромный тигр, готовый к прыжку. Люди, давя друг друга, повалили к выходу. Но одна маленькая девочка растерялась и очутилась одна в углу, прямо перед тигром.

– Стой спокойно!

– Не двигайся с места!

– Не шелохнись!

Голоса из толпы давали ей наперебой советы, но никто не решался прийти ей на помощь. Люди надеялись, что тигр её не тронет, если она не двинется с места.

– Что же делать? Как ей помочь?

Люди в отчаянии ломали руки, но никто не смел к ней подойти.

– Надо позвать полицию, – предложил кто-то.

– Давайте вызовем пожарных!

– Надо вызвать Пеппи Длинныйчулок, – заявила Пеппи и вышла из толпы.

Пеппи села на корточки в двух метрах от тигра и стала его манить:

– Кис-кис-кис!

Тигр зарычал ужасающим образом и показал свои белые клыки. Пеппи погрозила ему пальцем.

– Если ты меня укусишь, – сказала она, – то и я тебя укушу, можешь в этом не сомневаться.

Тигр прыжком подскочил к ней.

– Я вижу, с тобой нельзя договориться по-хорошему, – сказала Пеппи и отшвырнула от себя тигра.

Тигр снова зарычал, да так грозно, что у всех присутствующих мороз прошёл по коже, и снова кинулся на Пеппи. Всем было ясно, что он норовит схватить её за горло.

– Как ты себя плохо ведёшь, – укоризненно сказала ему Пеппи. – Но помни, это ты начал задираться, а не я!

И Пеппи ловким движением схватила тигра, зажала ему одной рукой пасть и потащила в клетку, напевая при этом песенку:

– «Видели ли вы мою кошечку, мою милую, милую кошечку?»

Вся толпа с облегчением вздохнула, а маленькая девочка, которая ни жива ни мертва стояла только что против тигра, кинулась к маме и сказала, что никогда больше не пойдёт в зверинец.

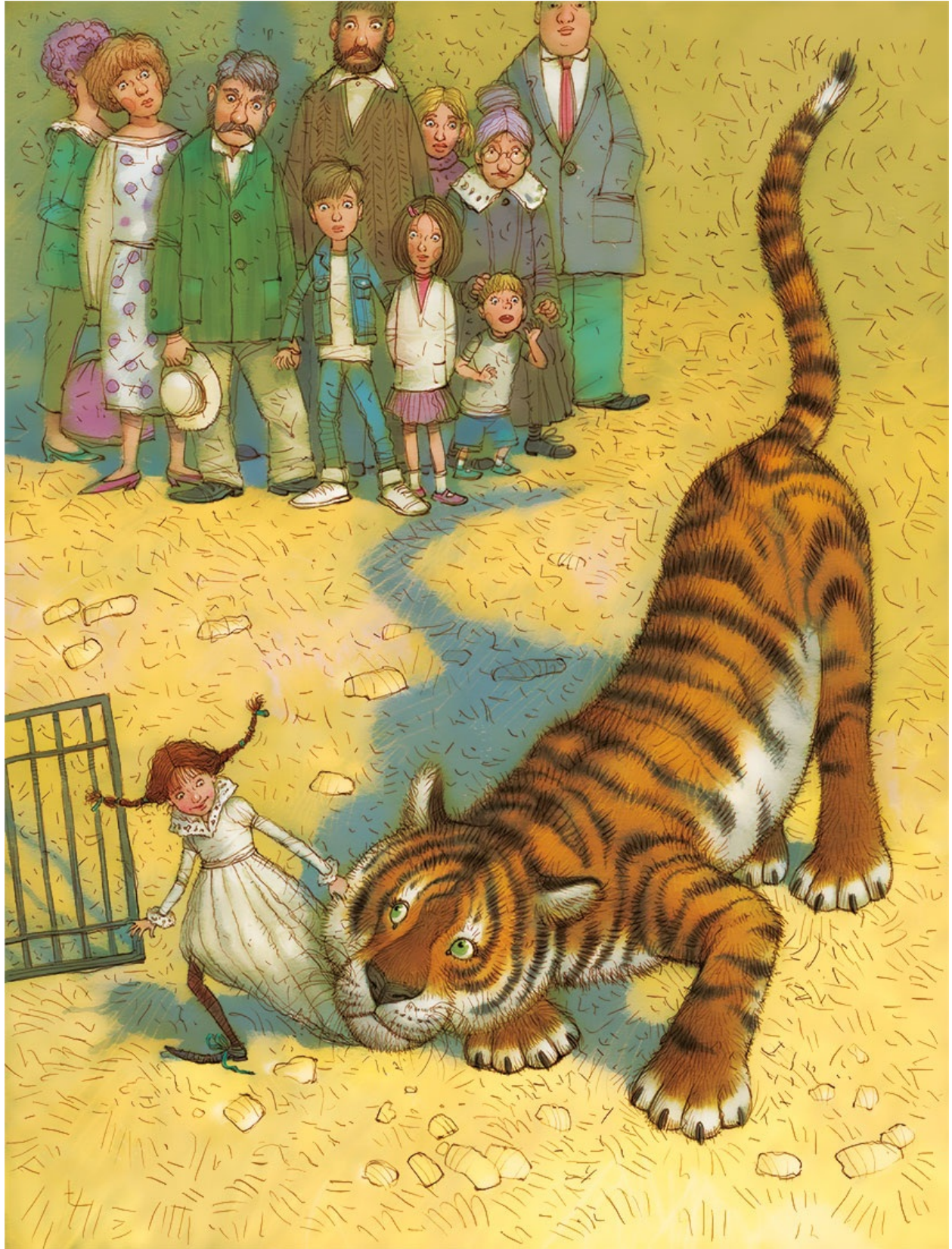
Тигр сильно порвал Пеппи платье. Пеппи поглядела на развевающиеся лохмотья и спросила:

– Есть у кого-нибудь ножницы?

У фрейлейн Паулы оказались ножницы, она давно уже перестала сердиться на Пеппи.

– Ты очень мужественная девочка, – сказала она и протянула Пеппи ножницы.

Пеппи взяла ножницы и недолго думая обрезала своё платье выше колен.

– Ну вот, теперь всё в порядке, – сказала она с довольным видом, – теперь я ещё элегантнее: я дважды в день меняю туалет.

И она пошла такой церемонной походкой, что при каждом шаге у неё коленка стукалась о коленку.

– Очаровательна, как всегда очаровательна, – говорила она о самой себе.

Все, кто пришёл повеселиться на ярмарку, думали, что больше уже не будет ужасных происшествий и им удастся наконец спокойно провести время. Но они ошиблись. Видно, на ярмарке никогда не бывает спокойных минут. Вдох облегчения, который только что издала толпа, оказался преждевременным.

В этом маленьком городке жил один лодырь. Он был очень сильный, а работать не хотел. Все дети в городке его очень боялись. Собственно говоря, не только дети, но и все взрослые тоже. Даже полицейский старался свернуть с дороги, если ему попадался Лабан в боевом настроении. Правда, он был страшен только тогда, когда выпьет много пива. Но это случалось с ним часто, и, уж конечно, в день ярмарки без этого обойтись не могло. И вот он появился на Большой улице. Он шёл шатаясь, что-то всё время выкрикивал и угрожающе размахивал руками.

– Прочь с дороги, да поживей! – кричал он. – Все прочь! Идёт сам Лабан!

Люди испуганно расступались, жались к стенам домов, а многие дети даже ревели от страха. А полицейских и след простыл. Лабан направился прямо к ярмарочным лоткам. На него и в самом деле было страшно смотреть: длинные нечёсанные чёрные волосы свисали на лоб, огромный нос был пунцово-красным, а во рту зловеще поблёскивал золотой зуб. Люди, которые расступились при его появлении, думали, что он куда опаснее тигра.

У одного лотка стоял сухонький старичок и торговал колбасой. Лабан подошёл к нему, ударил кулаком по лотку и закричал:

– Гони колбасу, да поживей! Я ждать не привык.

– Эта колбаса стоит двадцать пять эре, – смиренно сказал старик.

– Ты что мне о цене, ты мне товар подавай! – орал Лабан. – Разве ты не видишь, что за покупатель к тебе пришёл? Гони колбасу, тебе говорят, да поживей! Добавь ещё одну!

Старик робко сказал, что он хотел бы получить деньги за то, что Лабан уже взял. Тогда Лабан схватил старика за ухо и закричал, окончательно выйдя из себя:

– Гони колбасу и не разговаривай! Живо!

Старик не решился послушаться грозного Лабана. Но люди, стоящие вокруг, неодобрительно ворчали про себя. Нашёлся даже один храбрец, который сказал:

– Как тебе не стыдно так обращаться с бедным стариком!

Лабан обернулся и уставился своими налитыми кровью глазами на безумного храбреца.

– Тут, кажется, кто-то хочет помериться со мной силой? – спросил он.

Все испугались и решили, что лучше разойтись.

– Стойте! – заорал на толпу Лабан. – Первого, кто двинется с места, я сотру в порошок! Я приказываю: стоять смирно и глядеть на меня! Лабан намерен показать вам небольшое представление.

И, переходя от слов к делу, хулиган схватил с лотка охалку колбас и стал ими жонглировать. Он кидал их в воздух и ловил ртом, руками, но большинство падало просто на землю. Несчастный старик, торговавший этой колбасой, чуть не плакал.

И тут от молчаливой толпы отделилась маленькая фигурка.

Пеппи стояла перед Лабаном.

– Чей это мальчишка так плохо себя ведёт? – спросила она язвительно. – Что скажет твоя мама, когда увидит, что ты раскидал свой завтрак.

Лабан зарычал от бешенства:

– Разве я не приказал всем стоять смирно?

– А ты всегда так орёшь, что тебя слышно за границей? – поинтересовалась Пеппи.

Лабан сжал кулаки и завопил:

– Девчонка, неужели мне придётся превратить тебя в лепёшку?

Пеппи стояла, упёршись руками в бока, и с интересом смотрела на Лабана.

– Что ты делал с колбасой? Ты её вот так кидал?

И Пеппи подхватила Лабана и подкинула его высоко в воздух и стала им жонглировать, как он – колбасой. А все люди, стоявшие вокруг, вопили от восторга. Старик колбасник хлопал в ладоши и хохотал.

Когда Пеппи надоело жонглировать и она отпустила Лабана, вид у него был уже совсем другой. Он сидел на земле у её ног и растерянно озирался вокруг.

– Теперь, я думаю, тебе пора отправиться домой, – сказала Пеппи, обращаясь к хулигану.

Лабан был готов на всё.

– Но, прежде чем уйти, ты должен заплатить за колбасу, – сказала

Пеппи. – Разве ты забыл, что надо платить за то, что ты купил?

Лабан послушно вынул кошелек и заплатил за всю колбасу, которую раскидал. Потом он побрёл прочь, ни слова не говоря. И после этого дня он стал тише воды ниже травы.

– Да здравствует Пеппи! – кричала толпа на ярмарочной площади.

– Да здравствует Пеппи! Ура! – кричали Томми и Анника.

– Нам не нужны полицейские, раз у нас живёт Пеппи! – крикнул кто-то из толпы. – Пеппи Длинныйчулок лучше всех полицейских!

– Правда! Правда! – поддержали его многие голоса. – Она с одинаковой лёгкостью справляется со змеями, тиграми и хулиганами.

– Нет, без полицейских всё же нельзя в городе, – возразила Пеппи. – Надо же кому-нибудь следить, чтобы машины стояли там, где им положено.

– О Пеппи, какой ты была прекрасной! – с восхищением сказала Анника, когда дети шли домой с ярмарки.

– Конечно, я очаровательна, очаровательна! – подтвердила Пеппи и дёрнула платье, которое теперь не закрывало колен. – Одно слово – очаровательна!

Как Пеппи терпит кораблекрушение

Каждый день сразу же после школы Томми и Анника бежали к Пеппи. Даже уроки они не хотели учить дома, а брали учебники и отправлялись заниматься к Пеппи.

– Очень хорошо, – сказала Пеппи, когда дети вошли к ней со своими книгами. – Делайте здесь уроки, может быть, немного учёности и в меня войдёт. Не могу сказать, чтобы я так уж страдала от недостатка знаний, но, может, действительно нельзя стать Настоящей Дамой, если не знаешь, сколько готтентотов^[4] живёт в Австралии.

Томми и Анника примостились за кухонным столом и принялись учить географию. Пеппи села прямо на стол, поджав под себя ноги.

– Ну ладно, – сказала Пеппи и, сморщившись, почесала кончик носа, – а вдруг я возьму да выучу наизусть, сколько этих самых готтентотов живёт в Австралии, а потом один из них схватит воспаление лёгких и умрёт, и тогда что же, все мои труды пропадут даром, а я всё равно не стану Настоящей Дамой?

Пеппи помолчала, углубившись в свои мысли.

– Надо приказать всем готтентотам, чтобы они береглись от простуды, а то в нашей книжке получится ошибка... В общем, так, – сказала она наконец, – учить всё это не имеет никакого смысла.

Когда Томми и Анника кончали учить уроки, начиналось веселье. Если погода была хорошая, ребята играли в саду, или катались на лошади, или забирались на крышу сарая и пили там кофе, или прятались в дупле старого дуба. Пеппи говорила, что это самый прекрасный дуб на свете, потому что на нём растёт лимонад.

И правда, всякий раз, когда ребята залезали на дерево, они находили в дупле три бутылки лимонада, которые словно их ждали. Томми и Анника никак не могли понять, куда же девались пустые бутылки, но Пеппи уверяла, что они засыхают и падают на землю, как осенние листья. Да что и говорить, дуб этот был необыкновенный, так считал Томми, и Анника тоже. Иногда на нём вырастали и шоколадки, но почему-то всегда только по четвергам, и Томми и Анника заранее радовались, что скоро будет четверг и они наверняка сорвут с веток по шоколадке. Пеппи говорила, что если хорошенько поливать дуб, то на нём начнут расти не только французские булки, но и телячьи отбивные.

Когда шёл дождь, ребята оставались в доме, и это тоже было очень интересно. Они всегда находили себе занятие, одно увлекательнее другого: можно было – уже в который раз! – рассматривать замечательные сокровища, которые были спрятаны в ящичках старинного секретера, а можно было сидеть у печки и глядеть, как ловко Пеппи печёт вафли и яблоки, а можно было забраться в дровяной сарай и слушать увлекательные истории о тех временах, когда Пеппи плавала со своим отцом по морям и океанам.

– Вы представить себе не можете, какой в тот день был жуткий шторм, – рассказывала Пеппи. – Даже все рыбы заболели морской болезнью и мечтали поскорее выбраться на сушу. Я сама видела акулу, которая просто позеленела от головокруженья, а одна каракатица всеми своими щупальцами держалась за лоб – так ей было дурно. Да, такие штормы нечасто случаются!

– А ты, Пеппи, не боялась? – спросила Анника.

– Ведь вы могли потерпеть кораблекрушение? – подхватил Томми.

– Ну, в кораблекрушение я попадала столько раз, что они меня совсем не пугают. Ни капельки. Я не испугалась даже тогда, когда шквальный ветер выдул весь изюм из фруктового супа – мы как раз сидели и обедали – и даже когда от следующего порыва улетели вставные зубы изо рта кока. Но когда я увидела, как дикий ураган выдул кота из его шкуры и голым,

словно освежёванным, понёс по воздуху прямо на Дальний Восток, то мне всё же стало слегка не по себе.

– А у меня есть книга, которая называется «Робинзон Крúзо», там тоже рассказывается про кораблекрушение.

– Да, это очень интересная книга, – подхватила Анника, – про то, как Робинзон после кораблекрушения попал на необитаемый остров.

– А ты, Пеппи, ты ведь столько раз терпела кораблекрушение, неужели ты ни разу не попадала на какой-нибудь необитаемый остров? – спросил Томми и уселся поудобней, чтобы слушать новый рассказ.

– Ещё бы, – возмутилась Пеппи, – никто не терпел таких кораблекрушений, как я, куда там вашему Робинзону! Я думаю, что на Атлантическом и Тихом океанах едва ли найдётся с десятков островов, на которые я не высаживалась бы после кораблекрушений. Я думаю, что все они отмечены на туристских картах.

– Как, наверное, замечательно оказаться на необитаемом острове! – воскликнул Томми. – Как бы мне хотелось попасть на необитаемый остров хоть на несколько днейков.

– Нет ничего проще, – сказала Пеппи. – Необитаемых островов там как собак нерезаных.

– Да я и сам знаю один необитаемый остров очень недалеко отсюда.

– На море? – спросила Пеппи.

– На озере, – сказал Томми.

– Прекрасно, – обрадовалась Пеппи, – потому что, если бы этот остров был на земле, он бы нам не подошёл.

Томми был просто в восторге.

– Мы попадём на необитаемый остров! – кричал он. – Мы очень скоро окажемся на настоящем необитаемом острове!

Как раз через три дня у Томми и Анники начинались летние каникулы, а их мама и папа должны были на несколько дней уехать. Короче – лучшего случая поиграть в робинзонов не найти.

– Чтобы потерпеть кораблекрушение, – сказала Пеппи вдруг, – надо для начала иметь корабль.

– А у нас его нет, – печально вздохнула Анника.

- Я видела неподалёку старую затопленную лодку, – заявила Пеппи.
- Ну, она ведь уже потерпела кораблекрушение, – заметила Анника.
- Тем лучше, – сказала Пеппи, – значит, у неё есть кой-какой опыт.

Поднять со дна эту затонувшую лодку было для Пеппи делом пустяковым. Целый день она провозилась потом на берегу, паклей заделывая в ней дырки и заливая их смолой. Дождливом утром она нашла в чулане подходящую доску, взяла топор и смастерила два хороших весла. А тут как раз школьников распустили на каникулы, а родители Томми и Анники уехали.

– Мы вернёмся через два дня, – сказала, уезжая, мама. – Обещайте мне вести себя хорошо, быть послушными и делать всё так, как вам скажет Элла.

Элла – это домашняя работница, и ей поручили присмотреть за детьми, пока папа и мама будут в отъезде. Но как только дети остались одни с Эллой, Томми сказал:

– Элла, тебе незачем за нами присматривать, ведь мы всё равно будем всё время проводить у Пеппи.

– Мы сами можем за собой присмотреть, – заявила Анника, – ведь Пеппи сама за собой смотрит и прекрасно с этим справляется, почему же нас на два дня нельзя оставить в покое?

Элла, конечно, ничего не имела против того, чтобы оказаться свободной на два дня, а Томми и Анника так долго к ней приставали, умоляя оставить их одних, что в конце концов Элла не выдержала их натиска и согласилась съездить домой навестить мать. Конечно, дети

должны были ей торжественно обещать, что будут есть и спать как полагается и не будут выбегать по вечерам, не надев тёплых свитеров. Томми заявил, что обещает надевать сразу дюжину тёплых свитеров, только бы Элла поскорее уехала.

Так всё и получилось. Элла отправилась к себе домой в деревню, а два часа спустя Пеппи, Томми, Анника, лошадь и Господин Нильсон отправились на необитаемый остров.

Стоял пасмурный, но тёплый для начала лета день. Путешественникам предстоял довольно длинный путь до того места, откуда был виден необитаемый остров. Пеппи несла лодку, держа её на вытянутых руках над головой. На спину лошади она навьючила огромный мешок и палатку.

– А что в мешке? – спросил Томми.

– Еда, оружие и одеяла, да ещё пустая бутылка, – объяснила Пеппи. – Я думаю, что на первый раз нам лучше потерпеть удобное кораблекрушение. Когда мне случалось прежде терпеть кораблекрушение, я подстреливала какую-нибудь антилопу или ламу и ела сырое мясо, но у нас не получится, потому что на этом острове вряд ли есть антилопы или ламы, а умереть там с голоду было бы просто смешно.

– А зачем ты взяла пустую бутылку? – удивилась Анника.

– Ты меня ещё спрашиваешь, зачем я взяла пустую бутылку? Что за глупый вопрос? Конечно, для кораблекрушения важнее всего иметь корабль, но после корабля самое важное – это пустая бутылка. Когда я лежала в колыбели, отец меня учил: «Пеппи, – говорил он, – ты можешь забыть надеть ботинки, когда тебя будут представлять королю, но упаси тебя бог забыть пустую бутылку, когда ты собираешься потерпеть кораблекрушение. Без бутылки лучше сразу отправляться домой».

– Зачем же она нужна? – спросила Анника.

– Разве ты никогда не слышала о бутылочной почте? – в свою очередь удивилась Пеппи. – Пишут записку, просят о помощи, запечатывают в бутылку и кидают в море. И потом она попадает прямо в руки к тем, кто должен тебя спасти. А как же иначе можно спастись при кораблекрушении? Ну, как ты себе представляешь, можно ли всё пустить на самотёк? Ну и глупости ты болтаешь, честное слово!

– Да нет, теперь я поняла, – сказала Анника.

Вскоре ребята увидели впереди небольшое озеро, посередине которого виднелся маленький островок. Солнце как раз выглянуло из-за облаков и обогрело молодую зелень.

– Прекрасно! – воскликнула Пеппи, – пожалуй, это самый уютный необитаемый остров, который я когда-либо видела.

Пеппи быстро спустила лодку на воду, сняла с лошади мешок и палатку и уложила всё это на дно лодки. Анника, Томми и Господин Нильсон уселись в лодку, а Пеппи подошла к лошади и похлопала её по спине.

– Дорогая моя лошадь, я очень сожалею, но усадить тебя в лодку нельзя, – сказала она. – Надеюсь, ты умеешь плавать. Это ведь очень просто. Гляди, лошадь, я тебе сейчас покажу.

С этими словами Пеппи бросилась в воду прямо в платье и поплыла сажёнками.

– Плавать очень приятно, честное слово. А если хочешь к тому же веселиться, то можешь поиграть в кита. Вот гляди, я тебя сейчас научу.

Пеппи набрала полный рот воды, легла на спину и выпустила эту воду фонтаном. По виду лошади трудно было сказать, находила ли она эту игру забавной, но, когда Пеппи прыгнула в лодку, взялась за вёсла и отчалила, лошадь тоже вошла в воду и поплыла. Правда, в кита играть она не стала. Когда лодка подошла совсем близко к острову, Пеппи закричала не своим голосом:

– Все к насосам!

А секунду спустя объявила:

– Борьба бесполезна! Нам придётся покинуть корабль! Спасайся, кто может!

Она стала на корму и прыгнула в воду вниз головой. Вскоре она вынырнула, схватила канат и вытянула лодку на берег.

– Прежде всего я должна спасти запасы продовольствия, а потом уже займусь командой, – объяснила Пеппи и накинула канат на большой камень.

Только после этого она помогла Томми и Аннике выбраться на берег. Господин Нильсон сам выпрыгнул из лодки.

– Чудо свершилось, – воскликнула Пеппи, – мы спасены! Во всяком случае, пока мы ещё не погибли и можем спастись, если на острове не окажется каннибалов или львов.

Лошадь ещё в середине пути догнала лодку и теперь, выбравшись на берег, энергично отряхивалась.

– Смотрите, вот и наш штурман, он тоже спасся! – радостно воскликнула Пеппи. – Нам надо держать военный совет.

Пеппи вынула из мешка пистолет, который она когда-то нашла в деревянном матросском сундучке на чердаке своего дома, и с пистолетом в руках обошла место высадки.

– Что случилось, Пеппи? – испуганно спросила Анника.

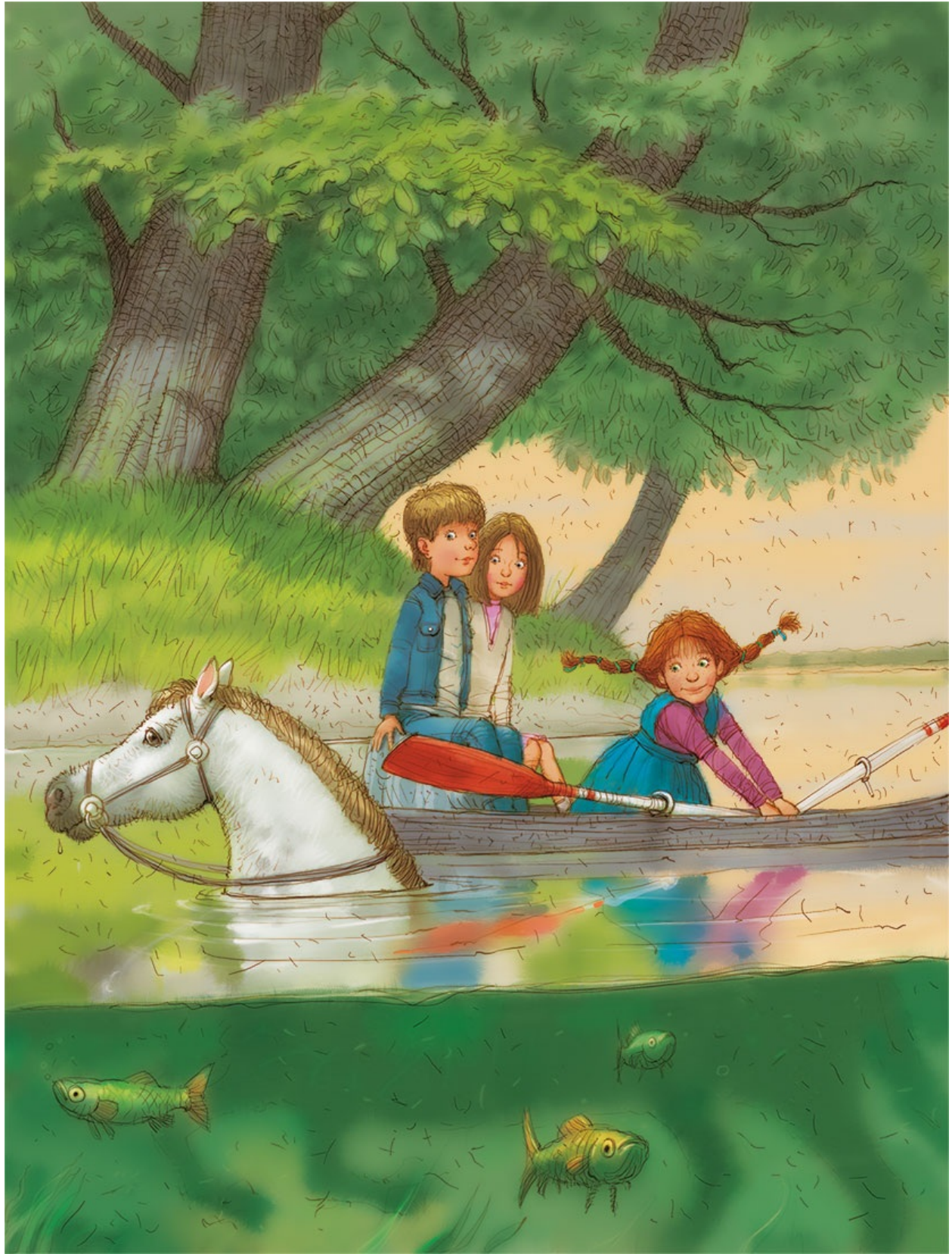
– Мне показалось, что я слышу воинственный клич каннибалов, – объяснила Пеппи. – Что толку благополучно выбраться на берег, если нас здесь поджарят и подадут с тушёными овощами на каннибальском пиру?

Но каннибалов пока что не было видно.

– Не радуйтесь раньше времени, – предостерегла Пеппи друзей. – Они, наверно, скрылись при нашем приближении и залегли в засаде. А может, сидят в хижине и по слогам читают в поваренной книге новый рецепт жаркого, чтобы нас съесть под особым соусом, но, как только они покажутся, я им сразу объявлю, что решительно не согласна тушиться вместе с морковкой. Терпеть не могу морковку!

– Ах, Пеппи, не говори такие страшные вещи! – взмолилась Анника и вздрогнула от испуга.

– Ты что, тоже терпеть не можешь морковку? Да ты не волнуйся, мы их уговорим обойтись без морковки. Ну ладно, прежде всего нам надо разбить палатку.

Сказано – сделано. Вскоре на высоком берегу уже раскинулась палатка, Томми с Анникой тут же в неё влезли и почувствовали себя совершенно счастливыми. Вблизи палатки Пеппи сложила очаг из больших камней и быстро набрала сухих веток.

– О, как здорово, у нас будет костёр! – воскликнула Анника.

– Без костра нельзя, – серьёзно сказала Пеппи и, взяв две деревяшки, стала тереть их друг о друга.

Томми с огромным интересом наблюдал за ней.

– Ты что, Пеппи, собираешься добыть огонь трением, как дикари? – спросил он с восторгом.

– Да, собираюсь, вернее, собиралась, но у меня уже замёрзли руки, а костёр будет ничуть не хуже, если мы добудем огонь другим способом. Поищу-ка я лучше спички.

Вскоре запылал весёлый огонь, и Томми сказал, что так уютно ему ещё никогда не было.

– Сидеть у костра очень приятно, это верно, да без него и нельзя – он удерживает диких зверей на нужном расстоянии от лагеря, – заявила Пеппи.

Анника тут же заволновалась.

– Каких ещё диких зверей? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Комаров, например, – сказала Пеппи и задумчиво почесала комариный укус на ноге.

Анника с облегчением вздохнула.

– Ну и львов, конечно, тоже, – подхватила Пеппи, – но вот против питонов и американских бизонов костёр бессилён.

И Пеппи деловито вытащила свой пистолет.

– Но будь спокойна, Анника, – сказала она, – с этой вот штукой нам ничто не страшно.

Пеппи сварила на костре кофе и разлила его по чашкам. Ребята сидели вокруг костра, пили кофе, ели бутерброды и чувствовали себя очень счастливыми. Господин Нильсон примостился у Пеппи на плече и ел вместе со всеми, а лошадь время от времени тыкалась мордой кому-нибудь в спину и тут же получала ломоть хлеба или кусок сахара. А вокруг росла прекрасная сочная трава, и она могла щипать её хоть всю ночь.

Небо снова затянулось тучами, начинало смеркаться, в кустах было уже совсем темно. Анника придвинулась как можно ближе к Пеппи. Пламя отбрасывало такую причудливую тень, что казалось, окружавшая их темнота полна живых существ. Анника дрожала. Вдруг за тем деревом стоит каннибал? А может, за теми валунами притаился лев?

Пеппи поставила пустую чашку возле себя и запела хриплым голосом:

Пятнадцать человек и покойника ящик,
И-о-го-го, и в бочонке ром.

Анника задрожала ещё сильнее.

– Эта песня из другой книги, которая у меня тоже есть, – горячо сказал Томми, – из книги о морских разбойниках.

– Возможно, – согласилась Пеппи, – но тогда эту книгу написал Фридольф, потому что он научил меня петь эту песню. Всякий раз, когда я стояла ночью на палубе и разглядывала звёздное южное небо – Южный Крест всегда оказывался прямо над головой, – Фридольф подходил ко мне и пел.

Пятнадцать человек и покойника ящик,
И-о-го-го, и в бочонке ром, —

снова пропела Пеппи ещё более хрипло.

– Пеппи, знаешь, когда ты вот так поёшь, во мне что-то шевелится, – сказал Томми, – мне становится одновременно и ужасно и прекрасно.

– А мне больше ужасно, – сказала Анника, – хотя немножко прекрасно тоже.

– Когда вырасту, я буду плавать по морям, – твёрдо сказал Томми, – я тоже стану морским разбойником, как Пеппи.

– Прекрасно, – подхватила Пеппи. – Гроза Карибского моря – вот кем мы с тобой будем, Томми. Мы будем отбирать у всех золото, драгоценности, бриллианты, устроим тайник в каком-нибудь гроте на необитаемом острове Тихого океана, спрячем туда все наши сокровища, и охранять наш грот будут три скелета, которые мы поставим у входа. А ещё мы вывесим чёрный флаг с изображением черепа и двух перекрещённых костей и каждый день будем петь «Пятнадцать человек и покойника ящик», да так громко, что нас услышат на обоих берегах Атлантического океана, и от нашей песни все моряки будут бледнеть и гадать, не стоит ли им тут же выброситься за борт, чтобы избежать нашей кровавой мести.

– А я? – жалобно спросила Анника. – Я ведь не хочу стать морской разбойницей. Что же я буду делать одна?

– Ты всё равно будешь плавать вместе с нами, – успокоила её Пеппи. – Ты будешь вытирать пыль с фортепьяно в кают-компании.

Костёр потухал.

– Пожалуй, пора идти спать, – сказала Пеппи.

Она выложила пол палатки ельником и застелила его несколькими толстыми одеялами.

– Хочешь лечь рядом со мной в палатке? – спросила Пеппи у лошади. – Или ты предпочитаешь провести ночь под деревом? Я могу накрыть тебя попоной. Ты говоришь, что тебе нездоровится всякий раз, когда ложишься в палатке? Ну что ж, пусть будет по-твоему, – сказала Пеппи и дружески похлопала лошадь по крупу.

Трое ребят и Господин Нильсон лежали в палатке, укрывшись одеялами. Вода тихо плескалась о берег.

– Слушайте гул океана, – сказала Пеппи уже сонным голосом.

В палатке было темно, как в мешке, и Анника на всякий случай держала Пеппи за руку – так она чувствовала себя в большей безопасности. Пошёл дождь. Капли барабанили по крыше палатки, но внутри было тепло и сухо, и шум дождя приятно убаюкивал. Пеппи выскочила из палатки, чтобы накинуть на лошадь ещё одно одеяло. Лошадь стояла под деревом с очень густой кроной, так что дождь ей тоже не мешал.

– До чего же нам хорошо! – прошептал Томми, когда Пеппи вернулась.

– Ещё бы! – отозвалась Пеппи. – Глядите-ка, что я нашла под камнем: три шоколадки.

Несколько минут спустя Анника уже спала, хотя рот её был ещё полон шоколада. Руку Пеппи она так и не выпустила из своей руки.

– Мы забыли почистить зубы, – сказал Томми и тоже заснул.

Когда Томми и Анника проснулись, Пеппи в палатке уже не было. Дети выглянули наружу. Солнце сияло, и Пеппи уже развела огонь: она жарила ветчину и варила кофе.

– От всей души желаю вам счастья и весёлой Пасхи, – сказала она, увидев Томми и Аннику.

– Да ведь Пасха уже давно прошла, – сказал Томми.

– Конечно, – согласилась Пеппи, – а ты сбереги мои пожелания на будущий год.

От запаха жареной ветчины и свежего кофе разгорался аппетит. Все трое уселись вокруг костра, поджав ноги, и каждый получил по куску ветчины, залитой яйцом, и картошку. Потом они выпили кофе с пряниками.

Все сошлись на том, что никогда в жизни ещё не ели такого вкусного завтрака.

– Я думаю, нам куда лучше, чем Робинзону, – заявил Томми.

– Да, я тоже так думаю, а если нам ещё удастся наловить рыбы к обеду, то Робинзон, боюсь, позеленеет от зависти, – заявила Пеппи.

– Фу, рыба – это гадость, терпеть не могу рыбу, – сказал Томми.

– Я тоже, – поддержала его Анника.

Но Пеппи их уже не слушала. Она срезала длинную гибкую ветку, привязала к её тонкому концу леску, согнула из булавки крючок, насадила на крючок кусочек хлеба и, закинув самодельную удочку в воду, села у самого берега на камень.

– Поглядим, что у нас получится, – сказала она.

– Что ты собираешься поймать? – поинтересовался Томми.

– Каракатицу, – ответила, не задумываясь, Пеппи. – Это лучшая в мире еда.

Пеппи просидела так целый час, но каракатица почему-то не клевала. Правда, окунь поплыл к хлебу и хотел было его схватить, но перед самым

его носом Пеппи поспешно отдёрнула удочку.

– Нет уж, спасибо, дружок, ты мне не нужен, – сказала она, обращаясь к окуню. – Когда я говорю «каракатица», я имею в виду каракатицу, и только каракатицу. Так что ты, окунь, мотай отсюда.

Пеппи посидела ещё немножко с удочкой, но каракатица почему-то не появлялась. Тогда Пеппи вскочила с камня и решительным жестом швырнула крошки хлеба в озеро.

– Вам повезло, – сказала она Томми и Аннике, – вместо рыбы нам придётся есть на обед свинину и оладьи. Каракатица, я вижу, что-то сегодня заупрямилась – не хочет, чтобы её съели.

Томми и Анника были очень рады, что рыбы не будет. Вода так заманчиво сверкала на солнце, что Томми предложил:

– Давайте купаться!

Пеппи и Анника не заставили себя долго просить. Но вода оказалась очень холодной. Ребята подошли к берегу и осторожно сунули в воду большой палец ноги. Но тут же отскочили как ошпаренные.

– Нет, так у нас ничего не получится, я найду другой способ, – сказала Пеппи.

На большой скале у самого берега росло дерево, а ветви его нависали прямо над водой. Пеппи в два счёта забралась на его верхушку и привязала к ветке крепкую верёвку.

– Смотрите, как надо купаться, когда холодно, – сказала она и, ухватившись за конец верёвки, соскользнула по ней прямо в воду. – Сразу окунёшься с головой, до чего же здорово! – завопила она, вынырнув.

Томми и Аннике было сперва трудно решиться плюхнуться в воду с такой высоты, но это выглядело так заманчиво, что в конце концов они всё же отважились. А стоило раз соскользнуть с верёвки, как уже хотелось это делать всю жизнь, потому что скользить самому оказалось ещё интереснее, чем смотреть со стороны. Господин Нильсон тоже захотел участвовать. Он очень ловко спустился вниз по верёвке, но в самую последнюю минуту, когда нужно было отпускать конец и плюхаться в воду, он передумал и быстро-быстро полез вверх. Он проделал этот путь по канату много раз подряд, не решаясь прыгнуть в воду, хотя ребята понукали его и кричали, что он трус. Потом Пеппи сообразила, что можно сесть на дощечку и съехать на ней по отвесной скале прямо в воду. И это оказалось ещё веселее, потому что всякий раз подымался целый фонтан брызг.

– Интересно, проводил ли Робинзон так весело время на острове? – спросила Пеппи, когда она снова забралась на скалу и уселась на дощечку, чтобы ехать вниз.

– Во всяком случае, в книге об этом ничего не написано.

– А я уверена, что ему это и в голову не пришло. Вообще все его кораблекрушение, я ручаюсь, это просто ерунда. Что же он делал целые дни на своём необитаемом острове? Может, вышивал крестиком? Эй, берегись, я поехала!

Пеппи с невообразимым плеском плюхнулась в воду, и на поверхности взметнулись только две её рыжие косички.

Когда ребята вдоволь накупались, они решили обследовать остров. Все трое уселись на лошадь, и она ровной рысью побежала вперёд. Они мчались вверх и вниз по склонам, пробирались сквозь кусты и густые заросли, скакали по болотам и по красивым зелёным лужайкам, пестрящим полевыми цветами. Пеппи держала пистолет на взводе и время от времени стреляла в воздух, и тогда лошадь от испуга вставала на дыбы.

«Я убила льва», – радостно заявляла она.

Либо кричала:

«Пусть каннибал дрожит, ему от нас не уйти!»

– Я хотела бы, чтобы этот остров был наш навсегда, – сказала Пеппи, когда ребята вернулись в свой лагерь и начали печь оладьи.

Томми и Анника тоже этого хотели.

Оладьи оказались на редкость вкусными – они дымились, и их можно было брать прямо в руки – ведь ни тарелок, ни вилок, ни ножей у них не было, и Анника спросила:

– Можно есть руками?

– Как хочешь, – ответила Пеппи, – я лично предпочитаю есть ртом.

– Да ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать, – ответила Анника и, схватив рукой оладью, с наслаждением засунула её в рот.

И снова настал вечер. Костёр прогорел. Ребята опять лежали в палатке, укрытые одеялами. Мордочки их блестели от масла. Сквозь крохотное окошечко в стенке палатки видна была большая звезда. Плеск воды убаюкивал.

– Сегодня нам надо возвращаться домой, – печально сказал Томми на следующее утро.

– До чего неохота! – подхватила Анника. – Я бы провела здесь всё лето. Но ведь сегодня приезжают мама и папа.

После завтрака Томми побежал к берегу. И вдруг раздался его отчаянный вопль. Лодка! Лодка исчезла! Анника была в ужасе. Как же они теперь отсюда выберутся?! Конечно, она охотно провела бы здесь всё лето, но, когда выяснилось, что отсюда просто нельзя выбраться, всё сразу изменилось. А что скажет мама, если, вернувшись, она не найдёт Томми и Аннику? И Анника начала плакать.

– Да что с тобой, Анника? – удивилась Пеппи. – Как ты себе представляла кораблекрушение? Что, по-твоему, сказал бы Робинзон, если через два дня после того, как он попал на необитаемый остров, за ним

приехал бы корабль? «Милости просим, господин Крузо, мы приготовили для вас удобную каюту, мы вас спасли, к вашим услугам все удобства – ванна, парикмахерская, ресторан». Знаешь, я думаю, что он ответил бы: «Благодарю покорно». А скорей всего он просто спрятался бы за каким-нибудь кустиком. Если уж человеку посчастливилось попасть на необитаемый остров, то там надо прожить не меньше семи лет.

Семь лет! Анника содрогнулась, и даже Томми выглядел несколько растерянным.

– Я не думаю, правда, что мы здесь сможем остаться так долго, – спокойно продолжала Пеппи, – нам придётся подать о себе весть, когда Томми вырастет и станет военнообязанным. Но года два мы здесь можем провести с чистой совестью.

Анника была просто в отчаянии. Пеппи с упрёком поглядела на неё.

– Ну что ж, если ты так к этому относишься, то у нас остаётся один только выход – прибегнуть к бутылочной почте, – сказала она.

Пеппи подошла к мешку и вынула из него пустую бутылку. Бумагу и карандаш она, к счастью, тоже предусмотрительно захватила. Все это положила на камень перед Томми.

– Пиши, – сказала она ему, – для тебя это более привычное дело, чем для меня.

– А что я должен написать? – спросил Томми.

– Дай подумать, – сказала Пеппи. – Ты можешь написать вот так: «Спасите нас, пока мы ещё живы! Без нюхательного табака мы через два дня погибнем во цвете лет на этом пустынном острове».

– Да нет, Пеппи, так нельзя писать, – укоризненно сказал Томми, – это ведь неправда.

– Почему?

– Мы не можем написать «без нюхательного табака», – настаивал на своём Томми.

– Почему это не можем? – возмутилась Пеппи. – Разве у тебя есть нюхательный табак?

– Нет, – сказал Томми.

– А может, у Анники есть табак?

– Нет, конечно нет, но...

– Так, может, у меня есть? – не унималась Пеппи.

– Нет, ни у кого из нас нет нюхательного табака, это верно, – сказал Томми, – но ведь мы его и не употребляем.

– Ну да, именно это я и хочу сказать. Я прошу тебя написать: «Без нюхательного табака мы через два дня...»

– Но, если мы так напишем, люди подумают, что нам необходим нюхательный табак, что мы без него жить не можем, в этом я уверен, – упирался Томми.

– Послушай, Томми, – сказала Пеппи, – ответь мне на один вопрос: у кого чаще нет нюхательного табака – у тех, кто его употребляет, или у тех, кто его не употребляет?

– Конечно, у тех, кто его употребляет, – ответил Томми.

– Ну так чего ты споришь? – возмутилась Пеппи. – Пиши, как я говорю.

И Томми написал: «Спасите нас, пока мы ещё живы! Без нюхательного табака мы через два дня погибнем во цвете лет на этом пустынном острове».

Пеппи сложила бумажку, засунула её в бутылку, заткнула бутылку пробкой и бросила бутылку в воду.

– Скоро появятся наши спасители, – заявила она.

Бутылку понесло течением, она покачивалась на воде, но потом её прибило к берегу, и она застряла в корнях ольхи.

– Её надо было закинуть подальше, – сказал Томми.

– Ты говоришь глупости, – возмутилась Пеппи, – если бы бутылку унесло далеко, наши спасители не знали бы, где нас найти. А теперь мы увидим, когда её кто-нибудь возьмёт, а если нас не заметят, то мы сможем даже закричать, так что нас очень скоро спасут.

Пеппи уселась на берег ждать спасителей.

– Лучше всего не спускать глаз с бутылки, – сказала она.

Томми и Анника уселись рядом с ней. Десять минут спустя Пеппи сердито сказала:

– Люди, видно, думают, что нам здесь делать нечего. Сколько можно сидеть у моря и ждать спасения! Это просто безобразие! Куда они все подевались?

– Кто? – спросила Анника.

– Да те, кто должен нас спасти, – ответила Пеппи. – Разве можно так безответственно и небрежно относиться к своим обязанностям, когда речь идёт о человеческой жизни!

Аника решила, что они и в самом деле погибнут во цвете лет на этом острове. Но вдруг Пеппи закричала, ткнув себя указательным пальцем в лоб:

– До чего же я рассеянна! Подумать страшно! Как я могла про это забыть!

– Про что? – спросил Томми.

– Да про лодку, – ответила Пеппи. – Ведь это я сама унесла её с берега вчера вечером, когда пошёл дождь.

– Зачем же ты это сделала? – удивилась Анника.

– Я боялась, что её зальёт, – ответила Пеппи.

Пеппи нашла в кустах лодку, притащила её на берег, спустила в воду и сурово сказала:

– Ну вот. Не хватает только наших спасителей. Если они теперь заявятся, чтобы нас спасти, то понапрасну потратят свои силы, потому что мы сами себя спасём. Что ж, поделом им! Пусть это послужит им уроком – надо поторапливаться, когда речь идёт о человеческой жизни.

– Как ты думаешь, мы попадём домой раньше мамы и папы? – спросила Анника, когда они сели в лодку. – А то мама будет очень беспокоиться.

– Сомневаюсь, – ответила Пеппи, энергичными взмахами вёсел направляя лодку к берегу.

Господин и госпожа Сёттергрэн приехали домой на полчаса раньше детей. Томми и Анники нигде не было видно, но в почтовом ящике они нашли листок бумаги, на котором было написано:

Вы только не думойти что ваши дети умерли
или прапали навсигда Ани только потерпят
не большая кораблекрушние и скоро вирнутца домой
с преветом Пеппи

Как Пеппи принимает дорогого гостя

Как-то вечером Пеппи, Томми и Анника сидели на ступеньках террасы и ели землянику, которую они собрали утром. Вечер выдался на редкость хороший, пели птицы, благоухали цветы в саду. Всё вокруг так и дышало покоем. Да к тому же у них было много-много земляники. Дети ели ягоды и лишь изредка перекидывались словами. Томми и Анника думали, как хорошо, что лето ещё в разгаре, что ещё долго-долго не надо ходить в школу. О чём думала Пеппи, никто не знал.

- Пеппи, ты здесь живёшь уже целый год, – сказала вдруг Анника.
 - Да, время бежит незаметно, начинаешь стареть, – отозвалась Пеппи. – Осенью мне стукнет десять лет – лучшие годы уже позади!
 - Скажи, ты всегда будешь здесь жить? Ну, не всегда, конечно, но хоть до тех пор, пока не вырастешь и не станешь пиратом? – спросил Томми.
 - Этого никто не знает, – ответила Пеппи. – Не думаю, что мой папа решил остаться на своём острове с неграми. Я уверена, что, как только он смастерит себе лодку, он приедет за мной.
- Томми и Анника вздохнули. И вдруг Пеппи как вихрь слетела со ступенек.
- Смотрите, а вот и он! – закричала она и указала пальцем на дорогу.
- В мгновение ока Пеппи оказалась у калитки, а Томми и Анника, которые побежали за ней, увидели, как она кинулась на шею какому-то очень толстому дяде с рыжими усами, в синей форме моряка.
- Папа Эфроим! – кричала Пеппи и так энергично болтала ногами, повиснув на шее у отца, что её огромные чёрные туфли свалились с ног. – Папа Эфроим, как ты вырос!
 - Пеппилотта-Виктуалина-Рольгардина Эфроимовна Длинныйчулок, дорогое моё дитя! Я как раз собирался тебе сказать, что ты выросла.
 - Я ждала этого, – сказала Пеппи, – поэтому я и решила тебя опередить.
 - Малышка, ты такая же сильная, как была?
 - Куда сильнее, – ответила Пеппи, – давай померяемся.
 - Не сходя с места, – подхватил папа Эфроим.

В саду стоял стол. Пеппи и её папа тут же уселись друг против друга, упёрлись локтями в стол и, сцепившись ладонями, принялись давить – кто кого поборет. Томми и Анника не сводили с них глаз. Наверное, только один человек на свете был таким же сильным, как Пеппи. Это её папа. И теперь они сидели за столом и изо всех сил старались отжать руку другого, но ни одному из них сделать этого не удавалось. В конце концов рука капитана Длинныйчулок стала немножко дрожать, и тогда Пеппи сказала:

– Вот когда мне исполнится десять лет, я тебя обязательно поборю, папа Эфроим.

Папа Эфроим тоже так думал.

– Дорогой папа, я ведь забыла вас познакомить, – спохватилась Пеппи, – это Томми и Анника, а это мой отец, капитан и его величество Эфроим Длинныйчулок – ведь правда, ты негритянский король?

– Да, это верно, я король на острове, который называется Веселия. Я попал на него, когда меня ветром сдуло с палубы, ты помнишь?

– Ещё бы! Я всегда знала, что ты не утонул.

– Я? Утонул? Да что ты! Скорее верблюд пролезет через игольное ушко. Я плаваю как рыба.

Томми и Анника с изумлением глядели на капитана Длинныйчулок.

– Дядя, а почему вы не в негритянских одеждах? – спросил наконец Томми.

– Они у меня здесь, в сумке, – ответил капитан.

– Надень их, надень их, – закричала Пеппи, – я хочу увидеть своего отца в одежде короля!

Все пошли на кухню. Капитан исчез на минуту в спальне Пеппи, а ребята уселись на скамью и стали ждать.

– Точь-в-точь как в театре, – сказала Анника, полная напряжённого ожидания.

И вот – пак! – распахнулась дверь, и на пороге стоял негритянский король. На нём была набедренная повязка из мочала, на голове золотая корона, на шее несколько рядов крупного жемчуга, в одной руке он держал копье, а в другой – щит. Больше на нём ничего не было, а его толстые волосатые ноги были украшены у лодыжек золотыми браслетами.

– Усомбусор-мусор-филибусор, – сказал капитан и грозно нахмурил брови.

– Ой, он говорит по-негритянски! – восторженно воскликнул Томми. – Что это значит, дядя Эфроим!

– Это значит: «Дрожите, мои враги!»

– Скажи, папа, а негры не удивились, когда ты вышел к ним на берег? – спросила Пеппи.

– Ну конечно, они сперва немного удивились, – ответил капитан, – и собирались взять меня в плен, но, когда я голыми руками вырвал из земли пальму, они передумали и тут же выбрали меня королём. Так я и стал жить: по утрам правил островом, а после обеда мастерил лодку, ушло много времени, потому что мне всё приходилось делать самому. Когда работа наконец была закончена, я объявил островитянам, что вынужден покинуть их на некоторое время, но что я непременно вернусь и привезу с собой принцессу, которую зовут Пеппилотта. И тогда они ударили в свои щиты и закричали: «Усумплусор, усумплусор!»

– Что это значит? – спросила Анника.

– Это значит: «Браво, браво!» Потом я очень усердно правил островом и в течение пятнадцати дней выдал столько всевозможных распоряжений, что их должно хватить на всё время моего отсутствия. А потом я поднял парус и направил свою лодку в открытое море, а жители острова кричали мне вслед: «Усумкуку кусумука!», а это значит: «Возвращайся поскорей, толстый король!» Я взял курс прямо на Сурабаю. И как вы думаете, что я увидел, когда я подплыл к пирсу? Мою старую чудесную шхуну «Попрыгунью»! А на борту стоял мой добрый верный Фридольф и что было силы махал мне рукой. «Фридольф, – сказал я ему, – теперь я снова беру на себя командование шхуной». – «Есть, капитан!» – ответил Фридольф, и я поднялся на капитанский мостик. Фридольф сохранил весь старый экипаж судна. И вот мы приплыли сюда, за тобой, Пеппи. «Попрыгунья» стоит на якоре в порту, так что ты можешь отправиться туда и приветствовать своих старых друзей.

Услышав это, Пеппи от радости вскочила на кухонный стол, сделала стойку на голове и принялась болтать ногами. Но Томми и Аннике стало грустно: было похоже на то, что от них увезут Пеппи.

– А теперь устроим праздник! – воскликнула Пеппи, когда снова встала на ноги. – Теперь мы закатим пир на весь мир!

Она накрыла на кухне стол, и все сели ужинать. Пеппи на радостях засунула себе в рот сразу три крутых яйца, да ещё в скорлупе. Время от времени она слегка кусала отца за ухо – так она была счастлива, что снова его видит. Господин Нильсон, который лежал и спал, вдруг проснулся и прыгнул прямо на стол. А когда он увидел капитана Длинныйчулок, стал потешно тереть глаза от изумления.

– Я рад, что ты не рассталась с Господином Нильсоном, – сказал капитан.

– У меня есть и другие домашние животные, – заявила Пеппи и, выбежав на террасу, внесла в кухню лошадь, которая по случаю праздника тоже получила крутое яйцо.

Капитан Длинныйчулок был очень горд, что его дочь так прекрасно всем распорядилась во время его отсутствия, и рад, что у неё оказался чемодан с золотыми монетами, так что ей не пришлось терпеть никаких лишений.

Когда кончился ужин, капитан вынул из своей сумки барабан, настоящий негритянский барабан, на котором отбивают ритм во время танцев и жертвоприношений. Капитан сел на пол и начал бить в барабан. Кухню заполнили странные, гулкие, ни на что не похожие звуки – Томми и Анника таких ещё никогда в жизни не слышали.

– Негритянская музыка, – объяснил Томми Аннике.

И тогда Пеппи скинула с ног свои огромные чёрные туфли и в одних носках принялась танцевать какой-то удивительный танец. Под конец

король Эфроим исполнил дикую пляску воинов так, как её танцевали там, на острове Веселия. Он размахивал копьём, делал какие-то причудливые движения щитом, а его пятки так усердно стучали, что Пеппи закричала:

– Сейчас под нами провалится пол.

– Не важно! – крикнул капитан и закружился в ещё более бешеном ритме. – Ведь теперь ты будешь негритянской принцессой, цветок моего сердца!

И тогда Пеппи подскочила к отцу и заплясала вместе с ним. Они выделяли друг перед другом такие невероятные фигуры, издавали такие странные вопли и прыгали так высоко, прямо выше головы, что в конце концов у Томми и Анники, которые не сводили с них глаз, закружилась голова. Видно, Господину Нильсону тоже стало дурно, потому что он забился в угол и зажмурился.

Постепенно этот дикий танец перешёл в борьбу. Капитан подкинул свою дочь, и она угодила прямо на полку с посудой. Но там она просидела недолго. С диким криком прыгнула Пеппи через всю кухню прямо на папу Эфроима, схватила его за плечи и так пихнула головой вперёд, что он, как метеор, пронёсся под потолком и через открытую дверь угодил прямо в чулан. Поленица рухнула, дрова завалили его толстые ноги, и он никак не мог выбраться: уж очень он был тучен, да к тому же сотрясался от смеха. Его хохот звучал как раскаты грома. Пеппи потянула отца за пятки, чтобы помочь ему, но он захохотал ещё пуще, так что стал задыхаться: оказывается, он очень боялся щекотки.

– Не щекочи меня, – стонал он, – лучше кинь меня в море или вышвырни через окно. Делай что хочешь, но только не щекочи меня!

Капитан смеялся так, что Томми и Анника испугались: не рухнет ли дом? В конце концов ему всё же удалось выбраться из чулана и встать на ноги. Даже не передохнув, он тут же кинулся на Пеппи и швырнул её на другой конец кухни. Она упала лицом прямо на плиту и измазалась сажей.

– Ха-ха-ха, вот вам и настоящая негритянская принцесса, – радостно закричала Пеппи и повернула ставшее чёрным как уголь лицо к Томми и Аннике.

Потом, она издала ещё один вопль и кинулась на отца, схватила его и стала кружить с такой силой, что браслеты его зазвенели, а золотая корона упала на пол и закатилась под стол. В конце концов Пеппи удалось повалить капитана на пол. Она села на него верхом и спросила:

– Живота или смерти?

– Живота! Живота! – задыхаясь, крикнул капитан Длинныйчулок, и они снова принялись хохотать, а потом Пеппи слегка укусила его за нос.

– Я ни разу так не веселился с тех пор, как мы с тобой выставляли пьяных матросов из кабачка в Сингапуре! – сказал капитан и полез под стол за своей короной. – Вот бы сейчас посмотрели на меня мои подданные: их величество лежит под столом на кухне.

Капитан надел корону на голову и стал расчёсывать мочало своей набедренной повязки – она сильно поредела после игры с дочкой.

– Боюсь, папа, тебе придётся отдать её в художественную штопку, – сказала Пеппи.

– Пожалуй, это уже не поможет, – сокрушённо заметил капитан.

Он сел на пол и вытер пот со лба.

– Пеппи, дитя моё, ты так же хорошо врёшь, как прежде? – спросил он.

– Когда у меня есть время, папа, но это нечасто случается,

к сожалению, – скромно ответила Пеппи. – А у тебя как обстоит дело с враньём? Ты ведь тоже был большой мастер по этой части.

– Своим подданным я обычно вру по субботам в награду за усердную работу в течение всей недели. Мы устраиваем вечера вранья под барабан, а потом танцы и факельные шествия. И знаешь, чем больше я вру, тем вдохновеннее они бьют в барабаны.

– У меня, папа, дело обстоит хуже: моему вранью никто не аккомпанирует. Я хожу по дому одна-одинёшенька и вру сама себе, но, правда, с таким удовольствием, что даже слушать приятно. Вот недавно, перед тем как заснуть, я наврала себе про телёнка, который умел плести кружева и лазить на деревья, и получилось так здорово, что я поверила каждому слову. Да, это называется навратиться всласть! И всё-таки никто при этом не играет на барабане.

– Не огорчайся, дочка, ври всласть, а на барабане буду играть я, – сказал капитан Длинныйчулок, тут же схватил барабанные палочки, и великолепная дробь чуть не оглушила детей.

Он лупил в барабан в честь своей дочери, а Пеппи забралась к нему на колени и прижалась вымазанной сажей щекой к его подбородку, который тут же стал чёрным.

Анника сидела в углу и о чём-то сосредоточенно думала. Она никак не могла решить, вежливо ли будет, если она выскажет то, что не даёт ей покоя.

– Врать – плохо, – сказала она наконец, собравшись с духом, – так говорит наша мама.

– До чего же ты глупа, Анника, – сказал Томми. – Ведь Пеппи врёт не по-настоящему, а понарошке. Она просто сочиняет всякие сказки, и всё. Неужели ты этого не понимаешь?

Пеппи задумчиво поглядела на Томми.

– Из тебя, Томми, наверно, выйдет великий человек, – сказала она. – Ты так умно рассуждаешь.

Наступил вечер. Томми и Аннике надо было идти домой. Они провели великолепный день, так интересно было увидеть настоящего негритянского короля. А какое это было счастье для Пеппи – вновь найти своего папу! И всё же... и всё же...

Томми и Анника уже лежали в своих постелях, но они не болтали как обычно. В детской царила полная тишина. И вдруг послышался вздох. На этот раз вздохнула Анника.

– Чего это ты развздыхалась, – раздражённо сказал Томми, – только спать мешаешь.

Но Анника не ответила. Она лежала, накрывшись с головой одеялом, и плакала.

Как Пеппи устраивает прощальный пир

Когда на следующее утро Томми и Анника вошли через кухонную дверь в виллу, они услышали чудовищный храп, разносившийся по всему дому. Капитан Длинныйчулок ещё спал. Но Пеппи уже стояла посреди кухни и делала зарядку.

– Ну вот, теперь моё будущее обеспечено, – заявила она, прерывая очередное упражнение. – Теперь я наверняка буду негритянской принцессой. Полгода я буду принцессой, а полгода – морским волком: мы с папой на «Попрыгунье» избородим все моря и океаны. Папа считает, что если очень усердно править на острове полгода, то другое полугодие подданные прекрасно обойдутся без короля. Вы ведь сами понимаете, что старому морскому волку необходимо время от времени постоять на капитанском мостике. Да и обо мне отец тоже должен подумать. Какая из меня получится морская разбойница, если я буду жить только во дворце? Папа говорит, что от такой жизни легко стать неженкой.

– Так ты насовсем отсюда уедешь? – робко спросил Томми.

– Нет, почему же? Вот когда стану пенсионеркой, обязательно опять здесь поселюсь, – возразила Пеппи. – Когда мне стукнет лет пятьдесят или там шестьдесят. Вот тогда мы с вами будем играть и веселиться, слышите!

Но ни Томми, ни Аннику это обещание не утешало.

– Подумать только – негритянская принцесса! – мечтательно проговорила Пеппи. – Нечасто девочки вдруг становятся негритянскими

принцессами. О, какая я буду удивительная, какая нарядная! В ушах кольца, и в носу тоже огромное кольцо.

– А что на тебе будет надето?

– Ничего, ровным счётом ничего! Но ко мне будет приставлен специальный человек, который каждое утро будет мазать меня ваксой, так что я стану такой же чёрной и блестящей, как все негритята. Надо только не забывать выставлять себя каждый вечер за дверью хижины рядом с башмаками, тогда по утрам меня будут чистить вместе с ними.

Томми и Анника попытались представить себе, как будет выглядеть Пеппи, начищенная до блеска чёрной ваксой.

– Ты думаешь, чёрный цвет пойдёт к твоим рыжим волосам? – с сомнением в голосе спросила Анника.

– Поживём – увидим! – беспечно ответила Пеппи. – А если не понравится, выкрашу волосы в зелёный цвет. – Пеппи всё больше вдохновлялась. – Принцесса Пеппилотта! Какая жизнь! Какой блеск! Как я буду танцевать! Принцесса Пеппилотта танцует при свете костра под бой барабанов! Представляете себе, как будут греметь мои кольца в ушах и носу!

– А когда... Когда ты отправишься в путь? – спросил Томми дрогнувшим голосом.

– «Попрыгунья» снимется с якоря завтра утром, – сказала Пеппи.

Все трое довольно долго молчали. Как-то вдруг оказалось, что им больше нечего сказать друг другу. В конце концов Пеппи заявила, перескакивая на новую тему:

– Но сегодня вечером я устраиваю прощальный пир. Прощальный пир – больше я вам ничего не скажу. Все, кто хочет со мной проститься, – милости просим!

Пеппи Длинныйчулок уезжает. Вечером она устраивает в своём домике прощальный пир и приглашает всех, кто хочет с ней проститься!

Эта весть в мгновение ока распространилась среди детворы городка. Многие ребята захотели проститься с Пеппи – тридцать четыре человека, а может быть, и больше. Томми и Анника получили от своей мамы разрешение вернуться домой, когда захотят, – мама сама понимала, что в этот день иначе и быть не может.

Томми и Анника никогда не забудут прощальный пир Пеппи. Вечер выдался на редкость тёплый и тихий, такой, про который говорят: «Какой прекрасный летний вечер!»

Розы в саду пламенели в сумерках, воздух был напоён ароматом цветов, а деревья таинственно шелестели от каждого дуновения ветра. Всё

было бы так удивительно прекрасно, если бы не... Томми и Анника не хотели додумать эту мысль до конца.

Дети, отправляясь к Пеппи, прихватили свои дудки, и теперь они строем шли по дороге и весело дудели. Шествие возглавляли Томми и Анника. Когда они подошли к ступенькам террасы, дверь распахнулась и появилась Пеппи, глаза её сияли, а лицо, покрытое веснушками, расплылось в весёлой улыбке.

– Добро пожаловать в моё скромное жилище! – сказала она, гостеприимно приглашая всех войти.

Анника глядела на Пеппи так пристально, словно навсегда хотела запомнить её облик. Никогда, никогда она не забудет, как Пеппи стояла в тот вечер на пороге своего домика – торчащие в стороны рыжие косички, веснушки, весёлая улыбка и огромные чёрные туфли.

До ребят донеслась глухая барабанная дробь – на кухне сидел капитан Длинныйчулок, зажав между коленей негритянский барабан. Одет он был, как и положено негритянскому королю, – Пеппи специально попросила его об этом, она ведь понимала, что всем ребятам очень захочется поглядеть на живого негритянского короля.

И верно, ребята тут же набились в кухню и обступили короля Эфроима со всех сторон и принялись его разглядывать. «Хорошо, что не пришло ещё больше ребят, а то бы негде было поместиться», – подумала Анника, но в тот же миг в саду заиграла гармонь, и в дверях кухни появился весь экипаж «Попрыгуньи» во главе с Фридольфом – это он играл на гармонии. Оказалось, что днём Пеппи успела сбегать в порт, встретиться со своими старыми друзьями и всех их пригласить на прощальный пир. Увидев Фридольфа, она кинулась ему на шею и так сильно обняла, что бедняга весь посинел. Тогда Пеппи выпустила его из объятий и закричала:

– Музыку! Музыку!

Фридольф заиграл на гармонии, король Эфроим забил в свой барабан, а все дети дудели в свои дудки.

Дверь в чулан была приоткрыта, и там виднелась целая батарея бутылок с лимонадом. На большом кухонном столе стояло пятнадцать тортов со взбитыми сливками, а на плите кипел котёл, полный колбасами.

Король Эфроим первый схватил кусок колбасы. Это послужило сигналом для всех, ребята последовали его примеру, и вскоре все звуки на кухне заглушило дружное чавканье. Потом каждый получил столько кусков торта и столько лимонада, сколько хотел. В кухне было очень тесно, и общество вскоре разбрелось: кто на террасу, кто в сад.

Когда все наелись до отвала, Томми предложил во что-нибудь поиграть. Например, в «Зеркало Джона». Пеппи не знала, как в это играют, но Томми объяснил ей, что кто-нибудь должен быть Джоном и что-нибудь делать, а остальные – повторять за Джоном все его движения.

– Прекрасно, – сказала Пеппи, – совсем не глупая игра. Я буду водить. Став Джоном, она прежде всего полезла на крышу сарая. Для этого

надо было сперва забраться на забор сада, а оттуда можно было на животе переползти на крышу. Пеппи, Томми и Анника столько раз это проделывали, что для них это не составляло никакого труда, но для других ребят это показалось очень трудным. Зато матросы с «Попрыгуньи», привыкшие лазить на мачты, с лёгкостью справились с этой задачей. А вот капитан их был настолько толст, что для него это было делом нелёгким. А кроме того, мочало набедренной повязки за всё цеплялось. Всё же он забрался на крышу сарая, но, правда, долго после этого не мог отдышаться.

– Эту набедренную повязку я окончательно загубил, – сказал мрачно капитан Длинныйчулок.

С крыши сарая Пеппи прыгнула на землю. Многие ребята, особенно те, кто был поменьше, конечно, не решились этого сделать, но Фридольф помог им спуститься – он был очень добрый. Потом Пеппи шесть раз перекувырнулась на траве, и все принялись кувыркаться, но капитан сказал:

– Тебе придётся, дочка, подтолкнуть меня сзади, иначе мне не перекувырнуться.

Так Пеппи и сделала. Но она не рассчитала своих сил и так толкнула своего папу, что он покатился кубарем и никак не мог остановиться: вместо шести раз он перекувырнулся четырнадцать раз!

Затем Пеппи помчалась к дому, взлетела по ступенькам на террасу, тут же вылезла назад через окно, затем на животе проползла к стремянке, которая была прислонена к стене. По стремянке она ловко взобралась на крышу, пробежала по её гребешку, прыгнула на трубу, поджала ногу и закукарекала как заправский петух, а потом перепрыгнула на дерево, которое росло перед домом, опустилась по стволу на землю, побежала в дровяной сарай, схватила топор, вырубил в стене доску, пролезла сквозь эту узкую щель в сад, вскочила на забор, с трудом удерживая равновесие, прошла по нему метров пятьдесят, взобралась на дуб и на самой его верхушке уселась отдыхать.

На дороге перед домиком Пеппи собралась большая толпа любопытных. Эти люди потом всем рассказывали, что видели негритянского короля, который, стоя на одной ноге на трубе, громко кричал «кукареку», но им, конечно, никто не поверил.

Когда капитан Длинныйчулок пролезал в щель в стене сарая, случилось то, что не могло не случиться: он застрял и не мог двинуться ни вперёд, ни назад. Все дети бросили игру и собрались у сарая, чтобы поглядеть, как Фридольф вытаскивает капитана из стены.

– Жалко, это была очень весёлая игра, – с довольным видом сказал

капитан, когда ему наконец удалось высвободиться. – А чем мы теперь займёмся?

– А ну, капитан, – сказал Фридольф, – померьтесь силой с Пеппи, нам так хотелось бы на это поглядеть.

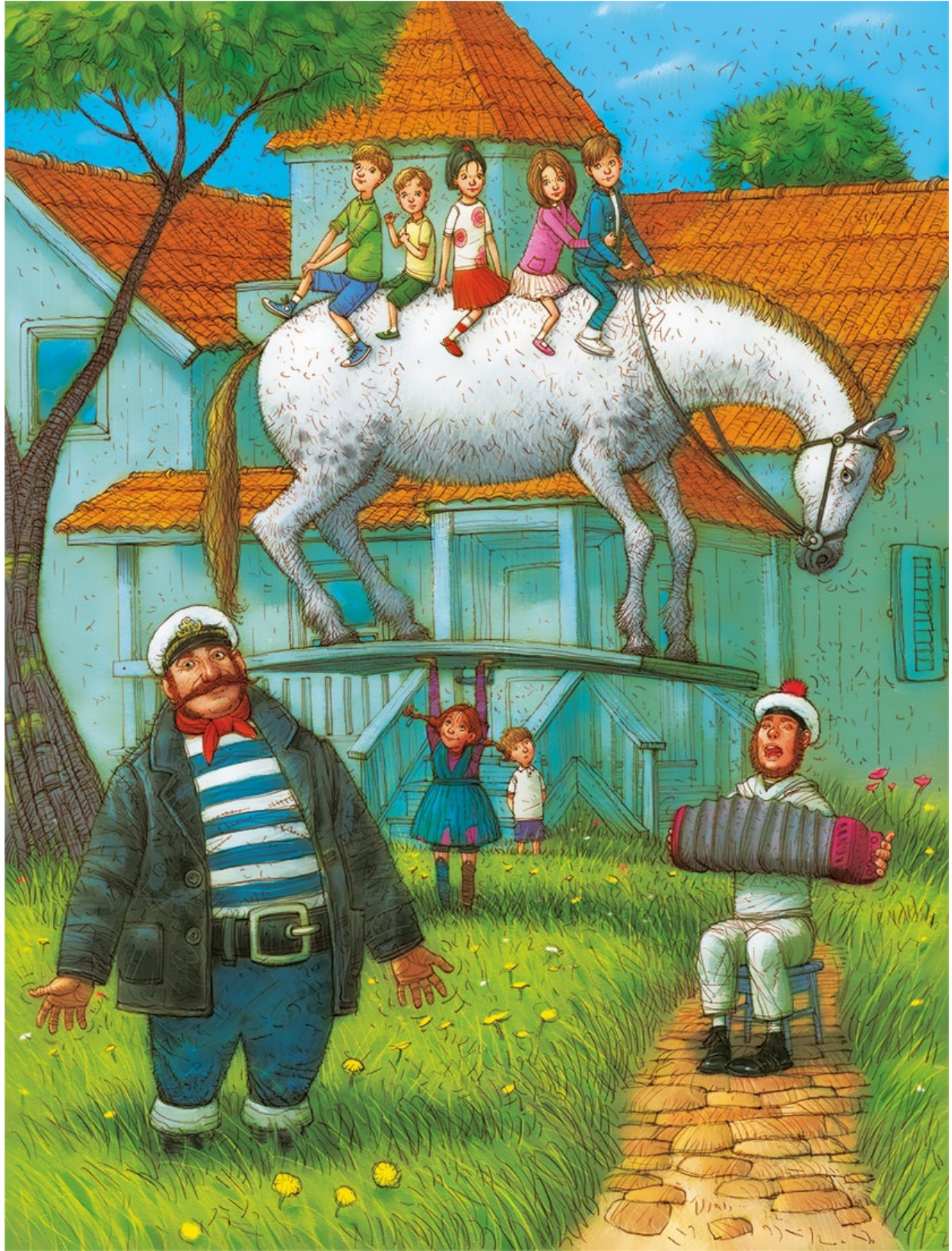
– Отличная мысль! – воскликнул капитан. – Но вот беда – моя дочь становится сильнее меня.

Томми стоял возле Пеппи.

– Пеппи, – шепнул он, – когда ты была Джоном, я очень боялся, что ты полезешь в дупло нашего дуба. Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал про наш тайник, даже если никогда больше не придётся туда лазать.

– Нет, что ты, это будет наш секрет! – успокоила его Пеппи.

Отец Пеппи взял железный лом и согнул его пополам, словно он был из воска. Пеппи взяла другой лом и проделала то же самое.

– Такими вещами, папа, я забавлялась, когда лежала ещё в колыбели, – сказала она, – чтобы хоть как-нибудь скоротать время.

Тогда капитан снял с петель кухонную дверь и положил её на землю. Фридольф и семь других матросов встали на дверь, а капитан поднял её и десять раз пронёс вокруг лужайки.

Тем временем уже совсем стемнело, и Пеппи зажгла несколько факелов – волшебным дрожащим светом озарили они всё вокруг.

– Теперь я! – крикнула Пеппи, когда отец опустил дверь с матросами на землю.

Пеппи поставила на дверь лошадь, усадила Фридольфа и ещё трёх матросов, они взяли к себе на колени по двое детей каждый, причём Фридольф выбрал Томми и Аннику. Когда все заняли свои места, Пеппи легко подняла дверь и пробежала с ней вокруг лужайки двадцать пять раз. Это зрелище при свете факелов было совершенно необычайным.

– Да, дочь моя, – сказал капитан, – ты действительно сильнее меня.

Все сели на лужайку, Фридольф заиграл на гармонии, а матросы стали петь свои прекрасные песни. Потом дети танцевали под музыку, и Пеппи, схватив два факела, танцевала азартнее всех.

Праздник кончился фейерверком. Пеппи стреляла из ракетницы, по небу рассыпались огни, и получались удивительные фигуры всех цветов радуги. Гремели выстрелы ракетницы, трещали разрывающиеся ракеты. Анника сидела на террасе и глядела на небо, озарённое пёстрыми вспышками – это было очень интересно и красиво. Роз она в темноте различить не могла, но ночной воздух был насыщен их благоуханием. Всё было очень хорошо, даже просто волшебно, если бы... если бы не... Аннике казалось, что какая-то ледяная рука схватила её за сердце. Что будет завтра? И все каникулы? И вообще всегда? В вилле «Курица» больше не будет Пеппи, и Господина Нильсона тоже не будет, и на террасе не будет стоять лошадь. Они не будут ездить верхом, не будут ходить с Пеппи на экскурсии, не будут вместе проводить вечера на кухне, не будут лазить на дуб, на котором растут бутылки лимонада. Впрочем, дуб, конечно, останется, но Анника смутно понимала, что с отъездом Пеппи там перестанут расти бутылки лимонада. Что они с Томми будут завтра делать? Играть в крокет? Каждый день играть в крокет? Анника горько вздохнула.

Пир был окончен. Все дети, поблагодарив хозяйку, попрощались и разошлись. Капитан Длинныйчулок отправился со своими матросами на «Попрыгунью». Он считал, что и Пеппи должна пойти с ним. Но Пеппи сказала, что хочет провести эту последнюю ночь в своём домике.

– Завтра ровно в десять утра мы поднимем якорь, смотри не

опаздывай! – крикнул капитан уже с дороги.

И вот Пеппи, Томми и Анника остались одни. Они сели на ступеньки террасы и долго молчали.

– Вы можете приходить сюда и играть здесь, – прервала наконец молчание Пеппи. – Я повешу ключ на гвоздь за дверью. Вы можете брать всё, что лежит в ящиках моего секретера. И я поставлю стремянку к дубу, чтобы вы могли и без меня на него взбираться. Боюсь, правда, что бутылки лимонада на нём расти не будут – год выдался неурожайный.

– Нет, Пеппи, – серьёзно сказал Томми, – мы никогда больше сюда не придём.

– Никогда, никогда, – подхватила Анника и подумала, как тяжело ей будет проходить мимо домика Пеппи.

Вилла «Курица» без Пеппи – это и представить себе было невозможно, и снова Анника почувствовала, что её сердце сжимает холодная рука.

Как Пеппи отправляется в плавание

Пеппи тщательно заперла дверь своего домика, а ключ, как обещала, повесила на гвоздь за дверью. Потом она снесла с террасы лошадь – в последний раз сносила она её с террасы! Господин Нильсон уже сидел на её плече, и вид был у него растерянный. Он прекрасно понимал, что происходит что-то серьёзное.

– Пожалуй, всё готово, больше делать нечего, – сказала Пеппи.

Томми и Анника кивнули. И в самом деле, всё было готово.

– Ещё много времени, – сказала Пеппи, – пойдёмте пешком, чтобы не приходить слишком рано.

Томми и Анника снова молча кивнули, и все они двинулись в город. В порт. Туда, где стояла «Попрыгунья». Лошадь трусила рядом с ними.

Пеппи бросила прощальный взгляд на виллу «Курица».

– Милая развалюха, – сказала она, – блох в ней нет, и вообще жить там было прекрасно. Не знаю, смогу ли я это сказать о негритянской хижине, где мне теперь придётся поселиться.

Томми и Анника по-прежнему молчали.

– Если в моей хижине будет много блох, – продолжала Пеппи, – то я начну их дрессировать. Я помещу их в коробку из-под папирос, а по вечерам буду с ними играть в «Последняя пара, беги». Может быть, мне даже удастся повязать им на лапки бантики. А двух самых верных и милых блох я назову «Томми» и «Анника». И они будут спать со мной в постели.

Но и после этого рассказа Томми и Анника продолжали молчать.

– Что это на вас нашло? – рассердилась Пеппи. – Имейте в виду, что молчать так долго просто опасно. Если язык не двигается, он быстро вянет. В Калькутте я встретила однажды одного кафельщика, он всё молчал и молчал. И вот с ним случилось то, чего не могло не случиться. Как-то раз он должен был мне сказать: «Прощай, милая Пеппи, счастливого тебе пути, благодарю тебя за время, которое мы провели вместе!» А теперь угадайте, что случилось? Он попытался выговорить эту фразу, но не смог, лицо его исказилось в страшной гримасе, потому что все косточки челюсти заржавели, и мне пришлось смазать его машинным маслом. И тогда рот его открылся и он с трудом пролепетал: «У бу у му». Я поглядела ему в рот, и знаете, что я увидела? Язык, похожий на увядший лист! И до самой смерти он, бедняга, не смог произнести ничего, кроме «У бу у му». Будет очень печально, если с вами случится то же самое. Попробуйте, пока не поздно, быть может, вам ещё удастся выговорить: «Счастливого пути, милая Пеппи, спасибо за то время, которое мы провели вместе!»

Ну, попробуйте!

– Счастливого пути, милая Пеппи, спасибо за то время, которое мы провели вместе, – печально сказали Томми и Анника.

– Какое счастье, прямо гора с плеч свалилась, – воскликнула Пеппи, – вы меня так испугали! Если бы у вас получилось «У бу у му», я бы просто не знала, что делать.

Тем временем они добрались до порта. «Попрыгунья» стояла на якоре. Капитан Длинныйчулок отдавал с мостика последние приказания. Матросы так и сновали взад-вперёд по палубе. На причале собрались почти все жители этого маленького городка, чтобы попрощаться с Пеппи. И вот появилась она сама в сопровождении Томми, Анники, лошади и Господина Нильсона.

– Идёт Пеппи Длинныйчулок! Пропустите Пеппи! – раздавались голоса в толпе, и все расступались, чтобы пропустить Пеппи.

Пеппи раскланивалась и кивала. Потом она взяла на руки лошадь и понесла её по сходням. Несчастное животное недоверчиво озиралось по сторонам, потому что ему уже давно не приходилось ступать на палубу корабля.

– Ну вот и ты, моё дорогое дитя! – воскликнул капитан Длинныйчулок и перестал на мгновение выкрикивать команды, чтобы обнять Пеппи. Он прижал дочку к груди, и они стали похлопывать друг друга по спине так, что кости затрещали.

Всё утро Анника ходила с каким-то комком в горле. А когда она увидела, как Пеппи понесла на «Попрыгунью» лошадь, комок разошёлся, и она заплакала, уткнувшись в старый ящик, который стоял на причале. Сперва она плакала тихо, но постепенно её плач перешёл в громкие всхлипывания.

– Не реви! – раздражённо сказал Томми. – Стыдно перед людьми.

Но от этих слов Анника заревела пуще прежнего. Она плакала так сильно, что стала даже икать. Томми в сердцах пнул ногой камень, он покатился по причалу в воду. Собственно говоря, ему очень хотелось бросить этот камень в «Попрыгунью». Эта отвратительная шхуна увозит Пеппи! Честно говоря, если бы не люди вокруг, Томми тоже, наверное, заревел бы, но он не мог себе этого позволить. Поэтому он и пнул камень.

Пеппи сбежала со сходен и подошла к Томми и Аннике. Она взяла их за руки и сказала:

– Осталось десять минут.

Анника, услышав это, ещё крепче прижалась к ящику и редела так, что, глядя на неё, сердце разрывалось. Томми не нашёл больше камня, чтобы пнуть его ногой, поэтому ему не оставалось ничего другого, как покрепче стиснуть зубы. Вид у него был весьма мрачный.

Пеппи окружили ребята – все дети этого города пришли её провожать. Они захватили с собой дудки и играли теперь прощальный марш. Однако звучал он не весело, а очень-очень печально. Анника так рыдала, что едва стояла на ногах. Тут Томми вспомнил, что он сочинил стихи в честь Пеппи. Он вынул из кармана бумажку и прочёл по ней:

Дорогая наша Пеппи,
Уезжая в дальний край,
Про друзей, что оставляешь,
Никогда не забывай!
Твои верные друзья —
Это Анника и я.

– Прекрасно! Как всё складно! – воскликнула Пеппи, очень довольная стихами. – Я выучу их наизусть и по вечерам, сидя у костра, буду читать

жителям острова.

Со всех сторон теснились ребята, чтобы попрощаться с Пеппи. Пеппи молча жала руки и кланялась. И вдруг она заговорила.

– Ребята, – сказала она, – отныне я буду играть только с маленькими негритятами. Во что мы будем играть – я ещё не знаю. Быть может, будем бегать наперегонки с удавами и ездить верхом на слонах или качаться на качелях под пальмами. Я надеюсь, что мы придумаем какие-нибудь очень интересные игры.

Пеппи сделала паузу. Томми и Анника почувствовали, что уже готовы возненавидеть этих негритят, которые будут играть с Пеппи.

– Но, – продолжала Пеппи, – быть может, настанет день, скучный день в сезон дождей, когда нам надоест прыгать раздетыми под дождём, а ничего другого для забавы не сумеем придумать. И тогда мы залезем в мою хижину, и кто-нибудь из негритят обязательно скажет: «Пеппи, расскажи нам что-нибудь!» И тогда я расскажу им о маленьком городке, который находится далеко-далеко, в другой части света, и о белых детях, которые там живут! Вы не можете себе представить, скажу я негритятам, какие прекрасные дети там живут. Они великолепно умеют дудеть в дудки, а главное – они знают помножение. И тогда негритята очень огорчатся, что сами не знают помножения, и будут горько плакать, и мне придётся срочно придумать для них какое-нибудь очень весёлое занятие, чтобы их утешить. И тогда я разломаю стенку своей хижины, размочу под дождём глину, и мы будем лепить пряники, а потом перемажемся глиной с головы до пят. Я надеюсь, что в конце концов мне удастся их как-нибудь утешить. А теперь спасибо вам всем и прощайте!

Ребята снова задудели в свои дудки, и получился мотив ещё более печальный, чем в первый раз.

– Пеппи, подымайся на борт, уже пора! – крикнул капитан Длинныйчулок.

– Иду, иду, капитан.

Она обернулась к Томми и Аннике и поглядела на них.

«Что-то у Пеппи странные глаза, – подумал Томми, – точь-в-точь такие, какие были у мамы, когда я тяжело заболел».

Пеппи обняла Аннику.

– Прощай, Анника, прощай! – прошептала она. – Не плачь!

Анника обхватила Пеппи за шею и издала какой-то жалобный стон.

– Прощай, Пеппи, – чуть слышно проговорила она.

Потом Пеппи крепко пожала руку Томми и бросилась к сходням. У Томми по носу скатилась большая слеза. Он что было сил стискивал

зубы, но это перестало помогать. Вот выкатилась и вторая. Тогда он взял Аннику за руку, и они стояли и глядели на Пеппи. Она замахала им с палубы, но они её едва видели, потому что глаза их были полны слёз.

– Да здравствует Пеппи Длинныйчулок! – кричала толпа на причале.

– Поднять трап! – скомандовал капитан.

Фридольф выполнил команду. «Попрыгунья» была готова к отплытию. Но тут...

– Нет, папа Эфроим! – воскликнула вдруг Пеппи. – Так не годится! Я не согласна!

– С чем ты не согласна, дочь моя? – удивился капитан.

– Я не согласна с тем, чтобы хоть кто-нибудь на свете плакал из-за меня и чувствовал бы себя несчастным. И уж, во всяком случае, я не согласна, чтобы это были Томми и Анника. Ставьте трап назад. Я останусь жить в вилле «Курица».

Капитан Длинныйчулок долго молчал.

– Ты можешь поступать как хочешь, – сказал он в конце концов. – Ты всегда так поступала.

Пеппи кивнула в подтверждение.

– Да, верно, я всегда так поступала.

Пеппи стала прощаться со своим папой. Они обняли друг друга так крепко, что снова затрещали кости. И договорились, что капитан часто, очень часто будет навещать Пеппи в её домике.

– И вообще, папа Эфроим, разве ты не считаешь, что ребёнку лучше вести оседлую жизнь, иметь свой дом, чем бороздить моря и океаны и жить в негритянской хижине?

– Ты, как всегда, права, дочь моя, – согласился капитан. – Конечно, здесь ты ведёшь размеренную жизнь, и это тебе не удастся, если будешь плавать со мной. А для маленьких детей очень важно вести размеренную жизнь.

– Вот именно, – подхватила Пеппи. – Для маленьких детей совершенно необходимо, чтобы жизнь шла по заведённому порядку, а главное, чтобы этот порядок завели они сами!

Пеппи попрощалась со всеми матросами экипажа и ещё раз обняла папу Эфроима. Потом она снова схватила свою лошадь и донесла её вниз по трапу. «Попрыгунья» подняла якорь. В самую последнюю секунду капитан вспомнил, что забыл очень важную вещь.

– Пеппи, – закричал он, – боюсь, что у тебя осталось мало золотых монет! Держи-ка!

И он кинул с палубы отчалившего корабля новый чемодан, набитый

золотом. Но он не рассчитал, «Попрыгунья» уже успела далеко отойти от причала, и чемодан упал в воду. Плём! Шёпот пробежал по толпе. Но тут снова слышалось – плём! Это Пеппи бросилась в воду и тут же вынырнула, держа в зубах чемодан. Она вылезла на причал и рукой смахнула водоросли, которые застряли в её волосах.

– Что ж, весьма кстати, а то мой чемодан был уже почти пуст.

Только Томми и Анника всё никак не могли понять, что же произошло. Они стояли, разинув рты, и глядели то на Пеппи, то на лошадь, то на Господина Нильсона и на чемодан, то на «Попрыгунью», которая, подняв все паруса, уходила вдаль.

– Ты, ты... ты осталась? – спросил наконец неуверенно Томми.

– Как будто, – ответила Пеппи и принялась выжимать свои рыжие косички.

Потом она посадила на лошадь Томми, Аннику и Господина Нильсона, водрузила на неё чемодан и села сама.

– Поехали домой! – крикнула она звонким голосом.

Тут только Томми и Анника поняли, что произошло. Томми был так счастлив, что запел свою любимую песню:

Шагают шведские солдаты...

Аника так много плакала, что никак не могла успокоиться. Она непрерывно вздыхала, но теперь уже от счастья. Пеппи обхватила её обеими руками, и Аника чувствовала себя в полной безопасности. Как всё было прекрасно!

– Что мы сегодня будем делать, Пеппи? – спросила Аника, когда перестала вздыхать.

– Ясное дело, играть в крокет, – ответила Пеппи.

– Очень хорошо, – обрадовалась Аника, потому что знала, что с Пеппи даже играть в крокет не скучно.

– А может быть... – предложила Пеппи.

Все дети, провожавшие Пеппи, побежали за лошадью, чтобы услышать, что Пеппи скажет.

– А может быть, – продолжала она, – мы отправимся к речке и будем ходить по воде.

– Нельзя ходить по воде, – возразил Томми.

– Напрасно ты так думаешь. На Кубе я как-то встретила одного рыбака, который...

Лошадь побежала галопом, дети отстали и так и не услышали рассказ про рыбака, который... Но они долго стояли и глядели вслед Пеппи и её лошади, во весь опор мчавшейся в сторону виллы «Курица». Под конец они видели только стремительно удаляющуюся точку, а потом исчезла и она.

Пеппи в стране Веселии

Как у Пеппи покупают виллу «Курица»

Городок наш, как вы знаете, небольшой, зато очень уютный – узенькие улочки, мощённые булыжником, невысокие аккуратные домики с палисадниками и много-много цветов. Всякий человек, который случайно попадал в город, не мог не подумать, что здесь, наверное, очень спокойно и приятно жить. Правда, особых достопримечательностей у нас нет, только два места достойны внимания приезжих: краеведческий музей да старый курган – и всё. Впрочем, жители города очень гордятся этими достопримечательностями и поэтому повесили указатели, чтобы каждый приезжий знал, куда ему прежде всего следует идти. На одной стрелке написано крупными буквами: «К краеведческому музею»; на другой – «К кургану».

Но есть в городе ещё и третий указатель – тоже стрелка и надпись «К вилле «Курица»». Правда, этот указатель появился только недавно. Дело в том, что в последнее время почти все приезжие спрашивают, как пройти к вилле «Курица». Собственно говоря, этой виллой интересуются теперь больше, чем краеведческим музеем или курганом.

Однажды в ясный летний день наш городок посетил некий господин. Сам он жил в очень большом городе и поэтому вообразил, что он куда более важный и благородный, чем все жители нашего крохотного городка. К тому же он очень гордился своими начищенными до блеска ботинками и широким золотым кольцом на пальце. Может быть, и удивляться нечего,

что он считает себя чуть ли не самым умным на свете.

Проезжая по нашим улицам, он что было мочи сигналил, чтоб все слышали, что это он едет.

Когда же этот господин увидел указатели, губы его скривились в усмешку.

– «К краеведческому музею». Нет уж, благодарю покорно! – пробормотал он себе под нос. – Эта забава не для меня. «К кургану», – прочёл он на втором указателе. – Час от часу не легче! – Потом он увидел третью стрелку и воскликнул: – А это ещё что за глупости! Надо же придумать такое дурацкое название!

Он не мог прийти в себя от удивления. Вилла ведь не может быть достопримечательностью вроде краеведческого музея или кургана. «Наверное, этот указатель повесили по другой причине», – думал он. В конце концов он нашёл единственно возможное объяснение: эта вилла, должно быть, продаётся, и указатель, видно, повешен для того, чтобы те, кто хочет её купить, знали бы, куда надо идти. Господин этот давно уже подумывал, что ему пора купить виллу в каком-нибудь маленьком городке, где не так шумно, как в большом городе. Конечно, он не собирался переезжать в такой городок навсегда, но мог бы время от времени наезжать туда, чтоб отдохнуть. К тому же в маленьком городке его благородство и изысканные манеры будут куда заметнее, чем в большом городе. И он принял решение немедленно отправиться поглядеть на эту виллу.

Спрашивать дорогу ему не пришлось, он поехал в указанном стрелкой направлении. Он пересёк весь город и оказался на самой окраине. Но того, что искал, так и не обнаружил. И, уже потеряв всякую надежду найти виллу, он вдруг заметил на ветхой калитке сада белый листок, на котором красным карандашом было написано: «Вилла «Курица».

За калиткой он увидел большой запущенный сад – старые деревья, поросшие мхом, лужайки с неподстриженным газоном и много-много цветов, которые росли не на клумбах, а там, где им заблагорассудится. В глубине сада виднелся дом. Но боже, что это был за дом! Он выглядел так, словно развалится вот-вот на глазах.

Солидный господин глядел на дом и вдруг даже присвистнул от удивления. На террасе дома стояла лошадь. Господин этот не привык видеть лошадей на террасах. Вот почему он и свистнул.

На ступеньках террасы на солнцепёке сидели трое детей. Посередке веснушчатая девочка с двумя ярко-рыжими косичками, торчащими в разные стороны. Слева от неё примостилась маленькая светловолосая девчушка, очень милая с виду, в синем клетчатом платье, а справа –

аккуратно причёсанный мальчик. На плече у рыжеволосой девчонки сидела обезьяна.

Солидный господин удивлялся всё больше и больше. Должно быть, он всё-таки ошибся и попал не туда. Не может же здравомыслящий человек полагать, что кто-нибудь купит такую развалюху.

– Эй, дети! – крикнул он. – Неужели эта лачуга действительно вилла «Курица»?

Рыжая девочка вскочила и подбежала к калитке. Мальчик и вторая девочка нерешительно двинулись за ней.

– Ты что, в рот воды набрала? – спросил господин, поскольку рыжая девчонка так и не ответила на его вопрос. – Скажи мне наконец, это в самом деле вилла «Курица»?

– Дай мне подумать, – проговорила девчонка и глубокомысленно покачала головой. – Краеведческим музеем это, пожалуй, не назовёшь. Курган? Нет, это не курган. Всё ясно. Теперь я знаю, – завопила она, – это в самом деле вилла «Курица»!

– Отвечай как полагается, – огрызнулся господин и вышел из машины.

Он решил всё же зайти посмотреть дом и сад.

– Дом этот, конечно, можно снести и построить новый, – рассуждал он сам с собой.

– Прекрасная мысль! – воскликнула рыжая девчонка. – Что ж, тут же перейдём от слов к делу, – добавила она, подбежала к дому и оторвала с фасада одну из досок.

Но господин не обратил на неё никакого внимания. Он вообще-то не интересовался детьми и их дурацкими выходками, к тому же теперь он был занят делом – ему надо было всё как следует рассмотреть. Сад, несмотря на свою запущенность, был всё же великолепен и выглядел сейчас, в этот ясный солнечный день, на редкость привлекательно. Если построить здесь новую виллу, подстричь газон и проложить дорожки, если разбить хорошие клумбы и посадить цветы как положено, то, пожалуй, получится настоящая загородная вилла, в которой даже такой солидный господин, как он, сможет отдыхать, не уронив своего достоинства. И он принял окончательное решение: купить этот дом.

Продолжая расхаживать по саду, солидный господин придумывал всё новые и новые усовершенствования. Само собой разумеется, эти замшелые деревья придётся тут же срубить. Он остановился возле огромного широкоствольного дуба, который шатром раскинул зелёную крону над домиком.

– Его я прикажу срубить первым, – заявил господин решительным

голосом.

Маленькая девочка в клетчатом платице испуганно вскрикнула:

– Ой, Пеппи, слышишь, что он говорит?

А рыжая девчонка тем временем усердно скакала по лягушечьи.

– Да, это решено. Вот с этого трухлявого дуба я и начну приводить сад в порядок, – продолжал сам с собой говорить приехавший господин.

Маленькая девочка в клетчатом платице умоляюще протянула к нему руки.

– Нет, нет, вы не должны этого делать, – прошептала она. – Это ведь такой... такой хороший дуб, на него так легко влезать. И ещё у него такое большое дупло, и там можно прятаться.

– Что за глупости! – отбрил её господин. – Я же не лазаю по деревьям и, как ты сама понимаешь, не собираюсь прятаться в дупле.

Аккуратно причёсанный мальчик тоже подошёл к господину. Видно было, что и он очень встревожен.

– Послушайте, – сказал он с мольбой, – на этом дубе растёт лимонад. И шоколад тоже. По четвергам. Не надо его срубать.

– Милые дети, – сказал господин, – мне кажется, вы слишком долго сидели на солнце, и у вас зашёл ум за разум. Впрочем, меня всё это не касается. Я решил купить этот дом и сад. Вы не можете мне сказать, где мне найти хозяина?

Маленькая девчушка в клетчатом платице принялась плакать, а аккуратно причёсанный мальчик побежал к рыжеволосой девочке, которая с невозмутимым видом продолжала скакать по дорожке.

– Пеппи, Пеппи! – закричал он. – Разве ты не слышишь, что он говорит? Почему ты ничего не делаешь?

– Как это я ничего не делаю! – возмутилась рыжеволосая девочка и запела: – «Вот лягушка по дорожке скачет, вытянувши ножки...» Я, можно сказать, выбиваюсь из сил, а ты говоришь, что я ничего не делаю. Попрыгай-ка лучше сам, тогда увидишь, какое это замечательное занятие.

Всё же она встала и подошла к приезжему господину.

– Меня зовут Пеппи Длинныйчулок, – заявила она. – А это вот Томми и Анника, – добавила она, указывая на своих товарищей. – Не можем ли мы быть вам чем-нибудь полезными? Не подсобить ли вам сломать этот дом, или срубить эти деревья, или ещё что-нибудь другое сделать? Скажите только слово, мы к вашим услугам!

– Меня совершенно не интересует, как вас зовут, – ответил солидный господин. – Я хочу знать только одно: где мне найти хозяина? Я решил купить этот дом.

Рыжеволосая девчонка, которую, как мы знаем, звали Пеппи Длинныйчулок, снова начала прыгать по дорожке.

– К сожалению, как раз сейчас хозяин занят, – сказала она и запрыгала с ещё большим азартом, чем прежде. – Он занят очень важным делом, – добавила она и запрыгала вокруг господина. – Но вы сядьте и подождите – она придёт.

– Она! Значит, здесь хозяйка женщина? – спросил господин с очень довольным видом. – Это куда лучше. Ведь женщины ничего не понимают в делах. Надеюсь, мне удастся купить этот дом за гроши.

– Надейтесь, надейтесь, – сказала Пеппи.

Поскольку сесть было некуда, господин после минутного раздумья всё же сел на краешек ступеньки. Маленькая обезьянка в тревоге заметалась по карнизу террасы. Томми и Анника – эти милые и аккуратные дети – испуганно стояли поодаль и не спускали глаз с господина.

– Вы здесь живёте? – спросил он.

– Нет, – сказал Томми, – мы живём в соседнем доме.

– Но мы сюда приходим каждый день играть, – преодолевая смущение, добавила Анника.

– Ну, этому я быстро положу конец, – заявил господин. – Я не позволю детям бегать по моему саду. Пожалуй, на свете нет ничего противнее детей.

– Совершенно с вами согласна, – сказала Пеппи и даже на мгновение перестала прыгать. – Всех детей надо бы перестрелять.

– Как ты можешь так говорить? – ужаснулся Томми.

– Да, да! Надо перестрелять всех детей, – настаивала Пеппи. – Но увы, это сделать нельзя, потому что откуда тогда возьмутся всякие важные дяденьки? А без них ведь никак не обойтись.

Господин поглядел на рыжие волосы Пеппи и решил пошутить.

– Скажи, – спросил он, – что общего между тобой и коробкой спичек?

– Не знаю, – сказала Пеппи, но не удивилась.

Господин дёрнул Пеппи за рыжую косу.

– У вас у обеих, – сказал он и заранее расхохотался, – пламя на голове!

– Чего только не приходится выслушивать, прямо уши вянут, – сказала Пеппи. – Но уж теперь я буду беречь свои уши.

Господин поглядел на неё и сказал:

– Знаешь что, я, пожалуй, за всю свою жизнь не видел более отвратительной девочки.

– Зато ты красавец, – отрезала Пеппи. – Но я не думаю, что людям достаточно взглянуть на тебя, чтобы быть счастливыми.

Видно было, что господин не на шутку рассердился, но промолчал.

Пеппи тоже молчала и глядела на него, склонив голову набок.

– Послушай, – сказала она наконец, – а ты знаешь, что общего между тобой и мной?

– Между тобой и мной? – переспросил господин. – Надеюсь, что между мной и тобой нет ничего общего.

– Ошибаешься! – воскликнула Пеппи. – Оба мы пригожие – на свинью похожие! Только, чур, не я!

Томми и Анника тихонько захихикали, а солидный господин покраснел от гнева.

– Гадкая, наглая девчонка! – завопил он. – Я тебя научу, как надо себя вести!

Он протянул свою толстую руку, чтобы схватить Пеппи, но она ловко отпрыгнула в сторону, а секунду спустя уже сидела на ветке дуба. У господина глаза на лоб полезли от удивления.

– Ну, так когда ты начнёшь меня учить? – спросила Пеппи и поудобнее устроилась на ветке.

– Успеется. Мне не к спеху, – заявил господин.

– Вот и отлично, – сказала Пеппи, – потому что я собираюсь просидеть здесь на дереве до середины ноября.

Томми и Анника засмеялись и захлопали в ладоши. Но этого им не следовало бы делать. Потому что солидный господин был уже вне себя от ярости, и так как он не мог поймать Пеппи, то схватил за шиворот Аннику и закричал:

– Что ж, придётся проучить тебя! Уверен, что и тебе будет полезна хорошая взбучка.

Анника, которой никто никогда не давал взбучек, завизжала от испуга. В это мгновение Пеппи соскочила с дерева. Одним прыжком она оказалась возле господина.

– Знаешь что, прежде чем ты начнёшь драться, я, пожалуй, поиграю с тобой в мяч.

Так она и сделала. Она обхватила толстого солидного господина поперёк туловища и несколько раз подбросила его в воздух, потом на вытянутых руках понесла его к машине и швырнула на заднее сиденье.

– Я думаю, нам лучше отложить продажу этой лачуги на какой-нибудь другой день, – заявила она. – Видишь ли, я продаю свой дом только один раз в неделю и никогда не занимаюсь этим в пятницу. Ведь в пятницу нужно думать о том, как провести субботу и воскресенье, поэтому я обычно продаю его только по понедельникам, а по пятницам я занимаюсь уборкой. Всему своё время.

Господин с трудом пересел к рулю и дал полный газ, чтобы побыстрее отсюда убратся. Он был очень рассержен и огорчён ещё и тем, что ему не удалось поговорить с хозяйкой виллы. Теперь он решил во что бы то ни стало купить этот участок, чтобы выгнать оттуда детей.

На площади он остановил машину и спросил у полицейского:

– Не можете ли вы мне помочь встретиться с дамой, которой принадлежит вилла «Курица»?

– С большим удовольствием, – ответил полицейский и тотчас сел в автомобиль. – Поворачивайте назад к вилле, – сказал он.

– Хозяйки там нет, – возразил господин.

– Вы ошибаетесь, она наверняка там, – заверил его полицейский.

С полицейским солидный господин чувствовал себя в безопасности и повернул назад. Уж очень ему не терпелось поговорить с хозяйкой виллы «Курица».

– Вот дама, которой принадлежит эта вилла, – сказал полицейский и указал на дом.

Благородный господин поглядел туда, куда ему указал полицейский, схватился за лоб и застонал – на ступеньках террасы стояла рыжая девчонка, эта самая отвратительная Пеппи Длинныйчулок, и на вытянутых руках держала лошадь. Обезьянка сидела на плече у Анники.

– Эй, ребята, глядите! – крикнула Пеппи. – Вернулся наш спугулянт.

– Не спугулянт, а спекулянт, – поправила её Анника.

Солидный господин растерянно глядел на детей.

– Неужели... это вот... и есть хозяйка виллы? – спросил он упавшим голосом. – Помилуйте, это всего-навсего девчонка.

– Да, – подтвердил полицейский. – Всего-навсего девчонка. Но это самая сильная девчонка в мире, и живёт она здесь совсем одна.

К калитке рысцой подбежала лошадь, на ней верхом сидела вся троица. Пеппи поглядела на солидного господина и сказала:

– Слушай, было очень весело, когда ты загадывал мне загадки, а теперь я тебе загадаю. Скажи, какая разница между моей лошадью и моей обезьянкой?

Честно говоря, сейчас господин меньше всего был расположен отгадывать загадки, но он почувствовал такое уважение к силе Пеппи, что не решился промолчать.

– Ты спрашиваешь, какая разница между твоей лошадью и твоей обезьянкой? Нет, к сожалению, этого я тебе сказать не могу.

– Ещё бы! На этот вопрос не так-то просто ответить, – сказала Пеппи. – Но я тебе подскажу. Если ты увидишь их обеих под деревом, а потом кто-то из них вскарабкается на его верхушку, то можешь быть совершенно уверен, что лошадь осталась внизу.

Солидный господин взялся за руль, снова дал полный газ и больше никогда-никогда не приезжал в наш маленький городок.

Как Пеппи подбадривает тётю Лауру

Как-то раз после обеда Пеппи разгуливала по своему саду, с нетерпением поджидая Томми и Аннику. Время шло, но ни Томми, ни Анника не появлялись. Тогда Пеппи решила сама отправиться к ним и выяснить, почему они задержались. Она нашла своих друзей в беседке возле дома. Они сидели за столом с мамой фру Сёттергрэн и старой тётей, которая пришла их навестить. Дамы пили кофе, а дети сок. Томми и Анника бросились навстречу Пеппи.

– К нам в гости пришла тётя Лаура, – объяснил Томми. – Поэтому мы не смогли уйти из дому.

Пеппи раздвинула листву, заглянула в беседку и воскликнула:

– Ой, до чего же это хорошая тётя! Я должна обязательно с ней поговорить. Я просто обожаю вот таких старых тётъ.

Аника с некоторой опаской поглядела на Пеппи.

– Видишь ли, Пеппи... я думаю... что лучше тебе не разговаривать с тётей, – нерешительно сказала она.

Дело в том, что в прошлый раз, когда приходила тётя Лаура, Пеппи болтала без умолку, и маме Анники пришлось даже её отчитать. А Анника не хотела, чтобы Пеппи ещё раз сделали замечание.

– Так, по-твоему, я не должна разговаривать с тётей Лаурой? –

обиженно спросила Пеппи. – Нет, дудки, этого не будет! Я знаю, как надо себя вести, когда приходят гости. Я не хочу быть невежливой и тупо молчать. Она ещё, чего доброго, решит, что я на неё за что-то обижена.

– А ты уверена, Пеппи, что знаешь, как надо разговаривать с тётями? – не унималась Анника.

– Ещё бы! Это дело нехитрое. Тётей надо подбадривать, вот и весь секрет, – с торжеством заявила Пеппи. – Погоди, я и тебя этому сейчас научу.

Пеппи решительным шагом направилась к беседке. Прежде всего она поздоровалась с фру Сёттергрэн, потом остановилась перед старой дамой и долго её разглядывала, высоко подняв брови.

– До чего же здоровый вид у тёти Лауры, – сказала она наконец. – Никогда она ещё не выглядела так прекрасно. Могу ли я получить немного соку, чтобы у меня не пересохло в горле, когда у нас завяжется беседа?

Последние слова были обращены к маме Анники и Томми. Фру Сёттергрэн налила в стакан соку и протянула его Пеппи, но при этом сказала:

– Дети должны вести себя за столом так, чтобы их не было слышно.

– Как же это может быть? – изумилась Пеппи. – Ведь у вас, я надеюсь, есть не только глаза, но и уши. И если мой вид доставляет радость глазам, то несправедливо лишать ваши уши такого же удовольствия. Нельзя ведь допустить, что уши даны человеку только для того, чтобы он ими хлопал.

Фру Сёттергрэн не стала отвечать Пеппи, а обернулась к пожилой даме.

– Как вы себя чувствуете, дорогая тётя Лаура? – участливо спросила она.

Лицо тёти Лауры приняло озабоченное выражение.

– Ах, что-то последнее время я чувствую себя неважно, – сказала она и вздохнула. – Я стала такая нервная, волнуюсь по малейшему поводу...

– Точь-в-точь как моя бабушка, – перебила её Пеппи и энергичным движением обмакнула сухарь в фруктовый сок. – Она тоже вдруг стала очень нервной и тоже волновалась по самым пустякам. Вот, к примеру, шла она как-то по улице, и вдруг ей на голову упал кирпич. Ей бы идти спокойно дальше, а она начала кричать, прыгать, метаться. В общем, подняла такой шум, что можно было подумать, будто случилось несчастье. Или ещё другой случай: как-то раз она пошла с папой на бал, и там они танцевали танго. Папа мой очень сильный, и он как-то случайно так толкнул бабушку, что она перелетела через весь зал и наскочила на контрабас. И что вы думаете? Она сохранила спокойствие? Нет, опять

принялась орать, метаться и подняла такой тарарам, что папе пришлось взять её за шиворот и высунуть в окно, чтобы она отдышалась, успокоилась и перестала нервничать. Но и это не помогло. Бабушка не унималась и вопила как оглашенная: «Тащи меня назад!» И конечно, папа выполнил этот каприз. Не швырять же её с пятого этажа на улицу. Сами понимаете, это не было бы ей приятно. Но папа понял, что не так-то легко отучить старуху капризничать из-за пустяков, и очень огорчился. Да, что и говорить, трудно иметь дело с людьми, у которых нервы пошаливают!

Пеппи с сочувствием вздохнула и схватила новый сухарь.

Томми и Анника беспокойно ёрзали на своих стульях, тётя Лаура как-то неопределённо трясла головой, а фру Сёттергрэн поспешно сказала:

– Я надеюсь, тётя Лаура, что скоро вы почувствуете себя лучше.

– О да, в этом можно не сомневаться, – успокоила её Пеппи, – потому что и бабушке моей стало куда лучше. Она принимала очень хорошие успокаивающие средства и почти совсем выздоровела.

– Какие успокаивающие средства? – с интересом спросила тётя Лаура.

– Лисий яд, – ответила Пеппи. – Раз в день по столовой ложке. Лучшего средства нет на свете! Это я вам говорю. После того как бабушка начала глотать лисий яд, она пять месяцев сидела не шелохнувшись и не вымолвила ни слова. Стала тихая, как мышка. Одним словом, совсем поправилась. И что бы ни случилось, она никогда уже больше не шумела и не кричала. Хоть сотня кирпичей упади ей на голову, она и с места не сдвинется – сидит себе да посиживает. Так что я уверена, что и вы, тётя Лаура, поправитесь.

Томми подошёл к тёте Лауре и шепнул ей на ухо:

– Не обращайтесь на неё внимания, тётя Лаура, Пеппи всё выдумывает. У неё и бабушки-то никакой нет.

Тётя Лаура понимающе кивнула. Но у Пеппи был острый слух, и она расслышала, что шепнул Томми.

– Томми прав, – сказала она. – Никакой бабушки у меня нет. Да и на что она мне нужна, раз она такая нервная.

Тётя Лаура обратилась к фру Сёттергрэн:

– Знаешь, я вчера наблюдала такой удивительный случай...

– Уж наверняка не более удивительный, чем тот, что я наблюдала позавчера, – снова перебила её Пеппи. – Я ехала в поезде, он мчался на полном ходу, в купе никого, кроме меня, не было. И вдруг в открытое окно влетела, представьте себе, корова, а на хвосте у неё болталась дорожная сумка. Она села на скамейку напротив меня и начала листать расписание, чтобы выяснить, когда мы прибудем в Фалькепинг. А я как раз ела

бутерброды – у меня с собой была целая куча бутербродов с селёдкой и колбасой. Вот я и подумала, что, быть может, корова тоже проголодалась, и предложила ей перекусить вместе со мной. Она поблагодарила, взяла бутерброд с селёдкой и начала жевать.

Пеппи умолкла.

– Да, это и в самом деле удивительный случай, – с улыбкой сказала тётя Лаура.

– Ещё бы, такую странную корову нечасто встретишь, – согласилась Пеппи. – Подумать только, взять бутерброд с селёдкой, когда полно бутербродов с колбасой!

Фру Сёттергрэн и тётя Лаура пили кофе, дети пили сок.

– Да, вот я как раз начала рассказывать, когда меня прервала ваша милая подружка, – сказала тётя Лаура, – что у меня вчера произошла удивительная встреча...

– Ну, если уж говорить об удивительных встречах, – снова вмешалась Пеппи, – то, наверное, вам забавнее будет послушать про Агафона и Теодора. Как-то раз папин корабль прибыл в Сингапур, а нам как раз нужен был новый матрос. И вот тогда на борт взяли Агафона. Агафон был двух с половиной метров ростом и такой тощий, что, когда он ходил, все его кости стучали, словно хвост у гремучей змеи. Волосы у него были чёрные как смоль, раскинутые на пробор, прямые как плети и такие длинные, что доходили ему до пояса; зубов у него не было вовсе, а вместо языка торчало жало, тоже такое длинное, что свисало ниже подбородка. Папа сперва был смущён видом Агафона – он был так уродлив, что не хотелось брать его в команду. Но потом папа подумал, что он ему пригодится, когда надо будет пугать лошадей. Одним словом, Агафон стал матросом, и корабль наш благополучно прибыл в Гонконг. И тут выяснилось, что в команде не хватает ещё одного матроса. Так у нас появился Теодор. Он тоже был двух с половиной метров роста, у него тоже были волосы чёрные как смоль, длинные до пояса и тоже разделённые пробором, изо рта у него тоже свисало жало. Агафон и Теодор были ужасно похожи друг на друга. Особенно Теодор. Собственно говоря, они выглядели как близнецы.

– Это удивительно! – воскликнула тётя Лаура.

– Удивительно? – переспросила Пеппи. – Что же тут удивительного?

– То, что они так похожи, – объяснила тётя Лаура. – Как же этому не удивляться?

– А чему тут удивляться! – возмутилась Пеппи. – Они ведь и на самом деле близнецы. Понимаете, два близнеца. Похожие друг на друга как две

капли воды.

Пеппи с укором поглядела на тётю Лауру.

– Я решительно не понимаю, что ты хочешь сказать, миленькая тётя Лаура? Чему тут удивляться, и стоит ли поднимать шум из-за того, что два бедных близнеца, случайно встретившись, оказались похожими друг на друга? Разве можно их в этом обвинять? Неужели ты думаешь, миленькая тётечка Лаурочка, что кто-нибудь добровольно согласится иметь внешность Агафона? Уж, во всяком случае, не Теодор, если бы это от него зависело.

– Я не спору, – сказала тётя Лаура, – но ведь ты сама обещала рассказать об удивительной встрече?

– Если бы за этим столом мне не затыкали всё время рот, – сказала Пеппи, – я бы рассказала вам о тысяче удивительных встреч.

Пеппи взяла ещё сухарь, а тётя Лаура встала, собираясь уходить.

Как Пеппи ищет кукарямбу

В то утро Томми и Анника, как всегда, прибежали к Пеппи на кухню и громко с ней поздоровались. Но ответа не последовало. Пеппи сидела на кухонном столе и гладила Господина Нильсона, который примостился у неё на коленях. Лицо у неё расплылось в счастливой улыбке.

– Привет, Пеппи! – ещё раз крикнули Томми и Анника.

– Во всяком случае, знайте, – мечтательно проговорила Пеппи, – знайте, что я это нашла. Я, и никто другой.

– Что ты нашла? – в один голос спросили Томми и Анника, сгорая от любопытства.

Ни Томми, ни Аннику нисколько не удивило, что Пеппи что-то нашла, потому что она всегда что-то находила, но просто им не терпелось узнать, что же именно она нашла.

– Скажи, скажи скорей, что ты нашла?

– Новое слово, – торжественно объявила Пеппи и взглянула на своих друзей так, словно только теперь их увидела. – Новое слово, совсем новенькое, прямо с иголочки.

– А какое это слово? – спросил Томми.

– Прекрасное, – сказала Пеппи. – Одно из самых красивых слов на свете. Лучшего слова я не слыхала.

– Ну скажи какое, – попросила Анника.

– Кукарямба, – с торжеством промолвила Пеппи.

– Кукарямба? – переспросил Томми. – А что это значит?

– Ах, если бы я только знала! – вздохнула Пеппи. – Мне ясно одно – что это не пылесос!

Томми и Анника в растерянности помолчали, потом Анника сказала:

– Но если ты сама не знаешь, что значит это слово, то какой от него толк?

– В этом-то и вся штука, вот это мне и не даёт покоя, – объяснила Пеппи.

– Скажи, а ты не знаешь, кто придумывает, какие слова что означают? – спросил Томми.

– Наверно, это делают сто старых-престарых профессоров, – объяснила Пеппи. – Ах, до чего же эти люди смешные! Подумай только, какие слова они придумали: щеколда, простокваша, гиппопотам, табуретка, ну и всякие другие, о которых никто не может сказать, зачем они нужны. А вот что кукарямба замечательное слово – каждому ясно. А как оно звучит: кука-рям-ба! И всё же никто не знает, что это такое. Вы не представляете, как мне трудно было его найти! И я во что бы то ни стало узнаю, что же оно означает!

Пеппи помолчала, задумавшись, а потом сказала:

– А может быть, кукарямба – это золотой светофор?

– Что ты, Пеппи, ведь золотых светофоров не бывает, – возразила Анника.

– Пожалуй, ты права. Что же это всё-таки может быть? Уж не звук ли, который получается, когда наступаешь ногой на сухую ветку? Давай попробуем, как это выйдет: «Аника побежала в лес, наступила на сухую ветку, и сразу же раздалось: «кукарямба».

Пеппи печально покачала головой.

– Нет, не выходит. Надо было бы сказать: «И сразу же раздался громкий треск».

Пеппи почесала затылок.

– Мрак сгущается. Но чего бы мне это ни стоило, я открою эту тайну. Послушайте, а вдруг это можно купить в магазине? Айда! Пойдём и спросим.

Томми и Анника с удовольствием согласились. Пеппи пошла в комнату и открыла свой чемодан, набитый золотыми монетами.

– Кукарямба, – повторила она. – Как замечательно звучит! Кукарямба! Пожалуй, за эре её не купишь.

Дети собрались в путь. Господин Нильсон, как всегда, сидел у Пеппи на плече.

– Нам надо торопиться, – сказала Пеппи и вынесла лошадь

с террасы. – Мы поедem верхом, а то опоздаем и попадём в город, когда всю кукарямбу уже разберут. Я не удивлюсь, если бургомистр возьмёт у нас из-под носа последний кусок кукарямбы.

Когда дети верхом на лошади галопом неслись по улицам городка, подковы так звонко ударялись о булыжник, что все городские ребята выбегали из своих домов и гурьбой бежали за лошаdью, потому что все они очень любили Пеппи.

– Пеппи, куда это ты скачешь? – кричали они ей вслед.

– Я хочу купить немного кукарямбы, – отвечала Пеппи и погоняла лошаdь.

Ребята растерянно замолкали, не решаясь спросить, что это такое.

– Это, наверное, что-то очень хорошее? – отважилась наконец спросить совсем маленькая девочка.

– Ещё бы! – воскликнула Пеппи и прижала палец к губам, показывая ей, что надо помалкивать. – Пальчики оближешь! Но никому ни слова, поняла?

Они остановили лошаdь у дверей кондитерской. Пеппи спрыгнула первая и помогла слезть Томми и Аннике. Дети вошли в кондитерскую.

– Дайте мне, пожалуйста, двести граммов кукарямбы, – сказала Пеппи, – но только свежую, хрустящую.

– Кукарямбы? – удивлённо переспросила изящная девушка, стоящая за прилавком. – У нас, мне кажется, нет кукарямбы.

– Не может быть! – воскликнула Пеппи. – Кукарямба продаётся во всех приличных магазинах.

– Дело в том, что вы пришли к концу дня, – нашлась продавщица, которая никогда не слышала о кукарямбе, но не хотела признать, что их магазин недостаточно приличный.

– Так! Значит, утром у вас была кукарямба? – восторженно завопила Пеппи. – Милая, милая тётя, расскажи мне, пожалуйста, как она выглядит. Я в жизни не видела кукарямбы. У неё, наверное, румяная корочка?

Продавщица сильно покраснела и сказала:

– Я не знаю, что такое кукарямба. У нас, во всяком случае, никогда её в продаже не было.

Сильно разочарованная, Пеппи вышла из магазина.

– Что же, придётся скакать дальше. Без кукарямбы я домой не вернусь!

Ближайшим магазином оказалась лавка скобяных товаров. Продавец вежливо поклонился детям.

– Я хотела бы купить кукарямбу, – сказала Пеппи. – Но только мне нужен товар отличного качества, такой, чтобы им можно было убить льва.

Продавец лукаво улыбнулся.

– Сейчас мы найдём то, что вам надо, – сказал он и почесал у себя за ухом. – Сейчас мы отыщем нужный товар.

Он вынул из какого-то ящика маленькие железные грабли и протянул их Пеппи.

– Это вам подойдёт? – спросил он.

Пеппи негодующе посмотрела на него.

– Эту вот вещь сто профессоров называют граблями. А мне, как я вам уже сказала, нужны не грабли, а кукарямба. Нехорошо обманывать невинных детей!

Продавец рассмеялся и сказал:

– К сожалению, у нас нет этой... В общем, того, что тебе надо. Спроси-ка её в магазине швейных принадлежностей за углом.

– Он послал меня в магазин швейных принадлежностей, – с возмущением сказала Пеппи Томми и Аннике, когда они вышли на улицу. – Но там нет никакой кукарямбы, это уж я знаю точно.

Пеппи на мгновение помрачнела, но тут же опять заулыбалась.

– Придумала! Наверное, кукарямба – это какая-нибудь болезнь. Пошли к доктору и спросим.

Анника знала, где живёт доктор, потому что ей недавно делали прививку. Пеппи позвонила в дверь, им открыла медицинская сестра.

– Мне нужно видеть доктора, – сказала Пеппи. – Очень серьёзный случай, жутко тяжёлая болезнь.

– Пройди, пожалуйста, вот сюда, – сказала медсестра и повела Пеппи в кабинет врача.

Доктор сидел у письменного стола. Пеппи направилась прямо к нему, зажмурилась и высунула язык.

– Ну, что с тобой случилось? – спросил доктор.

Пеппи вновь открыла свои ясные синие глаза и спрятала язык.

– Боюсь, что я заболела кукарямбой, – сказала она. – Всё тело зудит, и глаза так и закрываются сами, когда я засыпаю. Иногда я икаю. А в воскресенье я себя неважно почувствовала после того, как съела целую тарелку коричневого гуталина и запила молоком. Вообще-то у меня аппетит неплохой, но во время еды я вдруг могу поперхнуться и даже закашляться. Я поняла, что, наверное, у меня кукарямба; вы только скажите, доктор, она очень заразная?

Доктор поглядел на Пеппи, на её румяные щёки и сказал:

– Я думаю, ты здоровее большинства детей. И я твёрдо уверен, что никакой кукарямбой ты не страдаешь.

Пеппи порывисто дёрнула доктора за рукав.

– Но есть болезнь, которая так называется?

– Нет, – сказал доктор, – такой болезни нет. Но даже если бы такая болезнь была, я уверен, что ты бы её никогда не схватила.

Пеппи снова помрачнела. Она сделала реверанс, прощаясь с доктором, и Анника тоже сделала реверанс, а Томми поклонился. Они вышли и снова сели на лошадь, которая ждала их возле дома доктора.

На той же улице был трёхэтажный дом. Окно на верхнем этаже было открыто. Пеппи показала детям на это открытое окно и сказала:

– Ничуть не удивлюсь, если кукарямба окажется вон в той комнате. Сейчас я, пожалуй, заберусь наверх и погляжу.

В одно мгновение Пеппи залезла по водосточной трубе на третий этаж. На уровне окна она ловко качнулась и уцепилась за подоконник; потом подтянулась на руках и заглянула в комнату.

В комнате сидели две дамы и разговаривали. Нетрудно себе представить, как они удивились, когда над подоконником вдруг появилась рыжеволосая голова.

– Я хотела узнать, нет ли у вас в комнате кукарямбы?

Дамы завизжали от испуга. Потом к одной из них вернулся дар речи, и она спросила:

– Объясни мне, дитя моё, что ты ищешь? Может, это какой-нибудь дикий зверь, который удрал из зоопарка?

– Вот именно это мне бы и самой хотелось узнать, – вежливо объяснила Пеппи.

– Ой, может быть, она забилась под кровать? – завопила вторая дама. – Она кусается?

– Я думаю, кусается, – ответила Пеппи. – Послушайте сами, как это страшно звучит: кукарямба! По-моему, ясно, что у него должны быть острые клыки.

Дамы вскочили, побледнели и прижались к стене. Пеппи с интересом оглядела комнату и в конце концов заявила:

– Нет, к сожалению, здесь и не пахнет кукарямбой. Извините за беспокойство! Я просто думала, что на всякий случай мне стоит к вам заглянуть, раз уж я иду мимо.

И Пеппи съехала вниз по водосточной трубе.

– Это очень грустно, – сказала она Томми и Аннике, – но там тоже нет никакой кукарямбы. Помчались домой!

Дети поскакали назад. И когда лошадь уже стояла у террасы домика Пеппи, Томми, слезая с неё, чуть не раздавил какого-то маленького жучка,

который полз по посыпанной песком дорожке.

– Эй, осторожней, не раздави жука! – крикнула Пеппи.

Все трое сели на корточки, чтобы его как следует разглядеть. Жук был очень маленький, крылья у него были зелёные и блестели как металл.

– Какой он красивый! – изумилась Анника. – Вы не знаете, какая это порода?

– Во всяком случае, это не майский жук, – заявил Томми.

– И не навозный, – сказала Анника, – и не бронзовик. Ой, как он называется?

Лицо Пеппи расплылось в улыбке.

– А я знаю, как он называется. Это кукарямба.

– Ты уверена?

В голосе Томми звучало сомнение.

– Неужели ты думаешь, что я не узнаю кукарямбу, как только увижу её. А ты? Видел ли ты в жизни что-нибудь более кукарямбное?

Пеппи осторожно взяла жука и отнесла его на травку, чтобы никто его случайно не раздавил.

– Моя дорогая, милая кукарямба, – сказала она с нежностью, – я знала, что рано или поздно я тебя найду. Меня удивляет совсем другое: где мы только ни искали кукарямбу, а она, оказывается, была всё время здесь, в моём садике.

Как Пеппи изобретает новый вид спорта

Летние каникулы длинные, и это замечательно. Но всё же настал день, когда и они кончились, и Томми с Анникой вновь пошли в школу. Пеппи по-прежнему говорила, что она достаточно учёная и без школы, и уверяла, что ноги её не будет в классе до тех пор, пока она не убедится, что не может больше жить, не зная, как прочитать слова «морская болезнь».

– Но ведь у меня никогда не будет морской болезни, поэтому мне нечего беспокоиться, что я не могу прочитать этих слов. А если мне всё же когда-нибудь придётся захворать морской болезнью, то в тот момент я вряд ли захочу читать.

– Да, у тебя никогда не будет морской болезни, – сказал Томми.

И он был прав. Пеппи много плавала по морям со своим папой-капитаном до того, как он стал негритянским королём, и ни разу не страдала морской болезнью.

Иногда Пеппи скакала на своей лошади в город, ждала Томми и Аннику возле школы и привозила их назад верхом. Томми и Анника всегда были этому рады, они так любили верховую езду, и вообще не часто случается, чтобы дети возвращались из школы верхом на лошади!

– Послушай, Пеппи, ты обязательно должна сегодня вечером заехать за нами, – сказал как-то раз Томми, когда они с Анникой прибежали домой обедать во время большой перемены.

– Да, обязательно прискочи в школу, – сказала Анника, – потому что сегодня фрёкен Розенблум будет раздавать подарки всем послушным и примерным детям.

Фрёкен Розенблум – богатая старая дама – была очень скупая старуха, но всё же раз в полугодие она приходила в школу и раздавала подарки ученикам. Но не всем детям, нет, боже упаси! Только самым послушным и прилежным. Чтобы фрёкен Розенблум могла решить, кто из детей действительно самый послушный и прилежный, она устраивала перед раздачей подарков настоящий экзамен. Поэтому все дети в этом городе жили в постоянном страхе перед фрёкен Розенблум. Всякий раз, когда им дома надо было учить уроки, а им хотелось заняться чем-нибудь другим, более весёлым и интересным, их мамы или папы обязательно говорили:

– Не забывай о фрёкен Розенблум!

И в самом деле, было очень стыдно прийти домой к родителям и младшим братьям и сёстрам в тот день, когда фрёкен Розенблум устраивала раздачу подарков, с пустыми руками, – ведь другие-то приносили домой кулёчки с конфетами и тёплые фуфайки. Да, именно тёплые фуфайки! Потому что фрёкен Розенблум раздавала бедным детям и одежду. Но даже самый нуждающийся мальчишка ничего не получит, если не ответит фрёкен Розенблум, сколько, например, сантиметров в километре. Нет, не было ничего удивительного в том, что все дети в городке жили в постоянном страхе перед этой старой дамой. Боялись они, впрочем, не только её, но и её знаменитого супа! Дело в том, что фрёкен Розенблум взвешивала всех ребят и измеряла их рост, чтобы обнаружить самых худых и хилых, тех, кого дома не кормили досыта. Всех этих детей фрёкен Розенблум заставляла каждый день ходить к ней домой и съедать там полную тарелку супа. Может быть, это было бы и неплохо, если бы в супе не было бы так много какой-то противной крупы, проглотить которую было просто невозможно.

Итак, настал тот великий день, когда фрёкен Розенблум посещала школу. Занятия окончились по этому случаю раньше обычного, и все дети собрались на школьном дворе. Посреди двора поставили большой стол, и за этим столом торжественно восседала фрёкен Розенблум. По бокам сидели два секретаря, которых ей дали в помощь, они записывали всё, что касалось детей: сколько весят, как они отвечают на вопросы, нуждаются ли они в одежде, как они себя ведут в школе, есть ли у них братья и сёстры,

которым тоже нужны платья, ну и всё остальное, что фрёкен Розенблюм хотела знать. На столе перед ней стояла шкатулка с деньгами и целая куча кулёчков с карамельками, а с другой стороны – грудa фуфаяк, чулок и штанов.

– Дети, постройтесь в шеренги! – крикнула фрёкен Розенблюм. – В первой шеренге станут те, у кого нет братьев и сестёр; во второй – те, у кого в семье не больше трёх детей; в третьей – те, у кого больше трёх.

Фрёкен Розенблюм превыше всего ценила порядок, а ведь это было только справедливо, чтобы те, у кого дома есть малыши, получили бы большой кулёк конфет.

И вот начался опрос. Ой, до чего же дрожали дети! Те, кто не мог ответить на заданные вопросы, должны были становиться в отдельную шеренгу, на виду у всех, – чтобы им было стыдно, а потом их отправляли домой без конфет, и они приходили к своим маленьким братьям и сёстрам с пустыми руками.

Томми и Анника учились хорошо, и всё же бант Анники трясся, потому что девочка дрожала от волнения, а Томми, который стоял за ней, тем больше бледнел, чем ближе подходил к фрёкен Розенблюм. И вот как раз в тот момент, когда настала его очередь отвечать на вопросы, в шеренге детей «без братьев и сестёр» возник какой-то беспорядок. Кто-то протискивался вперёд, расталкивая ребят. Конечно, это была Пеппи. Она отстранила тех, кто стоял уже у стола, и обратилась к фрёкен Розенблюм:

– Извините, но я немного опоздала. Куда мне встать? У нас в семье четырнадцать детей, причём тринадцать мальчишек с дурными наклонностями.

Фрёкен Розенблюм неодобрительно взглянула на девочку.

– Стой, где стоишь, – ответила она, – но я боюсь, что вскоре тебе придётся перейти к тем ребятам, которым должно быть стыдно.

Секретари записали имя Пеппи, потом её взвесили, чтобы выяснить, не нуждается ли она в супе. Но оказалось, что у неё на два кило больше нормы.

– Супа ты не получишь, – строго сказала ей фрёкен Розенблюм.

– Везёт же иногда! – воскликнула Пеппи. – Теперь бы ещё как-нибудь справиться с лифчиками и фуфайками, тогда всё будет в порядке.

Фрёкен Розенблюм не стала её слушать. Она листала букварь, выискивая слова потруднее, чтобы Пеппи сказала, как они пишутся.

– Послушай-ка, деточка, – сказала она наконец, – скажи мне, пожалуйста, как пишется «морская болезнь»?

– Охотно, – воскликнула Пеппи. – МАРЗСКАЯ БАЛЕСН.

Фрёкен Розенблум кисло улыбнулась.

– В букваре эти слова почему-то написаны иначе, – язвительно заметила она.

– Возможно, – нимало не смутилась Пеппи. – Но я думала, что тебе интересно было узнать, как я пишу это слово. МАРЗСКАЯ БАЛЕСН – так я пишу всегда, и ничего плохого от этого ещё не случилось.

– Занесите её ответ в книгу, – распорядилась фрёкен Розенблум и с мрачным видом поджала губы.

– Да, обязательно запишите, как я это пишу. Надеюсь, нам удастся добиться, чтобы отныне все буквари писали по-моему.

– Ну, девочка, – продолжила фрёкен Розенблум свой опрос, – а теперь скажи мне, когда умер Карл XII?

– Ой, бедняжка, он тоже умер! – воскликнула Пеппи. – Конечно, этого и следовало ожидать, уж очень много он шатался по свету, а это к добру не приводит. Но я уверена, что если бы его ноги всегда были сухими, он и сейчас был бы с нами.

– Запишите этот ответ, – ледяным голосом приказала фрёкен Розенблум.

– Да, да, пожалуйста, запишите, – настаивала Пеппи. – Мне не хочется давать вам лишнюю работу, но всё же запишите ещё и вот что: после того как ты промочил ноги, лучше всего выпить тёплого керосина и лечь в постель – наутро болезни как не бывало.

Фрёкен Розенблум покачала головой.

– Почему у лошадей прямые коренные зубы? – спросила она серьезно.

– А ты уверена, что у них прямые коренные зубы? – с сомнением переспросила Пеппи. – Впрочем, ты можешь сама спросить у лошади. Она стоит вон там, у забора, – предложила Пеппи и показала на свою лошадь, которую привязала к дереву.

Потом Пеппи радостно засмеялась.

– Как удачно, что я её взяла с собой! – воскликнула она. – А то бы ты так никогда и не узнала, какие у неё коренные зубы. Потому что, честно говоря, я не имею об этом никакого понятия. И мне совсем не хочется это узнать.

Фрёкен Розенблум так сжала губы, что рот её превратился в тоненькую полоску.

– Неслыханно! – бормотала она с возмущением. – Просто неслыханно!

– Да, я тоже думаю, что это неслыханно, – радостно подхватила Пеппи. – Если я и дальше буду так удачно отвечать, то я наверняка получу шерстяные штаны.

– Запишите и это, – сказала фрёкен Розенблюм.

– Нет, вы меня неверно поняли, – сказала Пеппи. – Мне, собственно говоря, вовсе не нужны никакие шерстяные штаны. Я не это хотела сказать. Но вы можете записать, что я хочу получить большущий кулёк карамелек.

– Я задам тебе последний вопрос, – сказала фрёкен Розенблюм, и голос её не предвещал ничего хорошего.

– Валяйте, – сказала Пеппи, – мне очень нравится этот новый вид спорта: задавать друг другу вопросы.

– Слушай внимательно и подумай, прежде чем ответить, – сказала фрёкен Розенблюм. – Пер и Поль делят между собой торт. Если Пер возьмёт себе четверть торта, то что будет у Поля?

– Резь в желудке, – ответила Пеппи. Она обернулась к секретарям. – Запишите это, – сказала она серьёзно, – обязательно запишите, что у Поля будет резь в желудке.

Но фрёкен Розенблюм уже успела составить себе мнение о Пеппи.

– Никогда ещё не видела такой невежественной и противной девочки! – воскликнула она. – Немедленно становись к тем детям, кому должно быть стыдно.

Пеппи послушно направилась к шеренге наказанных, бормоча себе под нос:

– Это несправедливо! Я ведь ответила на все вопросы.

Пройдя несколько шагов, она остановилась и обернулась к фрёкен Розенблюм. Было видно, что её вдруг осенила какая-то новая мысль.

– Извините, – сказала Пеппи, – но я забыла вам сообщить свой рост и объём груди. Не ленитесь это записать, – добавила она, обращаясь к секретарям. – Дело, в общем, не в том, что я хочу получить суп, совсем наоборот, но просто надо же, чтобы книги, которые вы ведёте, были в полном порядке.

– Если ты немедленно не станешь туда, куда я тебе велела, если тебе не будет стыдно, – сказала фрёкен Розенблюм, – то, боюсь, одна девочка получит сейчас изрядную трёпку.

– Бедная девочка! – воскликнула Пеппи. – Кто она? Покажите мне её, я сумею её защитить! Не забудьте это тоже записать.

Пеппи стала в группу тех ребят, которым велено было стыдиться. Настроение в этой группе было неважное. Многие дети всхлипывали и даже плакали, думая о том, что скажут их родители, когда они вернутся домой с пустыми руками.

Пеппи окинула взглядом стоящих с ней рядом детей, увидела, что почти все плачут, и тоже два раза всхлипнула. Потом она сказала:

– Знаете что! Давайте мы сами займёмся этим новым спортом и будем играть в вопросы!

Это предложение несколько взбодрило ребят, но они толком не поняли, что Пеппи имела в виду.

– Давайте разобьёмся на две шеренги, – объяснила Пеппи. – В одну станут те, кто знает, что Карл XII умер, а в другую те, которые ещё не слышали, что он умер.

Но оказалось, что все дети знали, что Карл XII умер, и поэтому второй шеренги не получилось.

– Нет, так не годится, – заявила Пеппи, – обязательно должно быть по крайней мере две шеренги, иначе у нас ничего не получится. Спросите у фрёкен Розенблум, если мне не верите.

Пеппи задумалась.

– Есть выход! – воскликнула она наконец. – Все отпетые хулиганы станут в одну шеренгу.

– А кто станет в другую? – спросила маленькая девочка, которая не хотела признать, что она отпетый хулиган.

– В другую мы поставим ещё неотпетых хулиганов, – объяснила Пеппи.

Тем временем фрёкен Розенблум продолжала рьяно вести свой опрос, и то и дело какой-нибудь мальчик или девочка, с трудом сдерживая слёзы, присоединялись к группе Пеппи.

– А теперь вы будете отвечать мне на вопросы, – заявила Пеппи. – Теперь посмотрим, внимательно ли вы читали свой учебник.

Пеппи обратилась к маленькому худому мальчику в синих штанишках.

– Вот ты, назови мне кого-нибудь, кто умер.

– Старая фру Петерсон.

– Неплохо, – ободрила его Пеппи. – А больше ты никого не можешь назвать?

Но мальчик не знал, кого ещё можно назвать. Тогда Пеппи сложила руки рупором, поднесла их ко рту и что было сил прокричала:

– Карл XII!

Потом Пеппи по очереди спросила у всех ребят, знают ли они кого-нибудь, кто умер, и все отвечали:

– Старая фру Петерсон и Карл XII.

– Наш опрос «идёт куда» лучше, чем можно было ожидать, – сказала Пеппи. – Теперь я задам вам ещё только одну задачу. Если Пер и Поль делят между собой торт, а Пер заупрямился и ни за что не хочет взять себе ни кусочка – понимаете, забился в угол и грызёт из упрямства какой-то

сухарики, – то кому придётся пожертвовать собой и съесть весь торт целиком?

– Полю! – закричали все дети хором.

– Как прекрасно, когда все дети проявляют такие блестящие знания, как вы! – восхитилась Пеппи. – За ваше усердие в учении вы заслуживаете вознаграждение.

Говоря это, Пеппи засунула руки в карманы, вытащила оттуда полные горсти монет и раздала ребятам. Кроме того, каждый получил по большому кульку карамели, которые Пеппи запасливо принесла в рюкзаке.

Легко можно себе представить, как радовались дети, как раз те, которые должны были стыдиться. Когда фрёкен Розенблюм закончила раздачу своих подарков и все дети отправились домой, то оказалось, что веселее всех скачут как раз те, которых фрёкен Розенблюм хотела наказать. Но прежде чем разойтись по домам, все они окружили Пеппи.

– Спасибо, спасибо, милая Пеппи! – наперебой выкрикивали они.

– Вам не за что меня благодарить, – отвечала Пеппи. – Как ловко мне удалось отделаться от шерстяных штанов, которые мне хотела всучить фрёкен Розенблюм! Вот об этом не забывайте!

Как Пеппи получает письмо

Дни шли, наступила осень, а после осени пришла зима, долгая холодная зима, и казалось, она никогда не кончится. Томми и Аннике приходилось много заниматься, чтобы выучить все уроки для школы, и с каждым днём они всё больше уставали и всё труднее им было подниматься по утрам. Фру Сёттергрэн начала серьёзно беспокоиться за здоровье своих детей – уж очень они стали бледными, совсем потеряли аппетит, и в довершение всего оба вдруг заболели корью, и их уложили в постель на две недели. Какие это были бы печальные недели, если б не Пеппи, которая приходила к ним каждый день и устраивала перед их окном настоящие представления. Доктор запретил Пеппи заходить в комнату Томми и Анники, чтобы и она не подхватила корь. Пеппи подчинилась этому запрету, хотя и считала, что те два или три миллиарда бактерий кори, которые она могла там подхватить, очень просто раздавить ногтем – этим делом она вполне могла заняться в послеобеденное время. Но давать представления перед окном ей никто не запрещал. Детская находилась на втором этаже, и поэтому Пеппи пришлось приставить к окну лестницу. Томми и Анника лежали в постели и, сгорая от нетерпения, поджидали прихода Пеппи;

всякий раз они старались угадать, в каком виде она появится, потому что каждый день Пеппи придумывала себе новый костюм: то она была наряжена трубочистом, то закутана в белые простыни как привидение, то изображала ведьму. Стоя на лестнице, она разыгрывала для своих друзей настоящие спектакли, исполняя сама все роли, а иногда, чтобы развлечь их, показывала даже акробатические номера. И что это были за номера! Она стояла на верхней перекладине лестницы и раскачивалась так сильно, что Томми и Анника вскрикивали от ужаса, боясь, что лестница вот-вот упадёт. Но она не падала! Когда Пеппи заканчивала свои представления, она всегда спускалась с лестницы головой вниз, чтобы ещё немного посмешить Томми и Аннику. Каждый день она покупала в городе яблоки, апельсины, леденцы, укладывала всё это в корзинку. Затем Господин Нильсон лез с этой корзинкой к окну детской, Томми открывал окно и брал гостинцы. Несколько раз Господин Нильсон приносил детям и письма от Пеппи, но это случалось только тогда, когда она была занята и не могла прийти сама. Обычно же Пеппи проводила целые дни на лестнице перед окнами ребят. Иногда она прижималась носом к оконному стеклу и начинала гримасничать; она кричала Томми и Аннике сквозь стекло, что готова с ними спорить на все свои золотые монеты, что им не удастся удержаться от смеха, и так потешно гримасничала, что не смеяться было просто невозможно. Томми и Анника хохотали до слёз и чуть не падали со своих постелей.

Наконец дети выздоровели, и им разрешили встать. Но до чего же они были бледны и худы! Пеппи сидела с ними на кухне в один из первых дней, после того как они встали. Томми и Анника ели кашу. Вернее, они пытались есть кашу, потому что дело шло из рук вон плохо. Их мама совсем извелась, глядя, как они сидят и водят ложками по тарелкам.

– Да ешьте же! Такая вкусная каша! – уговаривала она детей.

Анника послушно ковырнула кашу ложкой, но поняла, что не в силах проглотить ни капельки, и снова стала разгребать в каше дорожки.

– Почему я должна есть эту кашу? – спросила она хныкающим голосом.

– Как ты можешь задавать такие глупые вопросы! – возмутилась Пеппи. – Ведь совершенно ясно, что ты должна есть такую вкусную кашу. Если ты не будешь есть такой вкусной каши, ты не вырастешь большой и сильной. А если ты не вырастешь большой и сильной, то не сможешь заставить своих детей, когда они у тебя будут, есть такую вкусную кашу. Нет, Анника, так дело не пойдёт! Если все дети будут рассуждать, как ты, то кашееды в нашей стране могут взбунтоваться!

Томми и Анника, давась, кое-как проглотили по две ложки. Пеппи участливо за ними наблюдала.

– Когда-нибудь, я надеюсь, вы всё-таки попадёте на море, – продолжала Пеппи, раскачиваясь на стуле. – Поэтому вам надо поскорее научиться есть как следует. Помню, когда я плавала с папой на корабле, у нас произошёл такой случай: матрос Фридольф в одно прекрасное утро не смог съесть больше шести тарелок каши. Папа чуть с ума не сошёл от беспокойства из-за того, что Фридольф совсем потерял аппетит. «Милый Фридольф, – сказал он со слезами в голосе, – боюсь, что ты заболел чем-то опасным, лежи-ка сегодня на своей койке, отдохни и начни есть, как положено мужчине. Я принесу тебе одно рекальство, может, оно тебе поможет».

– Не рекальство, а лекарство, – поправила Анника.

– Фридольф лёг на койку, – продолжала Пеппи свой рассказ, – потому что он и сам жутко испугался своей болезни, и всё думал, что же это за эпидемия такая его подкосила, что он не смог съесть больше шести тарелок каши. Он лежал на койке и уже не знал, дотянет ли до вечера, но тут как раз вошёл папа и дал ему рекальство. Это было гадкое рекальство, и выглядело оно отвратительно, но зато действовало безотказно, тут ничего не скажешь. Как только Фридольф проглотил первую ложку, у него изо рта вырвалось что-то вроде пламени, и он завопил так громко, что наша «Попрыгунья» качнулась от носа до кормы, а крик Фридольфа слышали на всех кораблях на расстоянии пятидесяти морских миль. Кок ещё не успел убрать со стола посуду после завтрака, когда в кают-компанию ворвался Фридольф, рыча как голодный лев. Он бросился к столу и стал уплетать кашу тарелку за тарелкой, но даже после пятнадцатой тарелки он все ещё продолжал рычать. А каши больше не было, и тогда коку ничего не оставалось, как кидать в его раскрытую пасть холодную варёную картошку. Как только он переставал кидать, Фридольф издавал такой ужасающий вопль, что коку стало ясно: если он перестанет кормить его картошкой, то Фридольф сожрёт его самого. Но на кухне было всего лишь сто семнадцать картофелин, и тогда кок пошёл на хитрость, он кинул ему последнюю,

ловким прыжком выскочил из кают-компания и захлопнул за собой дверь. А мы все стояли на палубе и глядели на Фридольфа в иллюминатор. Он пищал как голодный грудной младенец и в конце концов принялся глотать хлебную корзинку, а потом сожрал кувшин и пятнадцать пустых тарелок. Но и это не утолило его голод. Тогда он взобрался на стол, встал на четвереньки и начал грызть доски, да так усердно, что щепки летели во все стороны, он ел стол с таким наслаждением, будто это была спаржа. Видно, Фридольф находил, что ломтик стола вкуснее самых вкусных бутербродов, какие он едал в детстве. Тут папа понял, что Фридольф окончательно вылечился от своей изнурительной болезни, вошёл к нему и сказал: «Возьми себя в руки, матрос, и потерпи немного, через два часа будет обед, и тебе дадут кусок свинины с пюре». – «Есть, капитан, я постараюсь, – ответил Фридольф, вытер рот, и в глазах его вспыхнул голодный блеск. – Только разрешите мне, капитан, поужинать сразу же после обеда?»

Пеппи склонила голову и кинула косой взгляд на Томми, Аннику и на их тарелки с кашей.

– А вы когда-нибудь обязательно попадёте на корабль, и там вас накажут за плохой аппетит.

Как раз в эту минуту мимо дома Сёттергренов прошёл почтальон. Он увидел в окно Пеппи и крикнул ей:

– Пеппи Длинныйчулок, тебе письмо!

Пеппи так изумилась, что чуть не упала со стула.

– Письмо?! Мне?! Пистоящее насьмо? То есть я хочу сказать, настуящее псяьмо? Покажи скорее, я не могу в это поверить.

Но это и в самом деле оказалось настоящим письмом, письмом со множеством диковинных марок.

– Прочти лучше ты, Томми, ты уже учёный, – сказала Пеппи.

И Томми прочёл:

– «Моя дорогая Пеппилотта!

По получении настоящего письма немедленно отправляйся в порт и жди прихода «Попрыгуны». Я намерен приехать за тобой и увезти тебя к себе в Веселию. Ты должна же наконец увидеть страну, в которой твой отец стал таким могущественным королём. У нас и в самом деле очень весело живётся, и, я надеюсь, тебе там понравится. Мои верноподданные тоже страстно желают увидеть принцессу Пеппилотту, о которой они много слышали. Так что здесь не о чем долго говорить.

Собирайся в путь, ты поедешь со мной, – такова моя королевская и отцовская воля.

Твой старый отец шлёт тебе крепкий поцелуй и самые нежные

приветы.

Король Эфроим I Длинныйчулок, повелитель Веселии».

Когда Томми кончил читать письмо, в кухне воцарилась мертвая тишина.

Как Пеппи отправляется в плавание

В одно прекрасное утро в гавань вошла «Попрыгунья», вся расцвеченная флагами и вымпелами. Городской духовой оркестр выстроился на набережной и громко заиграл приветственный марш. И все жители городка собрались на набережной, чтобы увидеть, как Пеппи встретится со своим отцом, королём Эфроимом I Длиннымчулком. Фотограф стоял наготове, чтобы запечатлеть первые минуты этой встречи.

Пеппи от нетерпения скакала на месте, и ещё не успели спустить трап, как капитан Длинныйчулок и Пеппи с восторженными воплями кинулись друг к другу. На радостях капитан несколько раз подбросил свою дочку в воздух. Но Пеппи радовалась не меньше отца, поэтому она тоже несколько раз подкинула в воздух капитана. Злился один фотограф: он никак не мог улучшить момент, чтобы снять как положено эту удивительную встречу, – то Пеппи, то её папа попеременно находились в воздухе.

Томми и Анника тоже подошли к Пеппиному отцу, чтобы его приветствовать, и капитан ужаснулся, до чего же эти дети бледны и худы! Ведь это был их первый выход на улицу после болезни.

Пеппи, конечно, должна была тут же подняться на палубу

и поздороваться с Фридольфом и всеми остальными матросами, её старыми друзьями. Томми и Анника пошли вместе с ней. Да, на таком вот корабле, прибывшем из далёкого путешествия, есть на что посмотреть! И Томми с Анникой глядели во все глаза, чтобы не пропустить ничего интересного. Они искали среди команды Агафона и Теодора, но их не оказалось, и Пеппи объяснила, что близнецы уже давно списались на берег.

Пеппи так крепко сжимала в своих объятиях всех матросов, что у них хрустели рёбра. А потом она посадила капитана себе на плечи и понесла его, пробиваясь сквозь толпу, через весь город, домой, на свою виллу. Томми и Анника шли следом за Пеппи, держась за руки.

– Да здравствует король Эфроим! – кричала толпа, и все понимали, что это большой день в истории города.

Несколько часов спустя капитан Длинныйчулок уже лежал в постели и спал богатырским сном, он храпел так, что весь дом сотрясался. А на кухне Пеппи, Томми и Анника сидели вокруг стола, с которого ещё не убрали остатки роскошного ужина. Томми и Анника были молчаливы и задумчивы. О чём они размышляли? Анника думала о том, что если всё хорошенько взвесить, то, пожалуй, выяснится, что жить дальше нет никакого смысла, а Томми пытался припомнить, есть ли на свете хоть что-нибудь хорошее, но так и не мог ничего найти. «Жизнь – настоящая пустыня», – думал он.

Зато Пеппи была в превосходнейшем настроении. Она играла с Господином Нильсоном, который осторожно ходил по столу между тарелками, приставала к Томми и Аннике, то насвистывала, то напевала, то даже принималась плясать и, казалось, совершенно не замечала, что её друзья чем-то подавлены.

– До чего же здорово снова отправиться в плавание! – воскликнула она. – Снова оказаться на море, вот счастье!

Томми и Анника горько вздохнули.

– Ух, как мне не терпится увидеть страну Веселию. Представляете, лежать день-деньской на песочке и пробовать большим пальцем ноги, тёплая ли вода в этом самом тёплом синем море, да глазеть по сторонам, а время от времени раскрывать рот, чтобы туда смог упасть спелый-спелый банан.

Томми и Анника вздохнули.

– Я думаю, что играть с негритятами тоже очень забавно!

Томми и Анника снова вздохнули.

– Что вы всё вздыхаете? Вы не любите негритят?

– Любим, – сказал Томми, – но мы думаем о том, что ты не скоро,

наверное, вернёшься сюда.

– Да, конечно, – радостно подтвердила Пеппи. – Но в этом нет ничего печального. Я думаю, в Веселии будет очень весело.

Анника с отчаянием поглядела на Пеппи:

– О Пеппи, когда ты вернёшься?

– Ну, этого я не знаю. Я думаю, к Рождеству, но это не точно.

Анника просто застонала.

– Кто знает, – продолжала Пеппи, – может, в Веселии будет так хорошо, что мне вообще не захочется возвращаться домой. Гоп, гоп! – закричала Пеппи и снова сделала несколько танцевальных па. – Быть негритянской принцессой – совсем неплохое занятие для девочки, которая не ходит в школу.

Глаза у Томми и Анники как-то подозрительно заблестели. И вдруг Анника не выдержала, уронила голову на руки и громко заплакала.

– Но если всё взвесить как следует, то я всё же думаю, что я не останусь там навсегда, – сказала Пеппи. – Мне кажется, что придворная жизнь мне в конце концов наскучит, и в один прекрасный день я скажу вам: «Томми и Анника, как вы думаете, не пора ли мне вернуться?»

– Ой, как мы будем рады, когда ты нам это напишешь! – воскликнул Томми.

– Напишу? – переспросила Пеппи. – А вы разве глухие? И не подумаю писать, а просто скажу вам: «Томми и Анника, нам пора отправляться домой».

Анника подняла голову и поглядела на Пеппи, а Томми спросил:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что я хочу сказать? Вы что, перестали понимать по-шведски? Неужели я забыла вам сказать, что мы вместе поедem в Веселию. Честное слово, я думала, что вам об этом сказала.

Томми и Анника повскакали с мест. Они едва могли перевести дух и были не в силах вымолвить ни слова. Но в конце концов Томми всё же сказал:

– Да что ты болтаешь, папа и мама нас никогда в жизни не отпустят!

– А вот и нет! – сказала Пеппи. – Я уже обо всём договорилась с твоей мамой.

Снова на кухне воцарилось молчание, и длилось оно не меньше пяти секунд. А потом раздались два диких вопля – это Томми и Анника кричали от радости. Господин Нильсон, который сидел на столе и пытался намазать маслом свою шляпу, удивлённо взглянул на детей. Ещё больше он был удивлён, когда увидел, что Пеппи, Томми и Анника взялись за руки

и принялись скакать вокруг стола. Они так прыгали и кричали, что в конце концов с потолка упала люстра. Господин Нильсон недолго думая выбросил в окно нож и тоже принялся плясать.

– Ой, до чего же это здорово! – сказал Томми, когда все они немного успокоились и уселись на пол в чулане, чтобы всё обсудить.

Пеппи кивнула в ответ.

Да, это и в самом деле было здорово. Томми и Анника поплывут с ней вместе в Веселию! Конечно, все старухи, знакомые фру Сёттергрэн, приплетутся к ним и начнут зудить:

– Само собой разумеется, ты это не всерьёз! Не можешь же ты отпустить своих детей в такую даль, в какое-то Южное море. Да ещё с Пеппи! Нет, нипочём не поверим, что ты всерьёз приняла такое решение.

Но фру Сёттергрэн им скажет:

– А почему бы мне этого не сделать? Дети перенесли корь, и доктор сказал, что им необходимо переменить климат. Пеппи я знаю уже давно, за всё время она никогда не делала ничего такого, что повредило бы Томми и Аннике. Нет, никто не будет о них лучше заботиться, чем Пеппи, – вот моё мнение.

– Да что ты! Да как ты! Отпустить детей с Пеппи Длинныйчулок! Что за дикая мысль! – скажут старые тётки и брезгливо поморщатся.

– Да, именно с Пеппи! – ответит им фру Сёттергрэн. – Быть может, Пеппи и не всегда умеет себя прилично вести, зато у неё золотое сердце. А это важнее хороших манер.

Ранней весной, когда было ещё холодно, Томми и Анника впервые в жизни покинули наш маленький городок и вместе с Пеппи отправились в далёкое путешествие. Они стояли все трое на палубе и махали руками, а свежий весенний ветер надувал паруса «Попрыгуньи». Они стояли все трое – вернее, все пятеро, потому что и лошадь и Господин Нильсон поднялись на борт вместе с ними.

Все школьные товарищи Томми и Анники были на набережной и чуть не плакали от тоски по дальним путешествиям и от зависти. На следующий день им предстояло, как всегда, идти в школу. Об островах на Южном море они прочтут только в своём учебнике по географии. А Томми и Аннике не придётся больше читать никаких учебников в этом году. «Здоровье важнее занятий в школе», – сказал доктор. «А на островах хоть кто поправится», – добавила Пеппи.

Мама и папа Томми и Анники долго стояли на набережной, и у детей ёкнуло сердце, когда они увидели, что родители украдкой подносят носовые платки к глазам. Но Томми и Анника были так счастливы, что

даже это не смогло омрачить их настроения.

«Попрыгунья» медленно отваливала от причала.

– Томми и Анника, – кричала вдогонку фру Сёттергрэн, – когда вы будете плыть по Северному морю, не забудьте надеть по два тёплых свитера и...

Что мама ещё хотела им сказать на прощание, дети так и не расслышали, потому что её слова заглушили прощальные крики ребят на набережной, громкое ржанье лошади, счастливые вопли Пеппи и трубные звуки, которые издавал капитан Длинныйчулок, когда он сморкался.

Плавание началось. Над «Попрыгуньей» сияли звёзды, айсберги плясали вокруг её форштевня, ветер гудел в её парусах.

– О Пеппи, – воскликнула Анника, – до чего же мне хорошо! Знаешь, когда я вырасту, я тоже буду пиратом!

Как Пеппи сходит на берег

– Вот она, Веселия, прямо перед нами! – закричала Пеппи как-то рано утром, когда стояла на вахте; платья на ней не было, вся её одежда состояла из платка, обмотанного вокруг талии.

Они плыли уже много дней и ночей, много недель и месяцев, они попадали и в бурю и в штиль, ночи были то тёмные, то лунные, то звёздные, небо было то затянуто грозowymi тучами, то ослепляло синевой, то шёл дождь, то палило солнце, – они плыли так долго, что Томми и Анника почти забыли, как жили дома, в своём маленьком городке.

Вот бы удивилась мама, если бы увидела их теперь. От болезненной бледности не осталось и следа. Они были тёмно-бронзовые от загара, выглядели очень здоровыми и карабкались по вантам не хуже Пеппи. Чем дальше продвигалась «Попрыгунья» на юг, тем больше они раздевались, потому что становилось всё жарче. Так из укутанных во множество тёплых свитеров и шарфов детей, которые пересекали Северное море, они превратились в коричневых голышей с пёстрыми набедренными повязками.

– Ох, до чего же жизнь прекрасна! – кричали Томми и Анника каждое

утро, когда они просыпались в каюте, где жили вместе с Пеппи.

Пеппи часто просыпалась ещё раньше и стояла целую вахту у румпеля.

– Лучше рулевого, чем моя дочь, я ещё не встречал на семи морях, – любил повторять капитан Длинныйчулок.

И он был прав. В самые страшные бури Пеппи уверенной рукой вела «Попрыгунью» мимо самых опасных рифов.

И вот теперь их путешествие подходило к концу.

– Веселия перед нами! – вопила Пеппи.

Да, вот она, Веселия – зелёный, поросший пальмами остров, окружённый синей водой.

Два часа спустя «Попрыгунья» вошла в небольшую бухту с западной стороны острова. На песчаный берег высыпали все веселяне, мужчины, женщины и дети, чтобы встретить своего короля и его рыжеволосую дочку. Когда корабль подошёл к берегу, толпа приветствовала его громкими криками.

– Уссамкура, куссомкара! – кричали веселяне, что означало: «Добро пожаловать, наш толстый белый предводитель!»

Король Эфроим I поднял руки в знак приветствия и закричал:

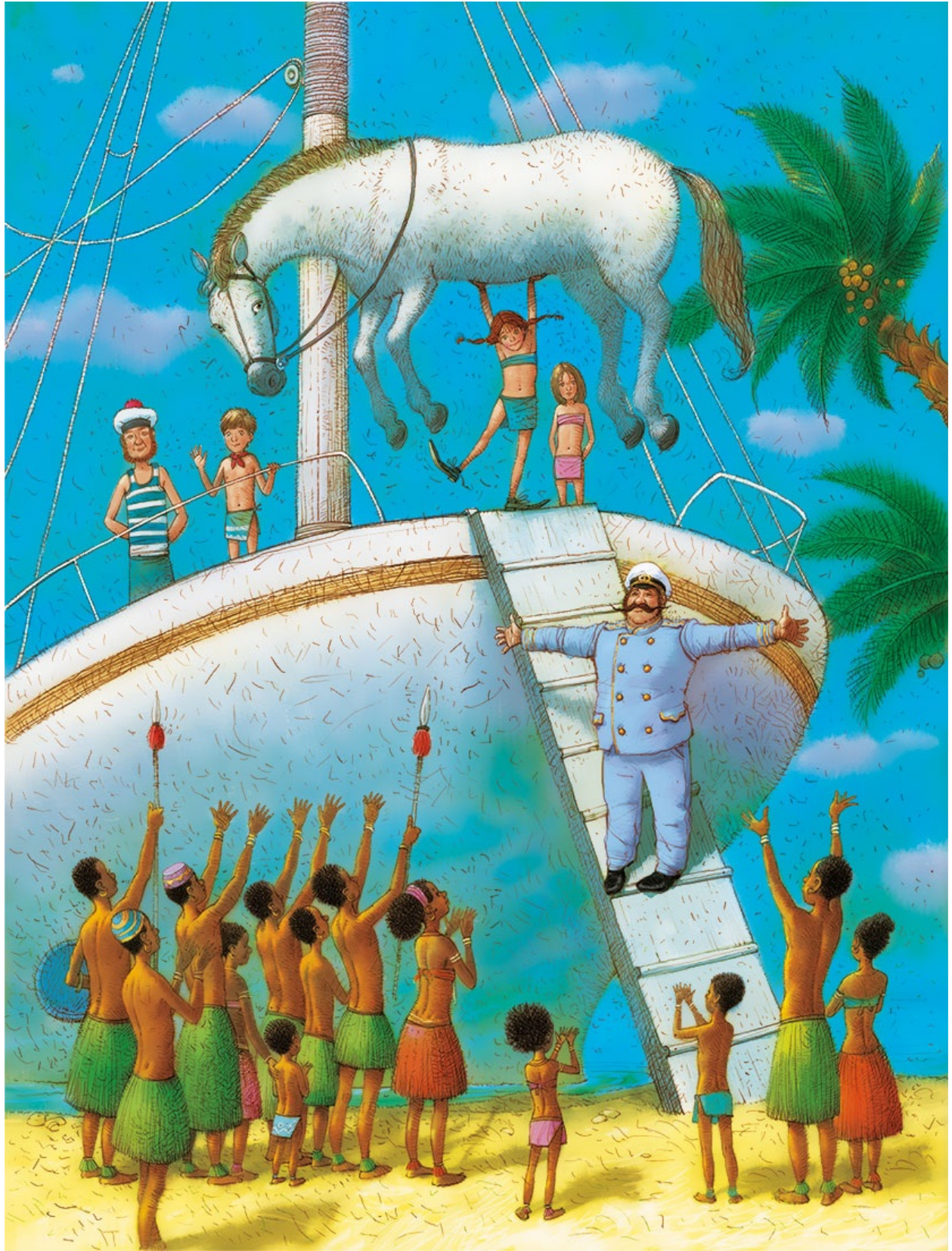
– Муони манана!

Это означало: «Я рад вам снова служить!»

Вслед за отцом на берег сошла Пеппи, на руках она несла свою лошадь. Вихрь восхищения пробежал по толпе. Конечно, все слышали о легендарной силе Пеппи, но одно дело – слышать, а другое – видеть своими глазами. Томми и Анника тоже сошли на берег. Они скромно держались в стороне и приветливо кивали толпе, но веселяне не могли отвести восхищённых глаз от Пеппи и ничего не видели вокруг. Капитан Длинныйчулок подбросил Пеппи в воздух, а потом поставил себе на плечи, чтобы все могли её разглядеть, и тогда по толпе пробежал вихрь восхищения. Когда же Пеппи, спрыгнув на землю, посадила на одно плечо капитана, а на другое лошадь, вихрь восхищения перерос в настоящий ураган.

Всё население Веселии насчитывало сто двадцать шесть человек.

– Это как раз нужное количество подданных, – любил повторять король Эфроим. – Большим народом управлять трудно.

Все веселяне жили в крошечных уютных хижинах, разбросанных в пальмовой роще. Самая большая и красивая хижина принадлежала королю Эфроиму. Команда «Попрыгуньи» тоже построила себе хижины, где жили матросы, когда корабль стоял на якоре в бухте. Вот и сейчас он должен был стать на якорь, но сперва ещё предстояла небольшая экспедиция на соседний остров, находящийся в пятидесяти милях севернее. Дело в том, что там была лавка, где можно было купить нюхательный табак для капитана Длинныйчулок.

Под огромной кокосовой пальмой специально для Пеппи была выстроена изящная маленькая хижина. Вместе с Пеппи туда побежали Томми и Анника. Но капитан задержал их. Он потребовал, чтобы дети вернулись с ним на берег.

Он схватил Пеппи и понёс её на руках.

– Вот сюда, – сказал он и указал толстым пальцем на какой-то камень. – Вот сюда меня прибило ветром, когда я потерпел кораблекрушение.

Веселяне поставили памятник в честь этого знаменательного события. На камне они высекли надпись на веселянском языке:

«По большому синему морю к нам приплыл наш толстый предводитель. В этом месте он ступил на наш берег, теперь здесь цветёт хлебное дерево. Да будет он всегда таким же толстым и великолепным, как в тот день, когда нога его коснулась нашей земли».

Капитан Длинныйчулок вслух прочёл эту надпись Пеппи, Томми и Аннике, его голос дрожал, так он был растроган. Потом он громко высморкался.

Когда солнце начало садиться и вот-вот должно было утонуть в бескрайнем Южном море, веселяне созвали барабанным боем всё население на главной площади, которая находилась посреди селения. Там стоял трон короля Эфроима, он был сделан из бамбука и увит диковинными красными цветами. На этом троне король сидел, когда правил островом. Для Пеппи веселяне тоже соорудили специальный трон, только поменьше, и поставили рядом с тронном отца. Они даже сбили на скорую руку два маленьких бамбуковых стульчика – для Томми и Анники.

Когда король Эфроим, исполненный величия, занял своё место на троне, барабаны забили ещё громче. Он сменил костюм капитана на королевскую мантию, на голове у него была корона, он был опоясан юбочкой из мочала, на шее висел зуб акулы, а ноги его были украшены браслетами. Пеппи непринуждённо уселась на свой трон. На ней по-прежнему была только одна пёстрая набедренная повязка, но в волосы она

воткнула белый и красный цветки, чтобы выглядеть наряднее. Анника тоже украсила себе волосы цветами, а вот Томми ни за что не захотел. Никто не смог его уговорить заложить за ухо цветок.

Король Эфроим долго отсутствовал и запустил все дела, поэтому теперь он стал править островом что было сил, чтобы наверстать упущенное. Тем временем к трону Пеппи стали подходить маленькие чёрные веселяне. Непонятно, по каким причинам они вообразили, что белая девочка куда прекраснее их самих, и поэтому они были преисполнены к ней невероятного почтения, к тому же Пеппи была ещё принцессой. Поэтому, подойдя к её трону, они вдруг упали на колени и уткнулись лбами в землю.

Пеппи тут же спрыгнула с трона.

– Что я вижу? – воскликнула она. – Вы тоже играете в секлетарей? Давайте играть вместе!

Она тоже встала на колени и принялась обнюхивать землю.

– Я вижу, что здесь до нас успели побывать другие секлетари, – сказала она минуту спустя. – Здесь ничего не найдёшь, даже жалкой завалявшейся булавки. Это ясно.

Пеппи снова села на трон. Как только она это сделала, все дети снова рухнули на землю.

– Ах, понимаю, вы здесь, наверное, что-то потеряли. Но здесь ничего нет, так что не стоит искать, встаньте!

Капитан Длинныйчулок так долго жил на острове, что многие веселяне немного выучили шведский язык. Конечно, они не знали таких трудных слов, как «квитанция» или «генерал-майор», но самые нужные слова они уже умели говорить. Даже дети знали многие выражения, например, вот такие: «не лезь», «отойди», «пошёл!». Одна девочка, по имени Момо, особенно хорошо выучила шведский, потому что часто играла возле хижин, где жила команда «Попрыгуны», и слышала, как разговаривают матросы. А вот другая девчушка, которая очень понравилась Пеппи и которую звали Моана, таких успехов, к сожалению, не сделала.

И вот Момо попыталась объяснить Пеппи, почему они падали перед ней на колени.

– Ты прекрасная белая принцесса, – сказала она.

– Да какая я тебе принцесса? – возмутилась Пеппи, с трудом объясняясь на ломаном веселянском языке. – Я Пеппи Длинныйчулок, и этот трон мне нужен только для игры.

Она вскочила с трона. Король Эфроим тоже сошёл с трона, потому что на сегодня он кончил управлять островом.

Когда огненный красный шар исчез в Южном море и на небе загорелись звёзды, веселяне разожгли огромный костёр на главной площади, и король Эфроим, Пеппи, Томми, Анника и все матросы с «Попрыгуны» улеглись на зелёной траве и стали смотреть, как веселяне танцуют вокруг огня. Глухие удары барабана, странные танцы, пряные запахи тысяч незнакомых цветов, растущих в джунглях, яркое звёздное небо над головой – от всего этого Томми и Аннику охватило какое-то странное состояние. До них доносился вечный шум прибоя, он звучал как могучий аккомпанемент ко всему происходящему.

– Я думаю, что это самый замечательный остров на свете, – сказал Томми, когда они с Пеппи и Анникой ушли в хижину под кокосовой пальмой и собирались ложиться спать.

– Я тоже так думаю, – сказала Анника, – а ты, Пеппи?

Но Пеппи молча лежала, положив, по своему обыкновению, ноги на подушку.

– Слушайте, – сказала она наконец, – слушайте, как гудит прибой.

Как Пеппи разговаривает с акулой

Пеппи, Томми и Анника проснулись очень рано. Но местные ребята встали ещё раньше. Они сидели под кокосовой пальмой и ждали, когда наконец Пеппи и её друзья выйдут из хижины и начнут с ними играть. Веселята без умолку болтали на своём веселянском языке, и когда они смеялись, то белые зубы так и сверкали на тёмных лицах.

Целая орава ребят во главе с Пеппи отправилась на берег. Томми и Анника стали прыгать от восторга, когда увидели тонкий белый песок, в который можно зарыться, и синее море, которое было таким манящим. Коралловый риф почти закрывал вход в бухту и служил естественным волнорезом, поэтому вода в бухте была недвижима и сверкала как зеркало. Все дети, и белые, и чёрные, сняли набедренные повязки и с криками и хохотом бросились купаться.

Потом все легли загорать, и Пеппи, Томми и Анника решили, что куда лучше иметь чёрную кожу, чем белую, потому что так весело сыпать на неё белый песок. Пеппи зарылась в песок по самую шею – торчала только её веснушчатая мордочка да две рыжие косички. Это выглядело очень забавно. А потом все дети уселись вокруг Пеппи.

– Расскажи нам, как живут белые дети в стране белых детей, – попросила Момо.

– Белые дети очень любят помножение... – начала Пеппи.

– Надо говорить: умножение, – поправила Анника. – Да к тому же, – продолжала она тихим голосом, – боюсь, что это неправда: не так уж мы любим умножение.

– Белые дети ужасно любят помножение, – упрямо повторила Пеппи. – Они просто с ума сходят, если им несколько дней не задают на дом примеры по помножению.

Пеппи трудно было говорить на такую серьёзную тему на своём ломаном веселянском языке, поэтому она перешла на родной язык:

– Когда видишь, что какой-нибудь белый ребёнок плачет, то можно не сомневаться: его не пустили в школу, или просто начались каникулы, или учительница забыла задать им задачки на помножение. А уж о том, как несчастны белые дети, когда наступают летние каникулы, лучше и не говорить. По всей стране стоит плач и стон, можно подумать, что кто-то умер, – так все печальны. Когда закрываются на лето двери школы, все дети ходят с красными, заплаканными глазами. Они сидят по домам и сдавленными голосами поют самые грустные песни, а некоторые так заходятся от плача, что начинают икать. Шутка ли, несколько долгих месяцев им нельзя будет заниматься помножением! Да, нет ничего печальнее на свете, чем школьные каникулы, – закончила Пеппи и глубоко вздохнула.

– Ой! – только и смогли вымолвить Томми и Анника.

Момо никак не могла понять, что это за штука такая «помножение», и попросила, чтобы ей объяснили. И только Томми решил рассказать про таблицу умножения, как его опередила Пеппи.

– Подожди, сейчас ты всё поймёшь, – сказала она Момо. – Это вот что: $7 \times 7 = 102$. Ясно?

– Нет, 7×7 никак не может равняться 102, – сказала Анника.

– Конечно, потому что $7 \times 7 = 49$, – подхватил Томми.

– Вы забыли – мы находимся в Веселии! – возмутилась Пеппи. – Здесь всё по-другому, и климат совсем другой, и земля такая плодородная, что 7×7 обязательно должно быть больше, чем у нас.

– Ой! – снова воскликнули Томми и Анника.

Занятия по арифметике прервал капитан Длинныйчулок, который пришёл на пляж, чтобы объявить детям, что он со своей командой и со всеми веселянами собирается переправиться на несколько дней на другой остров, чтобы поохотиться всласть на диких кабанов. Капитану что-то очень захотелось полакомиться жареной свининкой. Все женщины-веселянки тоже отправятся на охоту с мужчинами – громкими криками

будут выгонять кабанов на открытое место. Другими словами, это означало, что дети останутся одни на острове.

– Надеюсь, вы не огорчены? – спросил капитан.

– Сам догадайся, – сказала Пеппи, – но я должна тебе сообщить, что никогда ещё не слышала, чтобы какие-нибудь дети огорчались, оставшись одни без взрослых; на радостях я даже готова выучить наизусть всю таблицу умножения. Клянусь!

– Значит, всё в порядке, – сказал капитан Длинныйчулок.

Он направился к большим лодкам, где его уже ждали команда и весельяне, вооружённые щитами и копьями. Охотники погрузились на лодки и тут же отчалили.

Пеппи сложила руки рупором и крикнула им вслед:

– Мир плавающим и путешествующим! Но если вы не вернётесь ко дню моего пятидесятилетия, я вас разыщу с помощью радио.

Оставшись одни, Пеппи, Томми и Анника, Момо, Моана и все остальные дети радостно переглянулись. Вид у них был очень довольный: на несколько дней они получили в собственное распоряжение самый прекрасный из всех островов Южного моря!

– Что мы будем делать? – спросили Томми и Анника.

– Для начала позавтракаем, – заявила Пеппи и, не теряя времени, полезла на высокую пальму за кокосовыми орехами.

Момо и другие дети с острова кинулись рвать бананы и плоды хлебного дерева. Потом Пеппи разожгла на пляже костёр и поджарила на нём эти великолепные плоды. Дети сели в кружок, и каждый получил большую порцию завтрака; он состоял из жареных плодов хлебного дерева, кокосового молока и бананов на сладкое.

В Веселии не было лошадей, и поэтому у местных ребятишек лошадь Пеппи вызвала огромный интерес. Всем, кто не боялся, Пеппи разрешила на ней покататься.

Моана сказала, что она с удовольствием поехала бы когда-нибудь в далёкую страну, где водятся такие удивительные звери.

Господина Нильсона не было видно. Он отправился на экскурсию в джунгли, где, видно, надеялся встретиться со своими родичами.

– А теперь что мы будем делать? – спросили Томми и Анника, когда всем надоело кататься на лошади.

– Белые дети хотят посмотреть наши пещеры, замечательные пещеры, да? – предложила Момо.

– Конечно, мы хотим посмотреть замечательные пещеры, очень-очень хотим, – ответила Пеппи.

Остров Веселия был коралловым островом. С южной стороны над морем нависали отвесные скалы, и в них находились пещеры, которые волны на протяжении многих столетий всё больше углубляли. Часть этих пещер была расположена ниже уровня моря, и они всегда были наполнены водой, но многие значительно выше, в верхней части скальной стены, и вот туда-то и ходили играть веселята. В самой большой пещере они устроили себе настоящий лагерь с большим запасом кокосовых орехов и разных фруктов. Но добраться до этой пещеры было делом нелёгким. Приходилось с большой осторожностью карабкаться вверх, а кое-где и ползти по отвесным скалам, цепляясь руками за трещины и выступы. Одно неосторожное движение, и можно было тут же свалиться в море, что, конечно, не предвещало ничего хорошего. Дело в том, что именно в этой бухте водились хищные акулы, которые, как известно, очень любят лакомиться маленькими детьми. Правда, это не пугало местных ребятишек, которые часто забавлялись тем, что ныряли за жемчугом, но при этом обязательно кто-нибудь из них наблюдал за морем и, как только показывался акулий плавник, криком предупреждал ныряльщиков. В большой пещере у детей был целый склад сверкающих жемчужин, добытых из раковин. Они собрали их, чтобы играть в шарики, и понятия не имели о том, что эти жемчужины в стране белых людей стоят огромных денег. Капитан Длинныйчулок, когда отправлялся в плавание, брал с собой две-три штуки, чтобы где-нибудь обменять их на нюхательный табак. За жемчужины, собранные ребятами, можно было бы получить много разных хороших вещей, в которых нуждались подданные короля Эфроима, но по зрелом размышлении он всё же решил, что его верные веселяне и так живут счастливо и что лучше ничего не менять в их жизни. Поэтому дети могли спокойно играть жемчугом в шарики.

Анника захлопала в ладоши, когда Томми сказал ей, что надо карабкаться по скалам, чтобы добраться до большой пещеры. Начало пути было совсем нетрудным, но потом скалы становились всё более отвесными, а уступы для ног всё уже и уже. Последние несколько метров до пещеры надо было ползти по гладкой скале.

– Нет, – сказала Анника, – нет, я боюсь.

Ползти над морем, которое кишмя кишит акулами и куда каждую минуту можно сорваться, – нет! На это Анника решиться не могла, да это ей совсем не казалось забавным.

Томми не на шутку рассердился.

– Я так и знал, нельзя отправляться в путешествие по Южному морю вместе с моей сестрицей, – сказал он, сердито глядя на Аннику, которая застыла в нерешительности. – Смотри и ползи за мной...

И вдруг – плюх! – Томми упал в воду. Анника завопила не своим голосом. Веселята закричали в ужасе: «Акула, акула!» – и показали на воду. И в самом деле, совсем близко от Томми показался чёрный плавник – видно было, что акула плывёт прямо на мальчика.

Плюх! На этот раз это была Пеппи, которая сама прыгнула в воду. Она приближалась к Томми с такой же быстротой, что и акула. Томми был чуть жив от страха: острые зубы акулы уже вонзились ему в ногу. Но в ту же секунду Пеппи схватила руками громадную рыбину и подняла её высоко над головой.

– Всякий стыд потеряла! – кричала Пеппи акуле.

Акула удивлённо уставилась на девочку, и ей как-то стало не по себе. Ведь её никогда не поднимали на руках, да и дышать на воздухе было трудно.

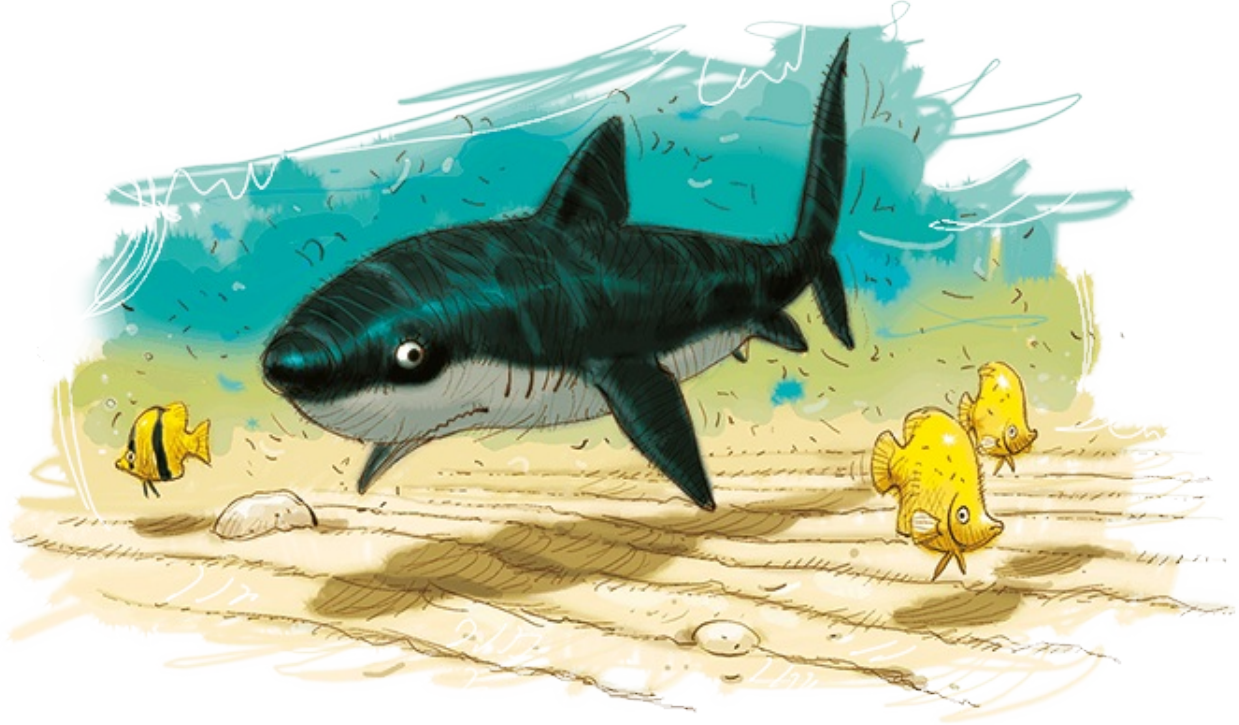
– Дай честное слово, что ты больше не будешь кусаться, тогда я тебя отпущу, – строго сказала Пеппи и со всего маха бросила её в море.

Акула поплыла так быстро, как только могла, она спешила убраться отсюда подобра-поздорову и при первой же возможности уплыть в Атлантический океан.

Тем временем Томми с трудом выбрался на маленький риф и сидел там, дрожа от страха. Из прокушенной ноги сочилась кровь. К Томми подплыла Пеппи, сперва она потрясла его за плечи, чтобы он пришёл в себя, потом так крепко сжала его в своих объятиях, что из него вышел весь воздух. Потом она перетасила его на скалы и села рядом с ним. Потом... потом, закрыв лицо руками, она вдруг заплакала. Да, представьте себе, Пеппи заплакала. Томми, и Анника, и все веселята глядели на неё с удивлением и тревогой.

– Ты плачешь, потому что Томми чуть не сожрала акула? – спросила наконец Момо.

– Нет, – хмуро ответила Пеппи и вытерла глаза. – Мне жалко бедную, маленькую, голодную акулу. Она осталась сегодня без завтрака.

Как Пеппи объясняется с Джимом и Буком

Акулы зубы лишь слегка поцарапали кожу на ноге у Томми, и поэтому он, как только успокоился, тут же захотел двинуться дальше и обязательно добраться до пещеры. Тогда Пеппи быстро сплела канат из лиан и привязала его одним концом к выступу скалы. Потом легко, словно горная козочка, добралась до пещеры и закрепила второй конец там. Теперь даже Анника могла, не боясь высоты, пройти по отвесной тропе и очутиться в верхней пещере: ведь когда держишься руками за канат, можно карабкаться даже по очень опасным кручам.

Пещера и в самом деле оказалась чудесной, да к тому же такой большой, что в ней без труда уместились все дети.

– Эта пещера, пожалуй, даже лучше, чем наш дуб с дуплом у тебя в саду, – сказал Томми.

– Ну, может, и не лучше, – возразила Анника. При мысли о дубе в их маленьком городке у неё защемило сердце и ей не захотелось признать, что есть на свете что-то лучшее, чем тот дуб. – Но я согласна, что эта пещера такая же прекрасная, как наш дуб.

Момо показала белым детям, какие огромные запасы кокосовых орехов и плодов хлебного дерева хранятся в пещере. Здесь можно было спокойно прожить несколько недель, не испытывая голода. Моана показала им бамбуковый стакан, наполненный отборными жемчужинами, и подарила Пеппи, Томми и Аннике по горсти жемчуга.

– Ну и красивые же у вас шарики, должна я вам сказать! –

с восхищением воскликнула Пеппи.

Как прекрасно было сидеть у входа в пещеру и глядеть на море, сверкающее в солнечных лучах! И до чего же забавно было лежать на животе и плевать сверху прямо в море! Томми предложил устроить соревнование: кто плюнет дальше? Момо оказалась непревзойдённым мастером плевания. И всё же ей не удалось переплюнуть Пеппи. Пеппи плевала своим особым стилем, выталкивая слюну между передними зубами, и никто не мог сравниться с ней в этом искусстве.

– Если в Новой Зеландии сейчас моросит дождик, то это моя вина, – с восторгом заявила Пеппи.

А вот у Томми и Анники дело с плеванием никак не ладилось.

– Белые дети не умеют плевать, – разочарованно заметила Момо. Пеппи она, видно, не считала настоящим белым ребёнком.

– Как это белые дети не умеют плевать? – возмутилась Пеппи. – Ничего не знаешь и зря болтаешь. Ведь их учат плевать с первого класса! Плевки в высоту, плевки в длину, тройной плевком с прыжком. Ты бы только поглядела на учительницу Томми и Анники, вот кто плюётся, как бог! Она чемпионка по тройному плевку с прыжком. Когда она прыгает и плюёт, стадион гудит от восторга.

– Ой! – только и смогли вымолвить Томми и Анника.

Пеппи поднесла к глазам руку, чтобы защититься от солнца, и внимательно поглядела вдаль.

– Там, вдали, появился пароход, – сказала она, – совсем маленький-маленький пароходик. Интересно, что ему здесь надо?

И в самом деле было чему удивляться, а пароход тем временем быстро приближался к острову. На его борту, помимо матросов-негров, находились двое белых. Их звали Джим и Бук.

Это были загорелые, здоровенные парни, которые выглядели как настоящие бандиты, потому что и в самом деле были бандитами.

Как-то раз капитан Длинныйчулок покупал нюхательный табак на соседнем острове, а в лавку как раз зашли Джим и Бук. Они видели, как капитан вынул из кармана и положил на прилавок несколько огромных и очень красивых жемчужин, чтобы расплатиться за покупку, и слышали, как он рассказывал, что на острове Веселия дети играют такими жемчужинами в шарики. С этого дня у них появилась единственная цель в жизни – отправиться на остров и отобрать у детей весь жемчуг. Они знали, что капитан Длинныйчулок обладает невероятной силой, да и команда «Попрыгуньи» тоже внушала им страх, поэтому они решили не наведываться на остров, пока все мужчины не отправятся на охоту. И вот

теперь наконец представился долгожданный случай. С соседнего острова они уже давно следили за тем, что происходит в Веселии. Как только они увидели в бинокль, что капитан, и все матросы, и все веселяне сели на лодки, Джим и Бук, не теряя времени, тоже отправились в путь.

– Бросай якорь! – скомандовал Бук, когда они вошли в бухту.

Пеппи и все дети молча наблюдали из пещеры за манёврами бандитов. Пароходик встал на якорь, на воду спустили шлюпку, и Джим и Бук стали грести к берегу. Матросам-неграм был дан приказ оставаться на борту.

– Мы незаметно подкрадёмся к селению и застанем их врасплох, – сказал Джим. – Там никого не должно быть, кроме детей и нескольких женщин.

– Да, – подтвердил Бук, – я даже думаю, что мы застанем на острове одних детей. Надеюсь, они уже вдоволь наигрались в шарики, ха-ха-ха!

– Почему вы так думаете?! – крикнула Пеппи из пещеры. – Вы что, сами хотите поиграть в шарики? А вот я думаю, что в чехарду играть веселее.

Джим и Бук резко обернулись и увидели Пеппи и всех остальных детей в отверстии пещеры – вернее, не самих детей, а только их головы. Довольная улыбка пробежала по их лицам.

– Вот, оказывается, где все дети, – сказал Джим.

– Отлично! – воскликнул Бук. – Я думаю, этот матч мы с лёгкостью выиграем.

Бандиты решили действовать хитро. Ведь никто из них не знал, где дети прячут жемчуг, и поэтому лучше всего было выманить их из пещеры так, чтобы они спустились добровольно к берегу.

Поэтому Джим и Бук притворились, будто прибыли сюда вовсе не в погоне за жемчугом, а просто так, совершая небольшую морскую прогулку. Они сказали, что им стало очень жарко, что они мокрые как мыши, и Бук объявил, что им просто необходимо выкупаться.

– Я сейчас вернусь, только смотаюсь на наш баркас за плавками, – объявил он.

Так он и сделал. А Джим тем временем одиноко стоял на берегу.

– Скажите, здесь хорошо купаться? Я хочу сказать, хорошее ли здесь место для купанья? – крикнул он, обращаясь к ребятам.

– Отличное! – сказала Пеппи. – Отличное, акулы это подтвердят, они здесь купаются целые дни напролёт.

– Зачем ты нас пугаешь? – сказал Джим с укором. – Я что-то не вижу здесь акул.

Но всё же он немного испугался и, когда Бук вернулся с плавками,

рассказал ему о предостережении Пеппи.

– Вздор! – оборвал его Бук и крикнул Пеппи: – Ты говоришь, здесь купаться опасно?

– Нет, – сказала Пеппи, – я никогда этого не говорила.

– Как-то странно получается, – возмутился Джим, – разве ты не говорила, что здесь часто попадаются акулы?

– Говорила, я и не отрицаю. Но я не говорила, что купаться опасно, нет, я не могу этого сказать. Ведь даже мой дедушка купался здесь в прошлом году.

– Что, что? – переспросил Бук.

– Я говорю, что дедушка купался здесь год назад, а в эту пятницу уже вернулся из больницы домой, – продолжала Пеппи, – и у него теперь такая аккуратная деревянная нога – любой старик позавидует.

Пеппи задумчиво плюнула в воду.

– Так что я никак не могу сказать, что здесь купаться опасно. Конечно, рискуешь потерять руку или там ногу, но ведь деревянные протезы стоят не дороже кроны, и я думаю, вы не станете из скупости отказываться от удовольствия здесь выкупаться.

И Пеппи снова плюнула в воду.

– Мой дедушка радовался своей деревянной ноге, как дитя. Он уверяет, что нога эта просто незаменима, когда надо с кем-нибудь подраться.

– Знаешь, что я думаю? – сказал Бук. – Я думаю, ты врешь. Твой дедушка – старый человек. Не может он ни с кем драться.

– Как это так не может?! – возмутилась Пеппи. – Он самый злобный старик на свете, и он вечно бьет кого-нибудь по черепу своей деревянной ногой. Он просто чувствует себя больным, если не может кого-нибудь колотить с утра до вечера. Когда ему никто не попадается под руку, он от злобы сам себе даёт по уху.

– Да что ты болтаешь? – сказал Бук. – Никто не может сам себе дать по уху.

– Ну конечно, – согласилась Пеппи, – он становится для этого на стул.

Бук на минуту задумался над словами Пеппи, но потом он выругался и сказал:

– Заткнись! Уши вянут от твоей дурацкой болтовни! Пошли, Джим, давай разденемся.

– Я забыла вам сказать, – не унималась Пеппи, – что у моего дедушки

самый длинный в мире нос. У него было пять попугаев, и все пятеро усаживались рядом у него на носу.

Тут Бук уже всерьёз рассердился:

– Знаешь что, рыжий чертёнок, ты самая большая лгунья, какую я когда-либо видел. Да как тебе не стыдно! Неужели ты можешь всерьёз меня уверять, что пять попугаев рядом сидели на носу у твоего дедушки?! Сейчас же признайся, что это ложь.

– Да, – печально сказала Пеппи, – да, это ложь.

– Ну вот видишь, – обрадовался Бук, – я же говорил тебе.

– Это ужасная, чудовищная ложь, – подтвердила Пеппи, становясь всё более и более печальной.

– Я в этом не сомневался, – сказал Бук.

– Потому что пятый попугай, – с трудом проговорила Пеппи, не в силах больше сдерживать рыданий, – пятому попугаю приходилось стоять на одной ноге!

– Ну, хватит нам заливать, – грубо одёрнул её Бук и направился вместе с Джимом в кусты, чтобы переодеться.

– Пеппи, у тебя же нет никакого дедушки, – шепнула Анника.

– Ну да, нет, – весело отозвалась Пеппи. – А разве обязательно иметь дедушку?

Бук первый надел плавки и не без шика прыгнул в воду со скального выступа. Он поплыл, удаляясь от берега, а дети с напряжённым вниманием следили за ним. Вскоре они увидели плавник акулы, который на мгновение блеснул на поверхности воды.

– Акула! Акула! – закричала Момо.

Бук, который до этой секунды плавал с явным удовольствием, повернул голову и увидел, что прямо на него и в самом деле движется этот страшный морской хищник.

Наверно, никогда никто ещё не плыл с такой быстротой, как Бук, спасаясь от акулы. В мгновение ока добрался он до берега и как ошпаренный выскочил из воды. Он испугался до смерти, был злой как собака и повёл себя так, будто Пеппи лично виновата в том, что здесь водятся акулы.

— Как тебе только не стыдно, противная девчонка, — орал он, — ведь море здесь кишмя кишит акулами!

— Да разве я этого вам не говорила? — сказала Пеппи, склонив голову набок. — Дело в том, что я не всегда вру.

Джим и Бук снова зашли в кусты, на этот раз, чтобы снять плавки. Они понимали, что пора уже заняться жемчугом. Никто ведь не знал, как долго капитан Длинныйчулок и его спутники будут на охоте.

— Послушайте, милые дети, — начал Бук, — я слышал, будто здесь водятся жемчужные раковины. Скажите, это правда?

— Ещё бы! — воскликнула Пеппи. — Раковины валяются под ногами, если ходить по морскому дну. Ступай туда и пройдишь, сам убедишься.

Но Буку почему-то не захотелось больше лезть в воду.

— И в каждой раковине большие жемчужины. Вот вроде этой.

Пеппи вытащила из кармана и показала ему гигантскую

переливающуюся жемчужину.

Джим и Бук при виде её так разволновались, что едва устояли на месте.

– У вас много таких? – спросил Джим. – Мы бы охотно их у вас купили.

Это была, конечно, уловка. У Джима и Бука не хватило бы денег, чтобы купить жемчуг. Они просто хотели провести детей.

– Да, у нас здесь в пещере не меньше пяти-шести литров таких жемчужин, – ответила Пеппи.

Джим и Бук не смогли скрыть своей радости.

– Отлично! – воскликнул Бук. – Тащи их сюда! Мы их купим.

– Ну нет, – ответила Пеппи, – а чем же мы, бедные дети, будем играть в шарики? Об этом вы не подумали?

Прошло немало времени в бесплодных переговорах, прежде чем Джим и Бук поняли, что хитростью им жемчуга у ребят не выманить. И тогда они решили добиться силой того, что не удалось сделать хитростью. Теперь они знали, где находится жемчуг, оставалось только добраться до пещеры и отнять его.

Но легко сказать – добраться до пещеры! Пока шли переговоры, Пеппи предосторожности ради отцепила канат, который она сплела из лиан, и спрятала его в пещеру.

Джим и Бук и не подозревали, как трудно карабкаться по отвесным скалам, хотя им совсем не хотелось туда лезть. Но другого выхода у них не было.

– Лезь ты первым, Джим, – сказал Бук.

– Нет, ты, Бук, – сказал Джим.

– Лезь ты, слышишь! – сказал Бук и выразительно посмотрел на Джима: он был сильнее Джима, и Джиму пришлось лезть.

Он отчаянно хватался за каждый выступ, холодный пот градом катился у него по спине.

– Держись покрепче, не то плюхнешься в воду, – предостерегала его Пеппи, с азартом следя за ним.

И всё-таки Джим плюхнулся. Бук, стоя на берегу, кричал и ругался. Джим тоже закричал, потому что заметил, что две акулы плывут прямо на него. Когда они были уже на расстоянии метра, Пеппи метнула в одну из акул большой кокосовый орех, да так метко, что угодила ей прямо в голову. Обе акулы так испугались, что Джим сумел кое-как доплыть до скального выступа и взобраться на него. Вода струйками стекала с его одежды, и вообще вид у него был весьма жалкий. Бук ругал его на чём свет стоит.

– Полезай-ка сам, тогда увидишь, каково это, – огрызнулся Джим.
– Уж я-то тебе покажу, как надо лазить по скалам, – хвастливо заявил Бук и схватился за выступ.

Дети не сводили с него глаз. Анника даже немного испугалась, потому что с каждой минутой он неумолимо приближался.

– Ой, ой, туда не становись, оттуда ты наверняка свалишься! – вдруг крикнула ему Пеппи.

– Куда? – испуганно спросил Бук.

– Вон туда, – ответила Пеппи и показала на камень.

Бук посмотрел вниз, себе под ноги, и тут же сорвался.

– Если дело так пойдёт дальше, мы в два счёта израсходуем наши запасы кокосовых орехов, – сокрушённо заметила Пеппи, бросая очередной орех в подплывшую акулу, чтобы помешать ей съесть Бука, который, обезумев от ужаса, барахтался в воде.

Когда он выбрался наконец на берег, он был злой как чёрт и вид у него был не менее жалкий, чем у Джима. И всё же он снова стал карабкаться по скалам, потому что твёрдо решил не отступать перед трудностями, во что бы то ни стало добраться до пещеры и отобрать у детей весь жемчуг.

На этот раз дело у него пошло куда лучше. Когда он дополз уже почти

до самого входа в пещеру, он торжествующе завопил:

– Попались, детки! Теперь вы мне за всё заплатите!

Тогда Пеппи высунула из пещеры руку и указательным пальцем ткнула Бука в живот.

Раздался всплеск – Бук снова отчаянно барахтался в воде.

– Прихватил бы с собой хоть два ореха, когда лез к нам, а то просто жалко их изводить на тебя! – крикнула ему Пеппи, оглушая очередную акулу.

А тут, как назло, подплыло ещё несколько акул, и ей пришлось кидать орех за орехом. Один из них угодил Буку по голове.

– Ой, прости, пожалуйста, я думала, это голова акулы, – вежливо извинилась Пеппи, когда Бук взвыл от боли. Орех этот оказался на редкость большим и тяжёлым.

Джим и Бук решили больше не рисковать жизнью, а подождать, пока ребята сами выйдут из пещеры.

– Ведь рано или поздно они проголодаются, и им волей-неволей придётся выбраться из своего убежища, – угрюмо сказал Бук, – вот тогда-то они запоют по-другому.

Он крикнул детям:

– Я за вас очень волнуюсь: вы же подохнете с голоду, если решите долго отсиживаться в пещере.

– У тебя доброе сердце, это сразу видно, – ответила Пеппи. – Только зря ты себе кровь портишь, на ближайшие две недели у нас здесь еды за глаза хватит. Потом, правда, уже придётся выдавать каждому порцию на день.

И для пущей убедительности Пеппи тут же разбила большой кокосовый орех, выпила кокосовое молоко и стала с аппетитом уплетать его дивную сердцевину.

Джим и Бук в бешенстве выкрикивали всевозможные ругательства, чтобы хоть как-то облегчить себе душу. Солнце уже клонилось к закату, и друзьям явно предстояло провести ночь на берегу. Они боялись отправиться ночевать на свой пароходик, потому что дети могли бы за это время выбраться из пещеры и спрятать где-нибудь жемчуг.

Им ничего не оставалось, как улечься на скалистом берегу в мокрых штанах, но приятного в этом было мало. А тем временем дети в пещере ели кокосовые орехи и плоды хлебного дерева. Глаза у них сияли – всё это было так захватывающе интересно. Иногда кто-нибудь высовывал голову из отверстия пещеры. Уже совсем стемнело, и силуэты Джима и Бука с трудом можно было различить на берегу, зато до детей отчётливо доносились их

голоса – бандиты продолжали ругаться.

Вдруг, буквально за несколько минут, налетела гроза, да такая, какая бывает только в тропиках: казалось, небо разверзлось, дождь хлестал как из ведра. Пеппи высунула из пещеры кончик носа.

– До чего же вам везёт, сразу видно, вы родились в сорочке! – крикнула она Джиму и Буку.

– Что ты хочешь этим сказать? – с надеждой в голосе спросил Бук.

Он решил, что дети раскаялись и готовы теперь отдать им весь жемчуг.

– Почему ты считаешь, что нам везёт?

– А то как же, конечно, везёт! Вы могли бы сейчас промокнуть до нитки, но, к счастью, вы успели до этого искупаться прямо в одежде. И этот ливень вам нипочём.

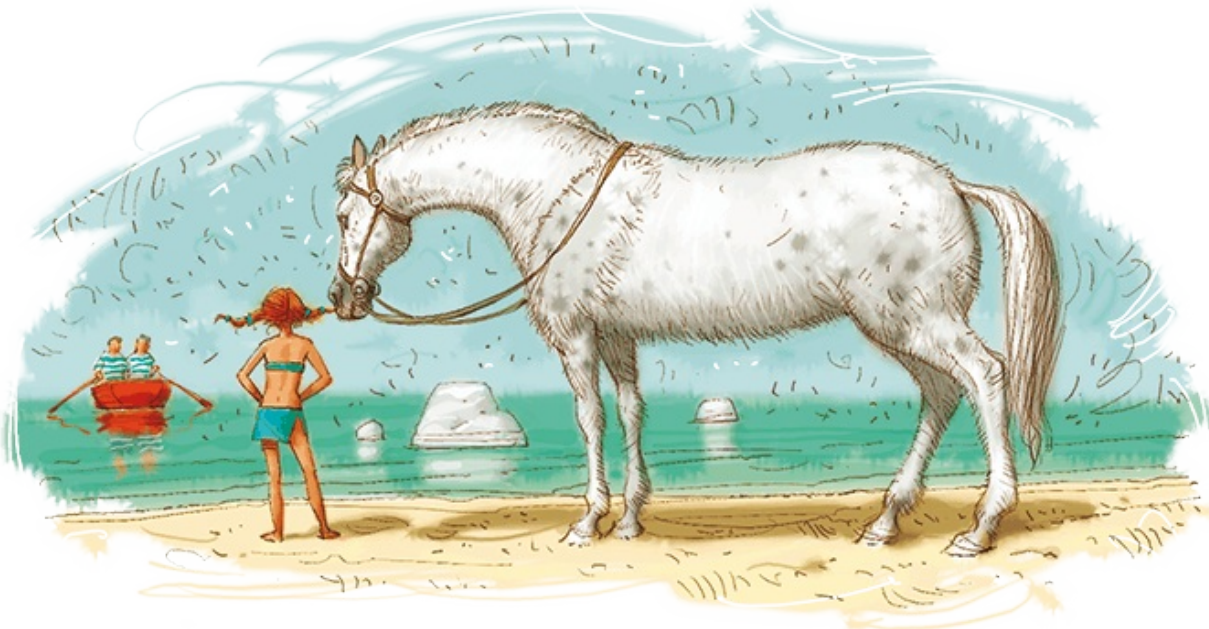
В ответ послышалась грубая брань, но дети не поняли, кто ругался – Джим или Бук.

– Спокойной вам ночи, приятного сна! – крикнула Пеппи. – И нам тоже пора спать.

Все дети улеглись в пещере. Томми и Анника расположились рядом с Пеппи и держали её за руки – на всякий случай. Как там было уютно, тепло, сухо и убаюкивал шум дождя.

Как Пеппи проучила бандитов

Дети прекрасно спали всю ночь. Но этого нельзя сказать о Джиме и Буке. До полуночи бандиты кляли ливень, а когда дождь кончился, стали ругаться, выясняя, по чьей вине они не смогли украсть жемчуг и кому пришёл в голову дурацкий план отправиться на этот остров. Но, когда взошло солнце и высушило их промокшую одежду, а из отверстия пещеры выглянуло весёлое личико Пеппи – она пожелала им доброго утра, – бандиты твёрдо решили не останавливаться ни перед чем, любой ценой раздобыть жемчуг и покинуть остров только с этим сокровищем. Но они ещё не знали, как им удастся осуществить свой план.

Тем временем лошадь Пеппи начала беспокоиться, куда пропали Пеппи, Томми и Анника. Господин Нильсон, вернувшись из джунглей после встречи со своими родичами, тоже удивлялся исчезновению ребят. К тому же ему хотелось узнать, что скажет Пеппи, когда обнаружит, что он потерял в джунглях свою соломенную шляпу.

Лошадь и обезьяна решили отправиться на поиски Пеппи. Господин Нильсон вскочил на лошадь и ухватился за её хвост. Вскоре они прискакали на южную часть острова и тут же увидели Пеппи, которая как раз выглянула из пещеры. Лошадь радостно заржала.

– Гляди, Пеппи, вон твоя лошадь! – крикнул Томми.

– А Господин Нильсон вцепился ей в хвост! – подхватила Анника.

Джим и Бук услышали голоса детей. Так они узнали, что лошадь, которая рысью бежала вдоль берега, принадлежала Пеппи, этому рыжему чертёнку, засевшему в пещере.

Бук побежал за лошадью и схватил её за гриву.

– Эй ты, колдунья, – крикнул он Пеппи, – я сейчас убью твою лошадь?

– Ты хочешь убить лошадь, которую я так люблю, – ужаснулась Пеппи, – такую милую, чудную, добрую лошадь?! Нет, ты этого никогда не сделаешь!

– Ещё как сделаю! Ты же сама к этому вынуждаешь, – заявил Бук, – я её убью, если ты не принесёшь нам весь жемчуг. Ну, поживей! Спускайся, не то через несколько минут лошадь будет зарезана.

Пеппи с серьёзным видом поглядела на Бука.

– Милый человек, – сказала она, – я прошу тебя, прошу от всего сердца: не убивай мою лошадь и оставь детям жемчуг.

– Ты слышала, что я тебе сказал? Я не люблю повторять одно и то же. Немедленно спускайся с жемчугом, а не то...

И Бук добавил тихо, обращаясь к Джиму:

– Пусть она только спустится с жемчугом. Уж я её разделаю под орех в благодарность за эту ужасную ночь, которую мы провели здесь. А лошадь мы увезём с собой и высадим на каком-нибудь другом острове... А ну поторапливайся, девчонка, мне надоело ждать!

– Иду, – ответила Пеппи, но только не забудь, что ты сам просил меня об этом.

По узким скалистым уступам Пеппи так легко сбежала вниз, словно это была ровная садовая дорожка, а потом прыгнула с высокой скалы и в одно мгновение очутилась на том плато, где стояли Бук и Джим, держа лошадь за гриву.

Она встала перед Буком, маленькая и тоненькая, в одной набедренной повязке, рыжие косички смешно торчали в разные стороны, а глаза горели каким-то странным огнём.

– Где жемчуг, давай скорей! – крикнул Бук.

– Сегодня я его не взяла с собой, потому что мы решили играть в чехарду, – ответила Пеппи.

Услышав этот ответ, Бук заревел от бешенства, да так дико, что Анника наверху в пещере задрожала.

– Я вижу, мне придётся прикончить не только лошадь, но и тебя! – завопил он и кинулся к Пеппи.

– Полегче на поворотах, дружок! – сказала Пеппи и, обхватив руками бандита, подкинула его метра на три над головой.

Когда он упал, он больно ударился о скалу. Тут настал черёд Джима. Только он размахнулся, чтобы стукнуть Пеппи, как она ловко увернулась, схватила Джима и тоже зашвырнула его на скалу, а когда он упал, тоже больно ударился. Джим и Бук сидели теперь на скале и громко стонали, а Пеппи ходила вокруг и отчитывала их:

– Это просто позор так себя вести! Вы слишком пристрастились к игре в шарики. Куда это годится! Вы должны научиться отказываться от любых игр и от всяких развлечений. Главное в человеке – чувство меры, – закончила она назидательно.

Потом Пеппи схватила Джима и Бука за шиворот, стащила их в лодку и оттолкнула её от берега.

– Поезжайте-ка поскорее домой и попросите вашу маму, чтобы она дала вам каждому по пять эре, тогда вы сможете купить себе пластмассовые шарики и наиграетесь всласть, – напутствовала их Пеппи, – уверяю вас, пластмассовыми шариками играть не хуже, чем жемчужными.

Несколько минут спустя пароход бандитов полным ходом удалялся от острова Веселия. И с тех пор они ни разу больше не появлялись в этих краях.

Пеппи погладила лошадь. Господин Нильсон прыгнул Пеппи на плечо. А тут как раз из-за дальнего мыса показался длинный ряд лодок. Это капитан и островитяне возвращались с охоты. Пеппи закричала от радости и стала им махать, а они приветствовали детей, подняв вверх вёсла.

Пеппи быстро приладила канат, чтобы Томми, Анника и все остальные ребята могли спуститься вниз. Когда лодки через несколько минут вошли в бухту, где на волнах покачивалась «Попрыгунья», все дети стояли на берегу.

Капитан Длинныйчулок хлопнул Пеппи по плечу.

– Всё было спокойно? – спросил он.

– Ага, – ответила Пеппи.

– Ну, Пеппи, что ты говоришь, – сказала Анника, – здесь чуть-чуть не случилось несчастье.

– Верно, а я и забыла! – воскликнула Пеппи. – Но ничего особенного не случилось, папа Эфроим. Знаешь, всё-таки когда тебя нет, у нас обязательно что-нибудь случается.

– Ну скажи мне скорей, детка, что здесь произошло? – с тревогой в голосе спросил капитан Длинныйчулок.

– Я же говорю, ничего особенного. Просто Господин Нильсон потерял в джунглях свою соломенную шляпу.

Как Пеппи покидает страну Веселию

Дни быстро шли. Удивительные дни в этом удивительном тёплом краю, где всегда сияло солнце, сверкала синяя вода и благоухали цветы.

Томми и Анника так загорели, что их почти нельзя было отличить от веселят. А веснушки Пеппи стали чуть не с блин величиной.

– Наше путешествие заменило мне посещение института красоты, – радостно говорила Пеппи. – Никогда ещё я не была такой веснушчатой и красивой. Если так пойдёт дальше, я стану просто неотразима.

Собственно говоря, Момо, и Моана, и все другие дети считали, что Пеппи и так совершенно неотразима. Никогда ещё им не было так весело, как теперь, и они полюбили Пеппи не меньше, чем её любили Томми и Анника. Томми и Аннику они, конечно, тоже полюбили, а Пеппи, Томми и Анника, в свою очередь, всем сердцем привязались к местным ребятам. Поэтому им и было так весело всем вместе, и они играли целые дни напролёт и никак не могли наиграться. Часто они проводили по несколько дней в пещере. Пеппи отнесла туда одеяла, и теперь они могли там ночевать с большими удобствами, чем в первую ночь. Она сплела верёвочную лестницу, которую спустила с отвесной скалы прямо в море, и все ребята с лёгкостью лазили вверх и вниз и купались сколько им вздумается. Да, теперь они могли плескаться в воде без всякой опаски, потому что Пеппи ограда под пещерой довольно большое пространство крепкой сеткой, которую не могла прокусить ни одна акула. Как интересно

было заплывать в нижние пещеры, заполненные водой! Со временем Томми и Анника тоже научились нырять и доставать со дна жемчужные раковины.

Первая жемчужина, которую достала Анника, была на редкость красивая и крупная. Она решила взять её с собой и сделать кольцо с жемчужиной на память о стране Веселии.

Иногда они играли в бандитов. Пеппи изображала Бука, который хочет пробраться в пещеру, чтобы похитить весь жемчуг. Томми скатывал верёвочную лестницу, и Пеппи приходилось карабкаться по уступам скал. Все дети кричали: «Бук идёт, Бук идёт!» Когда Пеппи наконец влезла в пещеру, они по очереди толкали её пальцем в живот, она падала в воду, ныряла и потом долго барахталась, смешно болтая ногами. А все ребята так хохотали, что сами едва не падали вслед за ней из пещеры.

Когда им надоедало играть в пещере, они уходили в свой бамбуковый дом; за это время Пеппи вместе с ребятами построила настоящий бамбуковый дом – большой, четырёхугольный, сложенный из толстых бамбуковых стволов, и взбираться на крышу дома, карабкаясь по стене, было на редкость увлекательно. Возле дома стояла высоченная кокосовая пальма. Пеппи вырубил на ней ступеньки, так что можно было влезать на самую верхушку, откуда открывался замечательный вид. Между двумя другими пальмами Пеппи повесила канат, который сплела из лиан. Это было особое удовольствие. Если сильно раскачаться, а потом выпустить из рук канат, то можно нырнуть прямо в воду. Пеппи раскачивалась так сильно и так долго летела, прежде чем падала в воду, что говорила: «В один прекрасный день я долечу, наверное, до Австралии; пожалуй, не позавидуешь тому, кому я сяду на голову».

Дети совершали также экскурсии в джунгли. Там была довольно высокая гора и водопад, который падал с обрыва. Пеппи задумала прокатиться по этому водопаду в бочке и тут же принялась осуществлять свои замыслы. Она достала на «Попрыгунье» пустую бочку, влезла туда и попросила Момо и Томми забить её, докатить до водопада и столкнуть в воду. Мощный водоворот тут же подхватил и закрутил бочку, и в конце концов дети потеряли её из виду – её поглотил могучий поток бурлящей и пенящейся воды. Когда на глазах у детей бочка с Пеппи исчезла в бурном потоке, они до смерти перепугались, решив, что никогда больше её не увидят. Но вскоре бочку прибило к берегу, из неё выскочила весёлая Пеппи и заявила:

– Бочка – прекрасный способ передвижения. Хотите попробовать?

Так шли дни, один лучше другого. Но вот-вот должен был начаться

период дождей, и тогда капитан Длинныйчулок заперся в своей хижине и долго думал, как быть дальше: он боялся, что во время дождей Пеппи будет плохо себя чувствовать на острове. Томми и Анника всё чаще вспоминали своих папу и маму и свой дом. Им очень хотелось вернуться к Рождеству, поэтому они не были так огорчены, как можно было ожидать, когда Пеппи сказала им однажды:

– Томми и Анника, как вы думаете, не пора ли нам возвращаться домой?

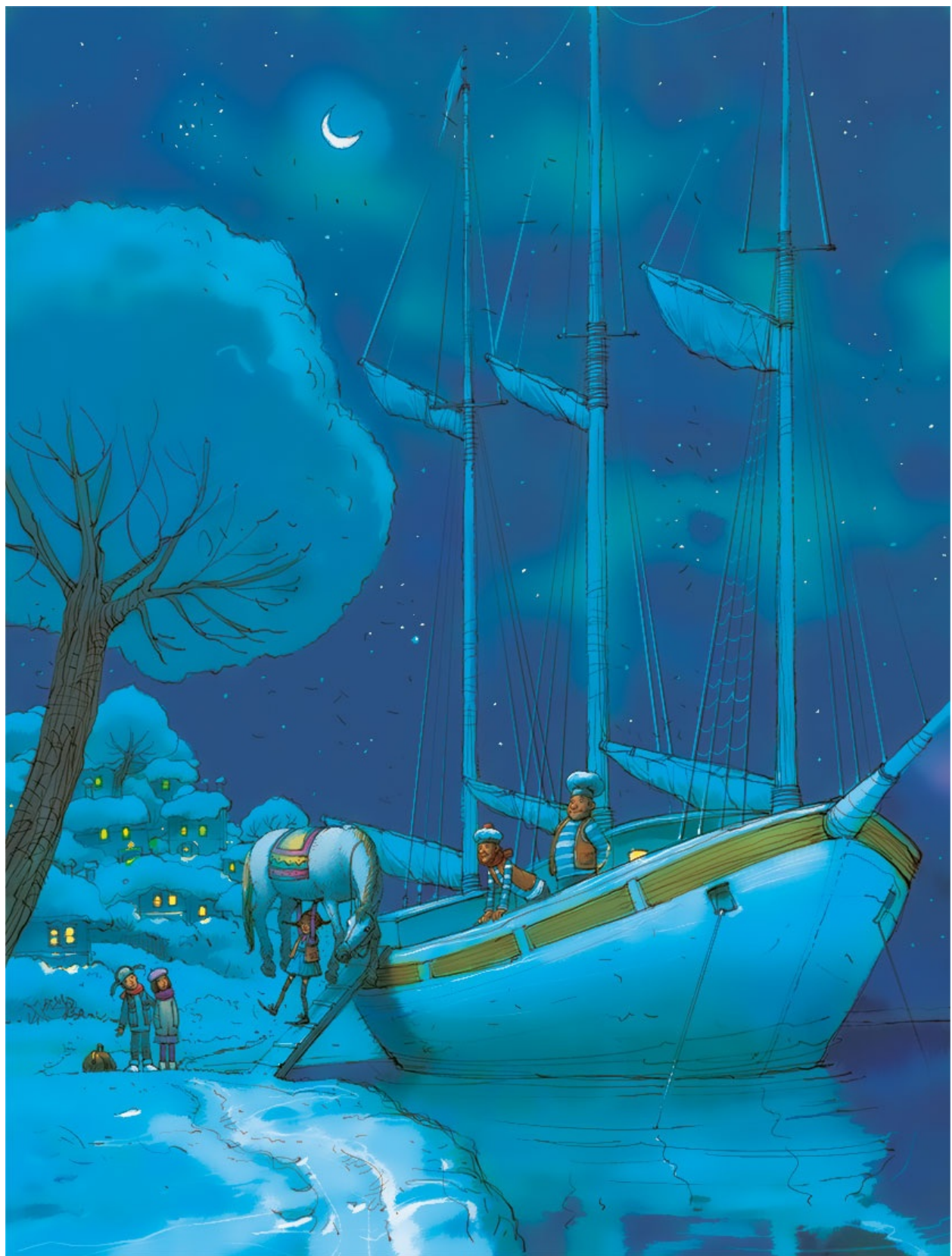
Для Момо, Моаны и для всех других веселят день, когда Пеппи, Томми и Анника поднялись на борт «Попрыгуньи», был, конечно, днём очень печальным. Но Пеппи обещала им, что они обязательно снова приедут на остров. Провожая своих друзей, маленькие веселята сплели венки из белых цветов и надели их на прощание на Пеппи, Томми и Аннику. И прощальная песня ещё долго доносилась до палубы уходящего корабля. Капитан Длинныйчулок тоже стоял на берегу. Он был вынужден остаться на острове, чтобы управлять страной. Поэтому он поручил Фридольфу доставить ребят домой. Капитан Длинныйчулок задумчиво сморкался в свой большой носовой платок и потом долго махал им. Пеппи, Томми и Анника плакали, слёзы градом катились у них из глаз, и они всё махали и махали капитану и негритятам ещё долго после того, как берег Веселии скрылся из виду.

Во время всего пути домой дул попутный ветер.

– Боюсь, что нам ещё до Северного моря придётся вытаскивать тёплые свитера, – сказала Пеппи.

– Да, тут уж ничего не поделаешь, – печально ответили Томми и Анника.

Вскоре стало ясно, что «Попрыгунья», несмотря на попутный ветер, никак не сможет оказаться в их родном городе до Рождества. Томми и Анника очень огорчились, когда это услышали. Ещё бы, никакой ёлки, никаких рождественских подарков!

– Раз так, мы с тем же успехом могли бы остаться на острове, – сердито заявил Томми.

Анника подумала о маме и о папе и решила, что она всё равно рада вернуться домой. Но всё же было очень обидно, что они пропускают Рождество, – на этот счёт брат и сестра сошлись во мнении.

Наконец тёмным вечером в начале января Пеппи, Томми и Анника увидели огни своего родного города. Они вернулись домой.

– Да, неплохую экскурсию совершили мы в Южное море, – сказала Пеппи, когда вела по трапу свою лошадь.

В порту никого не было, их никто не встречал, да оно и понятно, потому что никто ведь не мог знать, когда они приедут.

Пеппи посадила Томми, Аннику и Господина Нильсона на лошадь, и они отправились домой. Лошадь шла с трудом, потому что улицы и шоссе были завалены снегом. Томми и Анника едва различали дома сквозь снежный буран. Скоро они увидят своих маму и папу. И тут вдруг они почувствовали, как они по ним соскучились.

В доме у Сёттергренов так заманчиво горел свет, и сквозь окно было видно, как их мама и папа сидят за столом.

– Вот мама и папа, – сказал Томми, и в голосе его зазвучала радость.

Но домик Пеппи был тёмным и весь засыпан снегом. Анника сильно огорчилась, сообразив, что Пеппи должна идти туда совсем одна.

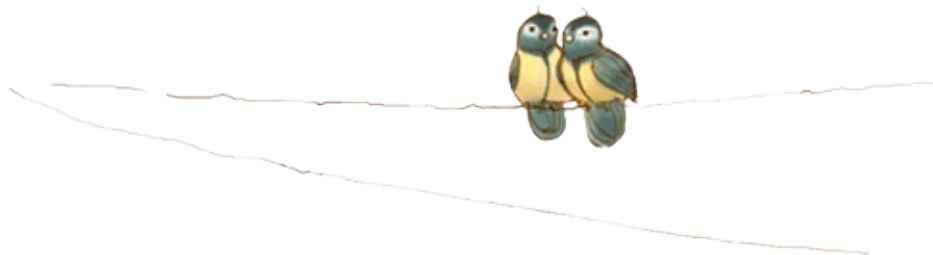
– Милая Пеппи, может быть, ты первую ночь проведёшь у нас? – спросила она.

– Нет, ни в коем случае, – ответила Пеппи и плюхнулась в снежный сугроб у калитки. – Мне ведь надо навести порядок у себя в доме.

И она бодро зашагала по сугробам, проваливаясь чуть ли не по пояс. Лошадь трусила за ней.

– Подумай только, как тебе там будет холодно, – сказал Томми, – ведь в твоём доме так долго не топили.

– Пустяки, – воскликнула Пеппи, – когда сердце горячее и сильно бьётся, замёрзнуть невозможно!

Пеппи не хочет быть взрослой

Ах, как мама и папа Томми и Анники засуетились вокруг своих детей, когда их увидели: они обнимали их и целовали, накормили прекрасным ужином, уложили в постель, накрыли одеялом, а потом ещё долго-долго сидели у них на кроватках и слушали рассказы об удивительных приключениях на острове Веселии. И все они, и родители и дети, были счастливы. Только одно огорчало ребят: ведь они пропустили рождественский праздник. Томми и Анника не хотели волновать маму и поэтому не сказали, как им грустно, что они опоздали на рождественскую ёлку и не получили рождественских подарков. Но хотя они об этом не обмолвились ни словом, радость приезда была всё-таки несколько омрачена. Им было как-то странно вновь оказаться дома, как, впрочем, всегда бывает после долгого отсутствия, и, если бы они приехали как раз в рождественский вечер, им было бы значительно легче войти в прежнюю колею.

Мучила Томми и Аннику и мысль о Пеппи. Они представляли себе, как она спит в своей нетопленной вилле, положив, как обычно, ноги на подушку, и никто не сидит на краю её кровати, и никто не подтыкает ей одеяло. Они решили навестить её на следующий же день.

Но на следующий день их мама не захотела с ними расставаться ни на минуту, потому что она их так долго не видела, а к тому же к обеду должна прийти бабушка, чтобы повидать внучат после их путешествия. Томми и Анника очень тревожились, думая о том, что Пеппи проводит весь день в одиночестве, и, когда наступил вечер, они уже не смогли *дольше* терпеть.

– Милая мама, мы должны навестить Пеппи, – сказал Томми.

– Ну что ж, идите, – сказала фру Сёттергрэн, – только поскорее возвращайтесь домой.

Томми и Анника тут же помчались к Пеппи.

Когда дети отворили калитку в сад, они остановились, поражённые, и с изумлением стали оглядываться по сторонам. Всё выглядело точь-в-точь как на рождественской открытке: домик был весь засыпан пушистым белым снегом, а все окна были ярко освещены. На террасе горела большая свеча, и свет её красиво озарял заснеженные кусты. Дорожка к террасе была расчищена, так что ребятам не пришлось проваливаться в сугробах.

Они ещё стряхивали снег на террасе, когда открылась дверь и появилась Пеппи.

– Счастливого Рождества! – крикнула она и повела их на кухню.

А посреди кухни, представьте себе, стояла замечательная рождественская ёлка! Свет был потушен, а на ёлке горело семнадцать свечей, и от их дрожащего пламени и потрескивания становилось как-то очень уютно. Стол был накрыт по-праздничному. В середине стоял рождественский пудинг, на тарелках лежали красиво нарезанная ветчина, колбаса и другие вкусные вещи и много-много пряников. В печке пылал огонь, а в чулане стояла лошадь и весело била копытами. Господин Нильсон прыгал по ёлке с ветки на ветку, не задевая свечей.

– Я велела Господину Нильсону изображать рождественского ангела, – угрюмо сказала Пеппи. – Но он не желает сидеть спокойно.

Томми и Анника застыли на пороге кухни, не в силах от восхищения вымолвить ни слова.

– О Пеппи! – прошептала наконец Анника. – Как это замечательно! Как ты могла со всем этим справиться? Как ты успела всё это устроить?

– А я очень прилежная, – ответила Пеппи.

Томми и Анника вдруг почувствовали себя невероятно счастливыми, и им стало так весело, как ещё никогда не было.

– Как хорошо, что мы вернулись домой, – сказал Томми.

Дети сели вокруг стола и стали есть ветчину, рисовый пудинг, колбасу и пряники, и всё это им показалось куда вкуснее, чем бананы и плоды хлебного дерева.

– Слушай, Пеппи, – сказал Томми, – а ведь Рождество-то давно прошло.

– Ну и что, – отозвалась Пеппи, – просто моя вилла немного отстала, как старые часы. Придётся отнести её в часовую мастерскую, чтобы заменили пружину, а то она ещё больше отстанет.

– Как чудесно, что здесь отстало время, – сказала Анника, – и мы не пропустили ёлки, только вот рождественских подарков нет.

– Ой, хорошо, что ты напомнила, я спрятала ваши подарки! Ищите их сами.

Томми и Анника даже покраснели от удовольствия, они вскочили с мест и принялись искать. В чулане Томми обнаружил большой пакет, на котором было написано: «Томми». В пакете лежала прекрасная коробка

с красками. Под столом Анника нашла свёрток со своим именем, а в свёртке лежал красный зонтик.

– Я возьму его с собой, когда мы в следующий раз поедem в страну Веселию, – сказала Анника.

Над печкой висели ещё два свертка. Дети тут же развернули бумагу – там оказались заводной вездеход для Томми и кукольный сервис для Анники. К хвосту лошади тоже был привязан небольшой свёрточек, в котором был маленький настоящий будильник.

– Поставьте его у себя в комнате, – сказала Пеппи.

Когда дети налюбовались подарками, они крепко обняли Пеппи. Она стояла у кухонного окна и глядела на снежные сугробы в саду.

– Завтра мы построим огромный снежный дом, – объявила она. – А по вечерам мы будем зажигать там свечку, и в снежном доме будет светло, как в настоящем.

– Давайте, давайте! – воскликнула Анника, всё больше радуясь тому, что вернулась домой.

– А ещё мы могли бы, пожалуй, устроить лыжный трамплин с нашей крыши на террасу и в сугроб, – сказала Пеппи. – Знаете, я хочу научить лошадь кататься на лыжах. Вот только никак не могу решить, сколько ей нужно лыж, четыре или две.

– Ой, как будет весело завтра! – завопил от восторга Томми. – Как нам повезло, что мы вернулись как раз в январе.

– Нам всегда будет весело, – сказала Анника, – и здесь, в вилле «Курица», и в стране Веселии, и вообще везде.

Пеппи кивнула головой. Они сидели втроем за кухонным столом. Вдруг Томми помрачнел.

– Я не хочу становиться взрослым, – твёрдо сказал он.

– И я тоже, – подхватила Анника.

– Охота была! – воскликнула Пеппи. – Взрослым никогда не бывает по-настоящему весело. Да и чем они заняты: скучной работой или модами, а говорят только о мозолях и подуходных налогах.

– Не подуходных, а подоходных, – поправила её Анника.

– Ах какая разница! – отмахнулась Пеппи. – И ещё они портят себе настроение из-за всяких глупостей и почему-то считают, что если во время еды сунешь нож в рот, то обязательно случится несчастье.

– А знаете, что главное, – сказала Анника, – они не умеют играть. Ах как жаль, что мы тоже будем взрослыми!

– Кто сказал, что мы обязательно должны стать взрослыми? – возмутилась Пеппи. – Что до меня, то я запаслась пилюлями.

- Какими пилюлями? – спросил Томми.
- Самыми лучшими пилюлями для тех, кто не хочет быть взрослым, – сказала Пеппи, прыгнула со стола и стала шарить по всем полкам и ящикам, и через несколько минут показала ребятам три крохотных шарика, очень похожих по виду на горошины.
- Так ведь это горох! – разочарованно воскликнул Томми.
- Сам ты горох, – обиделась Пеппи. – Разве это горох? Это чудесные пилюли. Мне их дал давным-давно один старый индейский вождь в Эри́о, когда я сказала ему, что ужасно не хочу становиться взрослой.
- И ты думаешь, что такая вот крошечная пилюлька может этому помешать? – с сомнением спросила Анника.
- Наверняка! – заверила её Пеппи. – Но только глотать их надо в полной темноте и при этом говорить заклинание:

Я пилюльку проглочу,
Старой стать я не хочу!

- Ты, наверное, хочешь сказать не «старой», а «стать большой», – поправил её Томми.
- Если я говорю «старой», значит, я так и хочу сказать «старой», – объяснила Пеппи. – Самое ужасное было бы говорить «стать большой». В этом и всё дело, что обычно люди, произнося это заклинание, говорят «стать большим», и поэтому у них ничего не получается. Вернее, получается ужас что такое: они начинают расти с невероятной быстротой. Мне рассказывали про девочку, которая приняла эту пилюлю. Но сказала «стать большой» вместо «старой». И она тут же стала расти так, что страшно было на неё глядеть. По несколько метров в день. Это было ужас что такое. Вернее, сперва ей было даже очень удобно, потому что она могла срывать яблоки прямо с дерева, словно жираф. Но вскоре она потеряла и эту радость, потому что чересчур вытянулась. Если какая-нибудь тётя приходила её навестить и хотела ей сказать, как обычно говорят в таких случаях: «Ох как ты выросла и окрепла», то тётя должна была кричать в микрофон, чтобы девочка её услышала. Её вообще перестали видеть, вернее, не видели ничего, кроме длинных худых ног, которые исчезали где-то в облаках, как две гигантские мачты. И слышно её тоже больше не было, только один раз до земли донёсся её крик, когда она случайно лизнула солнце и на языке у неё вскочил волдырь. Она так вопила, что цветы здесь, на земле, стали вянуть. С тех пор её больше не было слышно, хотя ноги её

ещё долго болтались в окрестностях Эрио и мешали движению на шоссе.

– Я ни за что не приму эти пилюли, – испуганно сказала Анника, – а вдруг я ошибусь?

– Нет, не ошибёшься, – утешила её Пеппи. – Если бы я думала, что можешь ошибиться, я бы ни за что не дала тебе эту пилюлю. Потому что мне было бы очень скучно играть не с тобой, а с твоими ногами. Томми, я и твои ноги – какая бы была невесёлая компания.

– Анника, ты не ошибёшься, – уговаривал Томми сестру.

Дети погасили свечи на ёлке. В кухне стало совсем темно, только вспыхивали угли в печке, но Пеппи притворила дверцу. Они сели в кружок на пол и взялись за руки. Пеппи дала Томми и Аннике по горошинке. От напряжения у них мурашки забегали по спине. Подумать только, через мгновение эти чудесные пилюли окажутся у них в животах, и тогда им никогда не придётся стать старыми. Это будет замечательно!

– Давайте, – шепнула Пеппи.

Дети проглотили по пилюльке.

– Я пилюльку проглочу, старой стать я не хочу! – сказали они все трое хором.

Дело было сделано, и Пеппи зажгла висячую лампу.

– Прекрасно, – сказала она. – Теперь мы никогда не будем большими, и у нас не будет мозолей и всех других неприятностей. Правда, пилюли эти очень долго лежали у меня в шкафу, поэтому я не совсем уверена, что они не утратили своей чудесной силы. Но будем надеяться.

И тут Аннике пришла ужасная мысль.

– Ой, Пеппи, – испуганно воскликнула она, – ведь ты хотела стать морской разбойницей, когда вырастешь!

– Пустяки, я и так могу стать морской разбойницей, – успокоила её Пеппи. – Я стану маленькой, но очень грозной разбойницей, которая сеет вокруг себя ужас и смерть.

Пеппи задумалась.

– Представьте себе, – сказала она после паузы, – нет, вы только представьте себе, что через много-много лет мимо моего домика пройдёт какая-нибудь тётя и увидит, как мы играем в саду и прыгаем на одной ножке. И она, быть может, спросит тебя, Томми: «Сколько тебе лет, дружок?» А ты ей ответишь: «Пятьдесят три года, если не ошибаюсь».

Томми весело рассмеялся и сказал:

– Она, наверное, подумает, что я просто ростом не вышел.

– Ага, – согласилась Пеппи, – но ты сможешь ей сказать, что когда ты был меньше, ты был больше.

Тут как раз Томми и Анника вспомнили, что мама их просила поскорее вернуться домой.

– Нам теперь пора идти, – сказал Томми.

– Но мы придём завтра утром, – сказала Анника.

– Вот и хорошо, – сказала Пеппи. – Ровно в восемь утра мы начнём строить снежный дом.

Пеппи проводила друзей до калитки, и её рыжие косички прыгали у неё на спине, когда она бежала назад, в свою виллу.

– Знаешь, – сказал Томми, когда почистил зубы, – знаешь, если бы я не был уверен, что это чудесные пилюли, я бы спорил на сколько хочешь, что Пеппи нам дала самые обыкновенные горошины.

Анника стояла в пижаме у окна и глядела на домик Пеппи.

– Гляди, я вижу Пеппи! – радостно воскликнула она.

Томми тоже подошёл к окну. В самом деле, теперь, зимой, когда деревья стояли голые, виден был не только домик Пеппи, но и она сама

сквозь кухонное окно.

Пеппи сидела у стола, уткнувшись подбородком в скрещённые руки. Сонными глазами следила она за прыгающим пламенем свечи, стоящей перед ней.

– Она... она очень одинока сейчас, – сказала Анника дрогнувшим голосом. – Ой, скорей бы наступило утро, и мы бы пошли к ней.

Так они стояли у окна и глядели на снег. Звёзды светили над крышей виллы «Курица». Там живёт Пеппи. Она всегда там будет жить. Как это замечательно! Пройдут годы, но Пеппи, Томми и Анника не станут большими. Конечно, если чудесные пилюли не утратили своей силы! Настанет новая весна, а потом придут лето и осень, и снова наступит зима, а они всё будут играть и играть. Завтра они построят снежный дом и соорудят лыжный трамплин с крыши, а когда настанет весна, они заберутся на старый дуб, на котором растут бутылки лимонада, и будут играть в секлетаря, и будут кататься верхом на лошади, будут сидеть в чулане и рассказывать друг другу разные истории, снова поедут в страну Веселию и встретятся с Момо, и Моаной, и со всеми остальными негритянскими ребятами, но из всех путешествий они всегда будут возвращаться назад домой. Да, знать, что из всякого путешествия можно вернуться домой, очень-очень приятно.

– А Пеппи всегда будет жить в вилле «Курица»! – сказала Анника.

– И если она поглядит в нашу сторону, мы помашем ей рукой, – добавил Томми.

Но Пеппи глядела сонными глазами на пламя.

Потом она задула свечу.

notes

Примечания

Шармант – очаровательно (искаж. *фр.*). – *Прим. пер.*

Брандмайор – начальник пожарной команды.

Миля – мера расстояния в различных странах; сухопутная миля – 1,609 км.

Готтентоты (то же, что и кой-коин) – группа родственных народов Южной Африки.